

А. Л. Протопопов, Р. Г. Ардашев

**ВОПРОСЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Монография

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2020

Рецензенты

А. А. Протасевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный юрист Республики Бурятия, директор Института государства и права, заведующий кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета

Н. Н. Китаев — кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ, доцент кафедры юридических дисциплин Иркутского национального исследовательского технического университета

Протопопов А. Л.

П 83 Вопросы использования специальных знаний в расследовании преступлений : монография / А. Л. Протопопов, Р. Г. Ардашев. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2020. — 252 с.

ISBN 978-5-9793-1493-8

DOI 10.18101/978-5-9793-1493-8-2020-1-252

Настоящее издание посвящено актуальной теме использования специальных знаний при расследовании преступлений. Авторы излагают собственную позицию по многим дискуссионным вопросам с учетом мнений ученых-криминалистов. В работе подробно исследован вопрос назначения и проведения экспертиз, основанных на общественных науках. Дана критическая оценка рекомендаций отдельных авторов по использованию видов иррационального мышления в раскрытии преступлений. Особое внимание уделено вопросам правовой экспертизы и независимости эксперта.

Данная книга может быть полезна для научных и практических работников, сотрудников правоохранительных органов, преподавателей, аспирантов, адъюнктов и студентов юридических вузов.

Protopopov A. L.

Problems of Using Special Knowledge in Crime Investigation : a monograph / A. L. Protopopov, R. G. Ardashev. — Ulan-Ude : Buryat State University Publishing Department, 2020. — 252 p.

The book is devoted to the urgent problem of using special knowledge in crime investigation. We provide our own viewpoint on many controversial issues, taking into account the opinions of forensic scientists. The work takes a close look at the commissioning and carrying out of expert evidence based on social sciences. We review the recommendations of individual authors on the use of types of irrational thinking in solving crimes. Particular attention is paid to the issues of legal examination and independence of experts.

The book may be useful for researchers and practitioners, law enforcement officials, teachers, postgraduates, and students of law schools.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема использования специальных знаний при расследовании преступлений существует со времени возникновения криминалистики. Объем работ по теме необъятен, и, казалось бы, она исследована полностью. Однако это не так, и существует достаточно много причин обратиться к ней вновь. Назовем если не все, то некоторые из них.

В России происходит непрерывный рост преступности. Это проблема многих стран, и наша страна в этом отношении не исключение. Известный российский криминолог В. В. Лунеев считает, что преступность стала одной из главных угроз современности и необходимо постоянно отслеживать криминологические тенденции в целях уточнения уголовной политики, уголовного законодательства и практической организации борьбы с новыми формами преступности [130, с. 57].

Появилось много новых способов совершения преступлений, в том числе с применением радиоактивных веществ, ядов, автоматического оружия, взрывных устройств. Растет число ранее почти неизвестных серийных, заказных убийств. Уже давно признано наличие в стране профессиональной и организованной преступности, борьба с которой крайне сложна [153]. Увеличивается число и качество инсценировок, сокрытия преступлений. Ежегодно пропадают без вести многие тысячи человек, и в итоге нет достоверной информации о том, сколько в нашем государстве совершается убийств. В силу ряда объективных причин многие преступления латентны.

Возрастает число техногенных катастроф, аварий, крушений на транспорте, сопровождающихся многочисленными человеческими жертвами. Велики и материальные потери. Появились компьютерные, экологические, экономические и иные преступления, в частности незаконный оборот ядерных материалов. Успешно

расследовать подобные преступления можно только при помощи специалистов и использовании специальных знаний, без которых деятельность следователя обречена на неудачу. Положительный опыт расследования таких преступлений невелик. Иногда, несмотря на самые тяжкие последствия, не удается установить даже непосредственную причину происшествия, чему способствуют многочисленные объективные трудности.

Постоянно меняется уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. В принципе, изменения неизбежны и даже необходимы. Однако наблюдается их спонтанный рост, и чем он вызван, не всегда понятно. Часто эти изменения ничем не оправданы, их сущность не ясна, и они могут затруднить деятельность следственных органов.

Происходит быстрое развитие науки и техники, а объем научных знаний удваивается примерно каждые 10–15 лет. В настоящее время насчитывается около 15 тысяч отраслей науки. Это влечет за собой появление новых экспертиз, экспертных технологий и методов исследований. Активно идет процесс компьютеризации судебных экспертиз, внедрения математических методов в их производство. Необходимо учитывать, что достижения многих фундаментальных наук не сразу находят практическое применение. Рядом с наукой столетиями идет и лженаука, и разделить их далеко не простая задача [5]. Не все достижения науки и техники могут быть внедрены в следственную и экспертную практику по самым различным основаниям; в том числе по причине противоречия правам и свободам граждан, гарантированным Конституцией РФ. Не все из них обеспечивают успех, а их эффективность проблематична и нуждается в апробации на практике. Отношение к новым экспертизам должно быть достаточно осторожным, некритическое их восприятие недопустимо.

Некоторые новые экспертизы несостоятельны и в своей основе антинаучны, но, будучи оснащены соответствующей терминологией, иногда воспринимаются как передовое слово в науке. Преждевременная реализация таких экспертиз может повлечь

за собой негативные последствия, и подобные случаи известны. Поэтому не всем выводам новых экспертиз можно придавать статус процессуальных доказательств, хотя на практике это встречается [246, с. 56]. Сказанное означает, что следователь обязан надлежаще ориентироваться в мире научных идей, открытий, экспертных технологий, несмотря на то, что он не является специалистом в области конкретных знаний.

Можно отметить, что в следственной практике нашли признание достижения общественных наук (психологии, лингвистики и других), что в недавнем прошлом криминалистике было совершенно не свойственно. Назначаются и проводятся психологические, педагогические, этносоциальные, социально-гуманитарные, религиоведческие экспертизы. Это новая сфера использования специальных знаний. Научных исследований по ним мало, оценка рекомендаций различна. Получение консультаций возможно по любой области человеческих знаний и деятельности, но производство экспертиз по многим из них может оказаться весьма сомнительным, а в каких-то случаях и просто исключено. Свое понимание проблемы мы изложим при рассмотрении вопроса об экспертизах, базирующихся на общественных науках.

В свое время А. А. Эксархопуло писал о задачах криминалистики в преодолении негативных тенденций научно-технической революции, под которыми понимается то обстоятельство, что преступный мир использует, причем весьма активно, достижения науки и техники. Это вполне реальный факт, который следователь должен учитывать в своей деятельности. Автор дает рекомендации по нейтрализации указанного явления [263, с. 25–33]. Со своей стороны считаем совершенно недопустимым, даже абсурдным то, что преступники нередко технически оснащены лучше, чем следователь.

Для каждого вида преступлений существуют наиболее характерные экспертизы, хотя такое утверждение относительно. В настоящее время необходимы научные рекомендации по

назначению и производству экспертиз по делам о техногенных, транспортных, экологических происшествиях и преступлениях. Далеко не все следователи владеют методикой их расследования. Но и по традиционным преступлениям, в частности против личности, много проблем и нерешенных вопросов [175]. В настоящей работе именно эти преступления и имелись в виду.

Перечень нерешенных проблем использования специальных знаний является далеко не полным. Однако считаем, их вполне достаточно, чтобы признать тему работы актуальной.

Одновременно необходимо указать на следующее обстоятельство. В. Ю. Сокол высказывает мысль о том, что в отечественной криминалистике много противоречий и парадоксов. Это вполне естественно и характерно для многих наук. Но он утверждает, что она находится в кризисе и даже в глубоком кризисе, не соответствует современному состоянию раскрытия и расследования преступлений и утратила доверие практических работников следствия и общества в целом. Сказанное подтверждается общеизвестным фактом: ежегодно не раскрывается примерно 25% тяжких преступлений [208, с. 14, 19, 33; 209, с. 10–13].

Оставляя в стороне вопрос о степени кризиса криминалистики, отметим следующее. Полной раскрываемости быть не может, и ее нет ни в одной стране мира. Если подобное провозглашается, то мы имеем дело с сознательным обманом. Низкая раскрываемость — негативное явление, но еще не кризис. Далеко не во всех случаях решение проблем зависит от криминалистики как науки. Борьба с сокрытием преступлений от учета, создание стабильного и квалифицированного следственного аппарата, его техническое оснащение — все это и много другое может быть решено только на федеральном уровне. Подлинная кризисная проблема науки криминалистики заключается в ее отрыве от практики. Пустое и бесполезное теоретизирование, масштабное создание частных криминалистических теорий, по определению Р. С. Белкина — «криминалистических фантомов», облакаемых в наукообразную и малопонятную фразеологию, — все это

бесконечно далеко от нужд практики. Криминалистику часто преподают лица, ни дня не проработавшие на практике. Чему они могут научить студентов? В лучшем случае они способны пересказать содержание учебника, но и только. Осветить существующие проблемы следствия, дать рекомендации по их решению они не в состоянии и в итоге замещают свою несостоятельность рассуждениями, не имеющими к практике никакого отношения. Проводятся конференции, пишутся статьи, книги, защищаются диссертации, а следователи не знают ни их сути, ни даже фамилий авторов, порой самых известных. Это ли не парадокс? Однако какая-то часть существующих проблем может быть решена на текущем этапе, и именно этому посвящено настоящее исследование.

ГЛАВА 1

ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

1.1 Специальные знания в криминалистике.

Понятие, сущность

Раскрытие преступлений осуществляется различными путями. Это производство следственных и процессуальных действий, оперативно-разыскная деятельность, гораздо чаще их сочетание, использование криминалистических учетов. Немаловажное значение имеет и использование специальных познаний, известных на протяжении многих столетий, даже тысячелетий, о чем свидетельствуют многочисленные исторические памятники права: «Законы 12 таблиц», «Каролина», «Русская Правда», «Воинский Устав Петра I» и др. Так, в «Каролине», принятой еще в 1532 г., неоднократно говорится о привлечении к расследованию сведущих и ученых лиц, хирургов, в частности при освидетельствовании и осмотре мертвых тел [85]. Видимо, по этой причине «Каролина» считается зачаточной формой экспертизы [241, с. 280–281]. Само становление криминалистики как науки во многом связано с осознанием необходимости использования специальных знаний при расследовании происшествий и преступлений, приведения их в определенную систему. Когда-то были востребованы в основном знания медицины, токсикологии, оружейного дела, навыки тех лиц, которые имели отношение к составлению документов, их использованию. С течением времени расширились и возможности специальных познаний в судопроизводстве.

В начале XIX в. Людвиг фон Ягеманн в «Руководстве по судебному расследованию» указывал, что при расследовании преступлений необходимо привлекать сведущих лиц, среди которых

называл охотников, писарей, сапожников, пекарей и иных специалистов своего дела [цит. по: 210]. Г. Гросс писал об использовании микроскопистов, фотографов, биологов, химиков, а также упоминал токарей, столяров, нумизматов и, разумеется, судебных врачей [65, с. 184–185]. Русский дореволюционный криминалист П. В. Макалинский также предлагал прибегать к помощи врачей, фармацевтов, педагогов, казначеев, архитекторов, живописцев. Ссылаясь на закон, он считал, что и орган дознания (полиция) в процессе раскрытия имеет на это право [135, с. 36–37, 241–243, 252–255, 259]. Знания названных специалистов востребованы и в наши дни, однако следователи обращаются к специалистам в том смысле, как их понимает уголовно-процессуальный закон. Не исключается и непосредственный контакт с теми, кто обладает необходимыми знаниями, не являясь сотрудником правоохранительной системы. Криминалисты прошлого среди сведущих лиц называли носителей очень многих специальностей, но в настоящее время их перечень еще более расширился, что связано с развитием науки и техники.

В научной литературе при расследовании преступлений предлагается использовать достижения кибернетики, электроники, оптики, генетики, бионики, эргономики, лазерной техники, такие отрасли математики, как теория информации, теория систем, теория игр и многое другое [55, с. 174; 62, с. 267; 116, с. 30]. Некоторые рекомендации реализованы, но некоторая их часть носит слишком общий характер, и не всегда понятно, как положения той или иной науки могут быть использованы криминалистикой. Например, бионика, эргономика, вряд ли эти науки в настоящее время имеют с ней точки соприкосновения. Теория информации, теория игр относятся к области математики, и их сущность ясна только математикам, а основная масса следователей не имеет представления, каким образом они могут быть применены в следственной работе.

Классификация наук представляет собой сложную задачу. Знание может быть не только научным, но и паранаучным,

лженаучным и антинаучным [4]. Не все науки, особенно общественные, могут способствовать процессу расследования. По этой причине следователь должен обладать определенным объемом общей культуры, чтобы ориентироваться в этом многообразии, и ему необходимо критически оценивать криминалистические рекомендации, не допускать назначения экспертиз, не имеющих под собой достоверной научной базы, эмпирического обоснования. Это одна сторона вопроса, другая заключается в том, чтобы полностью использовать для раскрытия и расследования преступлений имеющийся научный потенциал. В определенной мере это связано с тем, что в криминалистике наряду с появлением новых преступлений растет число следов, ранее не известных.

Важная задача следователя, специалиста — обнаружение следов, что нередко возможно только при использовании специальных знаний и криминалистической техники. В настоящее время наблюдается тенденция к уменьшению так называемых традиционных следов. Вернее, следы есть, но они латентны, слабовидимы или вообще невидимы, но все же их обнаружение и изъятие вполне реально. Имеет значение все: их обнаружение, фиксация, изъятие, определение, какая разыскная и доказательственная информация по ним возможна. Следует отметить, что след — сложное понятие и что это философская категория, а не только термин криминалистики. Ранее считалось, что след — это отпечаток чего-либо на поверхности, но сейчас под ним понимают любое изменение во внешней среде в связи с совершением преступления. Определение правильное, хотя, видимо, и оно недостаточно полное. Понятие следа в криминалистике постоянно расширялось и уточнялось. В свое время пришло понимание, что существуют следы сыпучие, жидкие, газообразные и иные. Запаховый след, в том числе бензина, спирта, духов, мыла, визуально не наблюдается, но он может быть воспринят и даже отражен в протоколе следственного действия. Есть следы борьбы и самообороны, хотя некоторые эксперты рассматривают их как правовые понятия и не считают возможным отвечать на вопросы

об их наличии и вообще использовать. Во многом такие следы действительно условны. Если в комнате опрокинут стул, то о чем это говорит? Этот факт необходимо зафиксировать, но объяснить его можно по-разному.

Но если мебель сдвинута, опрокинута, посуда разбита, одежда на потерпевшем повреждена, то в совокупности такую ситуацию можно назвать следами борьбы, самообороны, хотя в протоколе осмотра этот термин надо использовать с осторожностью, а может быть, и вообще от него отказаться, так как не исключается инсценировка или иная ситуация. Следов так много, что их классификация затруднена, а по одному признаку, как утверждал еще десятилетия назад Б. И. Шевченко, вообще невозможна [251].

Сообщалось, что существуют и могут быть исследованы следы памяти, следы-навыки, следы физических явлений, явлений природы и многие другие [190, с. 237–243, 263–273, 290–295]. Иногда трудно определить, является объект следом или нет. Например, узел вряд ли является следом, скорее это вещественное доказательство, но в нем содержится информация о том, кто его завязал, его профессия. Аудиокассета — вещественное доказательство, но в ней содержится идеальный след человека — его голос, сведения о каком-либо событии.

В настоящее время следов гораздо больше, и работа с ними, безусловно, требует специальных познаний, помощи специалистов, экспертных исследований.

Итак, появилось много новых следов. Среди них можно назвать и выделить:

1. Одорологические. Мы называем их новыми, поскольку судебная одорология во многом дискуссионна, но то, что такие следы существуют, сомнению не подлежит.

2. Тепловые, в том числе тепловые следы человека. На их основе созданы приборы (теповизоры и другие), выявляющие инфракрасное излучение человека. Они нашли применение в оперативно-разыскной деятельности, но их применение возможно и при проведении следственных действий.

3. Радиоактивные. Эти следы выявляются приборами, определяющими наличие радиоактивности, ее уровень, отличающий его от естественного радиоактивного фона. Они нашли применение в ОРД, но не исключаются и в следственной работе, так как УК РФ предусматривает ряд преступлений (ст. 220–221, 226–1), связанных с незаконным оборотом, хищением, контрабандой ядерного материала и радиоактивных веществ.

4. Электронные (цифровые) следы.

5. Следы ДНК, которые, видимо, следует отнести к материальным. Их исследование существенно расширяет возможности криминалистики и судебной медицины.

6. Микроследы, которые также называют микрообъектами, микрочастицами, являющиеся объектами микрологии. Они имеют материальную природу, но часто невооруженным глазом визуально не наблюдаются.

7. Фоноскопические. Это голос человека и различные звуки.

8. Аудиторские. Эти следы отражают документальные движения финансовых потоков.

Появилось понятие виртуальных следов. Их наличие пока не является общепризнанным, нет и определения, но уже составлена их классификация. Утверждается, что они существуют в трактологии. Если такие следы действительно существуют, то могут быть обнаружены, зафиксированы, изъяты лишь с помощью специалистов [3, с. 13, 30; 142, с. 94–100].

Таким образом, понятие следов в криминалистике будет расширяться, как, соответственно, и роль специальных познаний в работе с ними.

Считаем необходимым отдельно остановиться на так называемых идеальных следах. О них известно давно, они упоминаются во многих учебниках криминалистики, но в то же время проблема в должной мере не разработана. Однако при расследовании идеальные следы могут иметь важное значение, и даже предложено создать о них криминалистическое учение.

Традиционно идеальные следы понимаются как отображения в памяти человека. Л. А. Суворова считает, что они могут находиться в памяти технических устройств. К ним автор относит обонятельную, вкусовую, тактильную информацию. Это действительно так, и следственной практике известны отдельные, даже, очевидно, уникальные случаи идентификации объектов по указанным свойствам. В основном же идеальные следы – это мысленные образы, находящиеся в памяти человека, которые могут быть извлечены и исследованы [215, с. 3, 8–11]. Полагаем, что понятие идеальных следов шире. Это, например, отсутствие бухгалтерских документов, документов по технике безопасности там, где они, бесспорно, должны находиться. Сам факт отсутствия документа, предмета является следом. Разновидностью идеального следа является инсценировка. Она может быть очевидной, но утверждать это на первоначальном этапе расследования, видимо, преждевременно. В протоколе осмотра места происшествия фиксируются только фактические данные, но их объяснение, оценка должны носить лишь предположительный характер. Окончательная оценка возможна лишь в ходе дальнейшего расследования. Такими следами могут быть многие факты, явления, события, которые в криминалистике называют негативными обстоятельствами. Поэтому при исследовании проблемы идеальных следов надо будет показать их отличие от негативных обстоятельств или признать идентичность этих понятий.

Необходимо указать, что следует понимать под специальными знаниями и в чем заключается их отличие от специальных познаний и есть ли оно вообще, тем более что полемика по последнему вопросу длится десятилетиями и продолжается до настоящего времени. Точек зрения множество, проанализировать все нет возможности, нет в этом и необходимости. Считаем, что вполне приемлемое определение дал Р. С. Белкин, который писал, что под специальными познаниями следует понимать профессиональные знания в области науки, техники, искусства, ремесла, необходимые для решения вопросов, возникших при

расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел [39, с. 80]. Аналогичные определения предлагают и другие авторы [52; 120, с. 414; 182; 200–202; 212; 255; 256]. Текстуально у различных авторов они не совпадают, но суть примерно одинакова. В частности, отмечается, что специальные познания приобретаются в результате профессиональной подготовки, обучения или опыта практической работы, и что они могут относиться не только к науке, технике, но и другим сферам человеческой деятельности, каковыми являются спорт, охота, обычаи и т. д.

Что касается понятий «знания», «познания», то расхождения авторов по ним более значительны. Об этом писали В. И. Шиканов, В. Н. Махов, Е. П. Ищенко, И. Л. Петрухин, Н. П. Майлис, Т. В. Аверьянова, А. Я. Палиашвили, С. А. Шейфер, А. А. Эйсман и др.

Эта проблема исследовалась в диссертационных работах А. М. Ильиной, С. И. Зернова, Е. А. Зайцевой, Е. В. Селиной, А. В. Наричного, Л. Г. Шапиро, иных авторов. Прошли десятилетия, и в 2012 г. А. А. Светличный пишет о том, что понятие «специальные знания» является дискуссионным. Сам автор ограничивается предложением совершенствовать теоретические подходы к данному вопросу [198]. Считаем, что дискуссионность темы во многом носит искусственный характер, и вот по каким основаниям. УПК РСФСР содержал в тексте оба понятия (ст. 78, 80, 82, 133–1). УПК РФ использует термин «специальные знания» (ст. 57–58, 195, 199), как и ст. 9 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», а ст. 5 УПК РФ не содержит их в числе основных понятий уголовного процесса. Их могут различать филологи, философы, но в криминалистике, считаем, такой необходимости нет. Вполне очевидно, что между актом познания и самим знанием различие существует. Знание — это то, что объективно установлено; познание — это процесс его поиска, исход которого еще не известен. Но могут быть и другие трактовки этих понятий; обосновывать и доказывать их — значит уходить от криминалистики. В литературе указывается, что между словами «знание» и «познание» смысловых различий нет, и их следует употреблять

как синонимы. Некоторые авторы считают, что термин «знание» предпочтителен, и предлагают прекратить бесплодную дискуссию [187, с. 10–11]. Если же разграничение является принципиальным, то всегда можно пояснить, почему использовано конкретное понятие, а не иное. В противном случае возможна путаница. Она возникает тогда, когда начинается различное толкование общепринятых понятий, терминов, не имеющее к криминалистике непосредственного отношения. Например, криминалистическая характеристика преступления содержит сведения о месте и времени его совершения. О чем идет речь, — понятно, но некоторые авторы начинают рассуждать о времени, пространстве — категориях физики и философии. Вот это и может запутать малоопытного следователя. Поэтому нет никакой необходимости усложнять простые понятия.

Дискуссионность возможна, но в другом. Так, долгие годы считалось, что правовые знания для юристов специальными не являются, но в настоящее время по указанному вопросу появились и иные точки зрения, о чем в дальнейшем будет сказано более подробно. Предлагается классификация специальных знаний при расследовании различных преступлений. Так, С. П. Голубятников утверждает, что произошло становление экономической криминалистики; требуется лишь ее развитие и совершенствование [61]. При расследовании преступлений против собственности, особенно в сфере экономической деятельности, специальные знания, бесспорно, необходимы, но позиция автора не стала общепринятой, а наоборот, даже вызвала критику. По данному поводу можно высказать следующее суждение. При расследовании многих преступлений, в том числе экономических, экологических, компьютерных, пенитенциарных, ятрогенных и других, назначаются и проводятся экспертизы, характерные именно для конкретных составов, но ничего однозначного в этом нет, как неоднозначна сама методика расследования.

Например, при расследовании убийств назначается судебно-медицинская экспертиза, но только в том случае, если в наличии

труп потерпевшего. При его отсутствии такая экспертиза за самым редким исключением не проводится. В иных ситуациях назначаются экспертизы, казалось бы, совершенно не характерные для того или иного преступления. Поэтому считаем, что при описании методики расследования преступления или группы преступлений надо указывать на наиболее характерные экспертизы и на возможные, исходя из особенностей конкретного дела. Следователю необходимо знать, какие вообще существуют экспертизы и каковы их возможности. В этом заключается вероятность получения разыскной и доказательственной информации, раскрытия преступления, изобличения виновного. Увеличивается число преступлений – растет и количество криминалистических методик по их расследованию. Что касается дробления криминалистики как единой науки, то такое предложение, во всяком случае на сегодняшний день, представляется нецелесообразным.

Специальные знания в криминалистике с ограниченной формой применения

Деятельность следователя в своей основе носит процессуальный характер, что относится и к использованию специальных познаний. В то же время есть немало ее видов, которые законом не регламентируются, а криминалистические исследования носят лишь рекомендательный характер, и это несмотря на то, что существуют изучающие их научные дисциплины. Некоторые из них сложно использовать не потому, что они ошибочны, а потому, что раскрытие и расследование преступлений весьма специфичны и существенно отличаются от других видов деятельности. Более того, использование данных других наук, особенно их копирование, могут иметь в следственной работе иной результат, нежели предполагалось, и даже повлечь за собой отрицательные последствия.

Планирование

Планирование является важной составной частью работы следователя, без которой она полностью бесперспективна и теряет

всякий смысл. Следователь должен планировать свою работу в целом, по конкретному делу, по производству того или иного следственного действия.

Планирование осуществляется во всех сферах деятельности; известны многие его виды и формы, например стратегическое, рассчитанное на длительный срок (25–50 лет), автоматическое, тактическое и иное. Существуют десятки принципов планирования, используется сложный математический аппарат, имеется обширная литература по указанному вопросу. Все это сфера специальных знаний. Могут ли они быть востребованы криминалистикой при раскрытии и расследовании преступлений? При ответе на этот вопрос надо учитывать, что следственная работа — особый вид деятельности, на который влияют многие негативные факторы, в числе которых малый объем информации о преступлении, неопределенность экспертных исследований, отсутствие сведений о виновном и т. д. Даже тогда, когда виновный установлен и, казалось бы, все ясно, следственная ситуация может существенно измениться по многим причинам. Не исключается самоубийство обвиняемого, его бегство, появление новых данных, кардинально меняющих сущность дела; подобное не редкость в следственной практике. Видимо, по этой причине УПК РФ процесс планирования никак не регламентирует, и это правильно. Возможны лишь научные рекомендации, но не диктат. В прошлом имели место предложения и даже требования использовать сетевое планирование, известное под названием «щёкинский метод». Он пропагандировался, активно внедрялся, получал одобрение руководства страны. Некоторые известные криминалисты утверждали, что это крупное достижение, которое должно быть востребовано следственной практикой. Лишь отдельные специалисты правильно указывали, что хозяйственная деятельность и раскрытие преступлений — это разные категории.

Оказалось, что следователи не владеют техникой сетевого планирования, потребовались специалисты, а их не было. Сам метод через три года заглох по многим причинам. Не нашел

он применения и в следственной работе. Р. С. Белкин считал, что сетевое планирование в принципе возможно лишь в одном случае — при бригадном методе расследования [40, с. 276–291].

Планирование является мыслительной деятельностью; сам план — это не процессуальный документ и законом не предусмотрен. По простому делу он даже может не иметь письменной формы, но по иным делам он просто необходим, и эту форму определяет сам следователь. Один из авторов имел возможность наблюдать планирование по сложному групповому, многоэпизодному делу. План был выполнен в виде схемы, весьма обширной по площади и с простой, но определенной символикой. Члены следственной группы расследовали порученные им эпизоды, но в целом охватить и оценить ход расследования мог только ее руководитель, с чем он успешно справился. Иногда план по своему объему — то целый том следственного дела, но к самому делу он, естественно, не приобщается.

На практике он чаще всего имеет произвольную письменную форму, которую определяет сам следователь с учетом практики, собственного опыта и научных рекомендаций. Следователь имеет возможность ознакомиться с достижениями науки планирования, его технологией, но, учитывая специфику своей деятельности, не должен их слепо копировать. Универсальной формы плана нет, усложнять ее нельзя, как и навязывать какие-то определенные модели, тем более принудительно.

Выдвижение версий

Планирование самым тесным образом связано с выдвижением следственных версий, но закон по этому поводу ничего не говорит. Использование данных других наук крайне ограничено. Даже положения такой науки, как логика, может иметь лишь теоретическое значение. Действия человека при психическом заболевании, психотравме, аффекте, стрессовой, экстремальной ситуации, даже в состоянии алкогольного или наркотического опьянения часто идут вразрез с законами логики, но именно

с ними следователю нередко приходится сталкиваться. Нередко даже после раскрытия преступления действия виновного не находят логического объяснения, да и он сам не в состоянии их объяснить. Логическое мышление при разработке версий необходимо, но гарантии их истинности может и не быть. Не случайно криминалистика дает рекомендацию выдвигать не одну, а несколько версий, но и это не однозначно.

Существует идея типовых версий. Отношение к ней различное, но она есть. Однако это сфера не специальных, а профессиональных знаний, которыми должен владеть каждый следователь. Сказанное не исключает возможность консультирования с психиатрами, психологами и другими специалистами. Высказана мысль о том, что для выдвижения типовых версий большое значение приобретут специализированные компьютерные информационные системы [120, с. 166]. Однако до настоящего времени эта идея не реализована, да и в целом она несколько сомнительна.

Раскрываются любые преступления, в том числе при минимуме информации и полном отсутствии сведений о виновном. Следственная ситуация может осложниться ошибками, неизбежными в следственной работе, необычным переплетением случайностей и совпадений. Несмотря на это, удастся выдвинуть обоснованную версию и в итоге раскрыть преступление. Главным образом благодаря объективной, непредвзятой оценке имеющейся информации, в том числе оперативно-разыскной; умению выдвинуть альтернативную версию, наличию опыта; знанию следственной практики. Рассчитывать можно не на специальные знания, а лишь на творческий потенциал самого следователя, его профессиональное мастерство.

Моделирование

Моделирование является общенаучным способом познания и применяется во многих сферах деятельности. Его видов так много, что их классификация затруднена. Известно математическое,

компьютерное, физическое, натуральное, мысленное моделирование и иное. Метод востребован и криминалистикой. Подробно проблему исследовали И. М. Лузгин («Моделирование при расследовании преступлений». Москва, 1981), М. Н. Хлынецов («Криминалистическая информация и моделирование при расследовании преступлений». Саратов, 1982), Т. С. Волчецкая («Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике». Калининград, 1997), другие известные ученые. Проблема нашла отражение и в судебной медицине, в частности при экспертизе огнестрельных повреждений. Непосредственно криминалистика в основном использует моделирование мысленное (идеальное) и материальное (физическое).

Как пишут некоторые авторы, в процессе расследования широко применяется метод моделирования, при котором криминалистическая проблема превращается в математическую задачу, а ее решение реализуется посредством математического аппарата. Полученные результаты интерпретируются в криминалистическую информацию [120, с. 96]. Вряд ли это в полной мере соответствует действительности. Моделирование используется нередко в примитивной форме с использованием кукол, манекенов, которые и в малой степени не соответствуют телу человека. Свернутая газета имитирует нож, игрушечный пистолет — огнестрельное оружие. Иногда оно противоречит всем нормам морали, этики, безопасности участников следственного действия и, кстати, ничего не доказывает и не опровергает. Такое моделирование подвергается обоснованной критике и порой не принимается судом. Экспертное моделирование часто осуществляется на более высоком уровне, но и оно порой завершается скромным результатом вероятного характера, не имеющим доказательственного значения. Тем не менее моделирование в следственной практике необходимо; есть примеры, когда благодаря ему удавалось установить сущность происшествия.

Известно уникальное дело, заключавшееся в следующих обстоятельствах. Группа прибыла к месту предполагаемой охоты.

Согласно показаниям, в открытый салон автомашины заскочила собака и наступила лапой на заряженное ружье, лежавшее на сиденье. Выстрелом был убит его владелец. Что произошло в действительности? Возможно, имел место несчастный случай, но не исключался и иной вариант. Ответ решили получить путем создания модели происшествия, хотя достигнуть полной реконструкции его места оказалось невозможно. При подобной ситуации необходим высокий уровень профессионализма следователя, специалистов, экспертов. Самый тщательный осмотр места происшествия, салона автомашины, ружья, огнестрельных повреждений, определение дистанции и направления выстрела, получение консультаций кинолога — вот минимальный перечень того, что предстояло выполнить на первоначальном этапе расследования. И, разумеется, создание модели происшествия, ее проверка. Должно быть не менее двух версий: о несчастном случае и о преступлении. Последняя версия обязательна, так как убийство может быть не только умышленным, но и неосторожным. Не исключена последующая инсценировка.

При описанной ситуации необходима комплексная криминалистическая (баллистическая) судебно-медицинская экспертиза. Эксперт (эксперты) вправе предложить компьютерное или математическое моделирование происшествия, но и следователь вправе согласиться с таким предложением или отказаться от него. Считаем, что оно должно касаться, главным образом, обстоятельств выстрела, его механизма. Необходимо учитывать, что среди экспертов есть как сторонники, так и противники математического моделирования [129; 218, с. 47–48]. Поэтому следователь обязан ориентироваться в указанной проблеме, так как при назначении экспертизы, выборе экспертного учреждения и экспертов главная роль принадлежит именно ему.

Прогнозирование

Криминалистическое прогнозирование основано на положениях общей теории прогностики и представляет собой научно обоснованное предвидение. В свое время Р. С. Белкин писал

о том, что существует частная криминалистическая теория прогнозирования [40, т. 2, с. 420–440]. Ранее имелись работы по указанной теме; одна из них — монография Г. Л. Грановского «Криминалистическое прогнозирование» [64]. Однако на практике идеи указанных авторов развития не получили. Впоследствии проблему разрабатывал Л. Г. Горшенин, но и его выводы оказались почти не востребованными [63].

Вполне возможна версия о действиях и поведении виновного после совершения преступления, что имеет много общего с прогнозом и прогнозированием. Общее есть, но все же версионная работа и прогнозирование — понятия не равнозначные. Нельзя смешивать криминологическое и криминалистическое прогнозирование. В процессе расследования следователь должен прогнозировать, предвидеть многое, хотя более правильно говорить об эмпирическом предвидении. Например, можно предполагать различные варианты поведения обвиняемого: отказ от признания вины, дачи показаний, воздействия на свидетелей и потерпевших, самоубийство виновного, его устранение и многое другое. При этом нельзя рассчитывать на данные общей теории прогностики, на помощь тех, кто является специалистом в этой области. Причина проста: слишком велика разница между процессом расследования и иными видами деятельности. Р. С. Белкин отмечал, что прогнозировать можно криминалистические научные исследования, новые способы совершения преступлений, но не конкретные задачи по конкретному делу. Однако есть и другие точки зрения по этому вопросу. Высказано мнение, что расследование конкретного дела — это процесс непрерывного прогнозирования. (Мы все же считаем, что по конкретному делу прогнозы возможны, и указали, какие именно. Например, по делу о взяточничестве вполне обоснованно можно предполагать изменение показаний взяточдателя, а при изнасиловании — отказ потерпевшей от заявления.) Р. С. Белкин указывал также, что метод моделирования в криминалистической прогностике, как и возможности математики, весьма ограничены. Л. Г. Горшенин

в процессе прогнозирования предлагал использовать достижения психиатрии, возможности математики, что доступно лишь узким специалистам. Подавляющему большинству следователей все это просто неизвестно. Поэтому реальную помощь следователю в прогнозировании может оказать лишь собственный опыт, знание следственной практики и, возможно, интуиция.

Принятие решений

Еще в 1976 г. П. А. Лупинская предприняла попытку осветить вопрос принятия решения в уголовном процессе [131, с. 18]. Понятие тактического решения, но уже с иной позиции рассматривали авторы одного из учебников по криминалистике [121, с. 535–518]. Впоследствии появилась криминалистическая теория принятия решения [261, с. 125–140].

Само по себе понятие принятия решения относится к области психологии. Известно о его многочисленных стадиях и методах. Принятие решения изучает наука управления (менеджмент), и для его оптимального варианта используются математические методы. О связи науки управления с планированием и принятием тактического решения писал И. А. Возгрин, который, по нашему мнению, совершенно правильно определил соотношение управленческой деятельности и процесса расследования [55, с. 127–130].

При расследовании преступлений следователю приходится принимать много решений, причем нередко весьма ответственных. Например, уголовно-процессуальное задержание. Задержав лицо, можно раскрыть преступление. Это же решение, принятое без достаточных законных оснований, иногда влечет за собой крайне негативные последствия. Возникает вопрос: может ли следователь, принимая то или иное решение, использовать специальные знания вышеназванных наук, тем более что математика, казалось бы, гарантирует наиболее точный ответ? Мы считаем, что это возможно лишь в очень и очень ограниченном объеме, а в каких-то случаях и вообще исключается. Менеджмент предполагает тактическое решение управленческих задач,

но сущность расследования преступления в ином – в установлении виновного и его изобличении. Элементы менеджмента в криминалистике возможны, но они относятся в основном к решению организационных вопросов. Что касается решения процессуальных проблем, того же задержания, то это уже вне сферы психологии, управления и математики.

А. А. Эксархопуло пишет, что при принятии решения в процессе раскрытия и расследования преступлений могут быть использованы компьютерная техника и информационные технологии на основе алгоритмизации [261, с. 178–179]. Считаем, что в лучшем случае это все вопрос отдаленного будущего.

Оценка доказательств

Сложной и ответственной является работа по оценке доказательств, которая носит субъективный характер, что, в свою очередь, порождает возможность следственной ошибки, а в дальнейшем прокурорской и судебной.

Поэтому не случайны усилия юристов сделать этот процесс объективным, о чем свидетельствует вся история уголовного процесса. Еще десятилетия назад отечественные процессуалисты и криминалисты сообщали, что для анализа процесса доказывания помимо логики используются средства теории информации и математической теории вероятности. Высказывалась мысль, что в принципе возможна формализация мыслительного процесса при оценке доказательств, но с оговоркой, что это сопряжено с большими трудностями. Надежда возлагалась на кибернетику, логические, математические модели оценки доказательств, ЭВМ, алгоритмы. Высказывалась мысль и о том, что использование идей кибернетики в этом процессе принципиально бесплодно. Общий вывод был осторожным и достаточно неопределенным. Сама идея использования математических моделей не отрицалась и допускалась, но предлагалось ждать дальнейшего развития науки [222, с. 432–434, 469–470].

В настоящее время достижения компьютеризации бесспорны. Созданы системы искусственного интеллекта, которые нашли

практическое применение. Оказалось, что они производят вычисления быстрее человека (суперкомпьютер производит миллионы счетных операций в секунду). Тем не менее в искусственном интеллекте даже для специалистов многое неясно, существует мнение, что интеллект — это исключительно биологический феномен. Что касается юристов, то для них в указанной сфере неясного еще больше. Поэтому может быть сделан следующий вывод: искусственный интеллект не равнозначен природному и равенства между ними никогда не будет. Компьютер действительно производит счетные операции быстрее человека, ему даже доступны отдельные творческие функции, например сочинение примитивной музыки. Можно не сомневаться, что в дальнейшем его возможности возрастут во много раз. Но нет сомнений и в том, что мыслительная деятельность не может быть создана искусственным путем. Этого не будет никогда. Мышление — действительно феномен, феномен человека, представляющий собой самый таинственный и сбивающий с толку объект науки, которому она еще не нашла объяснения [220, с. 135].

По указанным суждениям, надо раз и навсегда отказаться от иллюзий о том, что машинные системы смогут заменить человека, в частности следователя, и избавят его от необходимости давать оценку информации и принимать по ней решение.

Причинная связь

Причинная связь подробно исследуется наукой уголовного права. До 1917 г. о ней писал Н. С. Таганцев, а в советский период такие известные ученые, как В. Н. Кудрявцев, С. В. Бородин, Н. И. Загородников, М. Д. Шаргородский и др. Проблема нашла отражение и в работах криминалистов Р. С. Белкина, З. М. Соколовского, А. А. Эйсмана. Особый интерес представляла и представляет работа З. М. Соколовского «Проблема использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний для установления причинной связи явлений», изданная в Харькове еще в 1968 г., вызвавшая интерес к теме и различные

точки зрения, так как далеко не все специалисты считали, что причинная связь является сферой криминалистики.

Однако это так, и на досудебной стадии именно следователь обязан определить, имеется или нет причинная связь между действием (иногда бездействием) и наступившими последствиями, и от этого зависит квалификация дела и его исход — будет ли оно направлено в суд или прекращено.

В настоящее время разработана частная криминалистическая теория причинности. Сама по себе причинная связь является категорией философии, известной еще с античных времен. Существует масса теорий причинной связи, но, очевидно, единства мнений по этому вопросу достигнуть не удастся. Отсутствие единообразного понимания причинной связи иногда порождает серьезные проблемы. Нередко при одних и тех же ситуациях и исходных данных принимаются взаимоисключающие решения. Характерное тому доказательство: преступление, предусмотренное ст. 109 УК РФ, — причинение смерти по неосторожности (в прошлом — неосторожное убийство).

Например, причинение смерти чемпионом мира по самбо Р. Мирзаевым студенту И. Агафонову 13 августа 2011 г. в Москве. Мирзаев травмировал Агафонову, смерть которого наступила 18 августа. Действия виновного квалифицировали по ст. 111 ч. 4 УК РФ, а мерой пресечения избрали содержание под стражей. В 2012 г. его действия переквалифицировали на ст. 109 ч. 1 УК РФ, меру пресечения изменили. Дело расследовалось в ГСУ СК РФ, по нему провели 5 судебно-медицинских экспертиз, а разрешение по нему состоялось лишь в 2013 г.; дальнейшее развитие событий шло уже вне рамок уголовного процесса. Сам Мирзаев считал, что в смерти Агафопова виновны врачи, так как при госпитализации его поместили в травматологическое отделение, а не в нейрохирургическое, но суд в этом не признал наличие причинной связи. Суд пришел к выводу, что Мирзаев «мог придать ускорение падению Агафопова» [72]. Странный вывод.

Аналогичный случай имел место в г. Белгороде в 2015 г. Находившийся в нетрезвом состоянии пациент Вахтин в больнице при проведении процедуры совершил противоправные действия в отношении медсестры, причинил ей телесные повреждения. Врач-хирург Зелендинов нанес Вахтину удар, от которого наступила его смерть. Действия Зелендинова квалифицировали по ст. 109 ч. 1 УК РФ. Затем их переквалифицировали на ст. 111 ч. 4 УК РФ, по которой врач был осужден и приговорен к 9 годам и двум месяцам лишения свободы с отбыванием срока в колонии строгого режима с последующим трехлетним запретом заниматься врачебной деятельностью [204].

По таким делам фактическая сторона дела известна, как правило, есть свидетели, и необходима лишь уголовно-правовая квалификация происшествия. Тем не менее следствие длится неоправданно долго, проводятся многочисленные экспертизы, меняется мера пресечения и квалификация, хотя в основе ситуации — исследование состава преступления, главным образом субъективной стороны.

Специалистов по причинной связи в чистом виде нет. Привлекать философов к решению задач уголовного судопроизводства неприемлемо. Каково же возможное решение проблемы? Нам близка следующая позиция, которую мы разделяем с некоторыми уточнениями. Она сформулирована специалистами в области уголовного права и заключается в следующем: уголовное право не создает собственного представления о причинности, а пользуется достижениями философской науки по данному вопросу. Установление причинной связи нередко требует специальных познаний; поэтому следователь и суд вынуждены обращаться за помощью к специалистам в различных областях знаний. Однако окончательный вывод по делу принадлежит только суду [225, с. 80–84].

Например, лицу причинено ранение в жизненно важную часть тела, но ему оказывают медицинскую помощь и он остается жив.

(Отметим, что иногда при ножевом ранении в ногу, то есть при отсутствии умысла на лишение жизни, потерпевший погибает за несколько минут.) Смерть его наступает через определенный промежуток времени, иногда значительный. Таким образом, ответить на вопрос о наличии причинной связи между ранением и смертью может только судебно-медицинская экспертиза, а затем и следователь, но он вправе с ее выводами согласиться или нет.

Сложность заключается в многовариантности причины смерти, и нередко ее можно объяснить несколькими причинами или их комплексом. Есть мнение, что врач не имеет права отвечать на вопрос о наличии причинной связи, так как это правовое понятие. Позиция ошибочная: именно врач и никто другой устанавливает причину смерти, но окончательное решение по делу принимает следователь или суд.

Математизация (компьютеризация)

Можно отметить, что названный метод при расследовании (при планировании, моделировании, прогнозировании и т. д.) предполагает математизацию, под которой понимается внедрение математических методов в различные сферы человеческой деятельности. Действительно, она вошла во многие науки [219]. Считалось, что ей не поддаются биология, экономика, социология, гуманитарные дисциплины в целом. Однако в настоящее время математизация используется даже в истории, в которой появилась так называемая клиометрия (клиометрика), использующая математические методы в исторических исследованиях на основе обработки статистических данных.

Тем не менее математика не универсальна. Не прогнозируются наводнения, цунами, землетрясения, иные природные катаклизмы. Относительно метеопрогнозы, и, несмотря на компьютерную обработку данных, это лишь научно обоснованное предположение о будущем состоянии погоды и не более. Не поддается математизации творческая деятельность, нельзя

запрограммировать создание художественного, музыкального произведения. Считается, что недостижим полноценный перевод с одного языка на другой. Возможна ли математизация в криминалистике? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя [200]. Компьютеризация вошла в экспертную практику, и это можно только приветствовать и расширять. Но и при производстве экспертизы она не всегда дает желаемый результат. Один из авторов (А. Л. Протопопов) имел возможность ознакомиться с заключением комплексной экспертизы по идентификации следов зубов на теле убитой с зубным аппаратом подозреваемого. Провели математические расчеты, графические построения, но ответ получили лишь в предположительной форме. Причина проста — в следах не отобразилось нужное количество идентификационных признаков. Много проблем возникает при проведении фото-портретной экспертизы. Авторитетные судебные медики утверждают, что принципиально нельзя определить точное время наступления смерти. Следственным путем это сделать можно, но эксперт в состоянии установить его лишь только в каком-либо временном интервале. Поэтому нельзя возлагать на математизацию, компьютеризацию несбыточные надежды, а те, кто утверждает, что их возможности беспредельны, не правы.

В настоящее время математические методы, компьютерные технологии нашли применение в экспертной деятельности при производстве идентификационной, баллистической, почерковедческой, автотехнической и иных экспертиз.

В любом случае выводы эксперта подлежат оценке следователем, независимо от того, каким способом получен результат. Необходима разумная осторожность, и об этом писали многие известные специалисты. Что касается планирования, прогнозирования, моделирования, то возможности математических методов весьма ограничены; при оценке доказательств, принятии решений они, по нашему мнению, просто исключаются.

Точно так же они исключаются при производстве следственных действий, тактических операций, расследовании дел

в целом. Говоря «исключаются», мы имеем в виду текущий момент. Если в дальнейшем математика предложит реальные способы использования своих достижений, то они, бесспорно, будут востребованы следственной практикой. Но в настоящее время таких возможностей нет, и мы не видим их реальных перспектив в ближайшем будущем. Аналогичную мысль высказали авторы одного из учебников по криминалистике. Говоря о процессе автоматизации процесса расследования, утверждается, что его информатизация является наиболее трудной задачей; также сказано, что при разработке криминалистической методики наука отвергает попытки создать схему, годную для раскрытия любого преступления, так как каждое индивидуально [121, с. 446–448, 686–687].

Однако высказываются и иные точки зрения. Так, Н. С. Полевой писал, что математизация все более распространяется на сферу криминалистической тактики и методики и в целом благотворно сказывается на раскрытии преступлений [161, с. 4]. Такая позиция имеет немало сторонников. Утверждается, что она (математизация) давно и прочно вошла в криминалистику, что свидетельствует о ее зрелости. Наиболее часто говорится об алгоритмизации следственной деятельности почти во всех сферах ее деятельности. Утверждается, что существуют алгоритмы изучения материалов уголовного дела, обвинительного заключения, тактики и методики расследования, в том числе на различных этапах производства следственных действий, тактических операций, расследования таких сложных преступлений, как убийство и его специфические формы [83; 247]¹. Так, например, А. В. Шмонин пишет, что разработка алгоритмов является одной из актуальных задач современной криминалистики [257, с. 247]. Наиболее категоричен С. Н. Чурилов, утверждающий буквально следующее: «Задача криминалистического анализа моделируется математически. Исходным данным придается матричная форма.

¹ См. также работы Л. Г. Видонова, Ю. П. Гармаева, И. М. Лузгина, А. А. Эйсмана и других авторов.

В матричных таблицах излагаются основные условия, после чего определяется алгоритм решения. Задача решается в строгой последовательности логических действий. Алгоритм определяется в математической форме и записывается с применением принятой символики» [243, с. 92–93].

С нашей точки зрения, алгоритмов проведения следственных действий, как и всей следственной тактики и методики, нет, а сам процесс раскрытия и расследования алгоритмизации не поддается. Алгоритм означает строгое выполнение в определенной последовательности предписаний, указаний, которое в итоге приводит к нужному результату. В криминалистике под этим понимают раскрытие преступления и изобличение виновного.

Если бы алгоритмы существовали, то раскрывались бы все преступления, а это не так. Возможны только рекомендации, а не какие-то заранее подготовленные указания. Например, осмотр места происшествия проводится с центра или периферии, и тактику определяет следователь исходя из конкретной следственной ситуации.

Место происшествия может вообще отсутствовать (при исчезновении человека). Если труп обнаружен в водоеме, то вполне очевидно, что это не место совершения убийства, а где оно произошло — неизвестно [7, с. 130–131]. Сколько должно быть следственных версий? Криминалистика рекомендует выдвигать несколько, и это правильно. Алгоритмы в этом вопросе исключаются полностью. Практика, опыт следователя могут подсказать, какие из них являются вероятными, но это лишь предположение. Типовые версии носят рекомендательный характер. Наличие однозначных корреляционных связей между элементами состава преступления практика до настоящего времени не подтвердила.

Ст. 189 УПК РФ указывает, что следователь свободен в выборе тактики допроса, и ни о каких алгоритмах речь не идет. Поверхностный допрос часто остается безрезультатным, и он же может иметь решающее значение. Самые опытные следователи по несколько дней готовятся к допросу, продумывают его тактику

с учетом личности виновного, определяют время проведения, досконально изучают материалы дела, получают консультации специалистов. И наоборот. Допрос без подготовки дает преступнику возможность увидеть, что доказательственной базой следователь не обладает. Преступник может изменить показания, вправе отказаться давать их, предъявить алиби — число следственных ситуаций безгранично, и алгоритмы не в состоянии их предусмотреть. Им можно лишь противопоставить опыт следователя, знание следственной практики, научных рекомендаций. Что касается изложенной позиции С. Н. Чурилова, то это скорее фантастика, а не криминалистика. Во всяком случае лишь немногие следователи смогут объяснить, что такое матрица, так как это абстрактное и очень широкое понятие математики.

Следует отметить, что в определенной степени возможна формализация первоначального этапа расследования, касающаяся рассмотрения сообщения о происшествии, прохождения информации, организации выезда следственно-оперативной группы, но вот тут-то и появляются проблемы, которые не решаются на протяжении многих десятилетий и которые хорошо известны; начинают действовать не алгоритмы, а ведомственные интересы для сокрытия преступлений от учета и регулирования статистики. И. А. Возгрин, говоря о методике расследования, использует термин «алгоритмизация» и даже утверждает, что возможно выработать алгоритмы всех этапов расследования. В то же время он поясняет, что эта позиция не является общепринятой и что алгоритм следует понимать в широком смысле как наиболее целесообразную программу [56, с. 165–166].

И еще одно авторитетное мнение по указанному вопросу, которое мы полностью разделяем. А. М. Зинин и Н. П. Майлис пишут о том, что алгоритмизация лишь упорядочивает деятельность эксперта, а правила производства экспертизы только приближены к алгоритму. Авторы указывают, что должны действовать «ослабленные» алгоритмы, так как у эксперта нет конкретных исходных данных, которые имеют математики.

У криминалистов они неполные, часто неопределенные и поэтому жесткие математические алгоритмы неприемлемы [76, с. 74]. Считаем, что сказанное в еще большей степени относится и к следственной тактике и методике расследования преступлений. Знакомясь с работой квалифицированных следователей в различных регионах страны, мы не видели ни одного случая использования математических методов в процессе расследования преступлений. Во многих случаях отношение к ним нейтральное; их не отрицают, но и не используют. Сторонники математизации следственной деятельности должны указать на конкретные способы ее реализации, привести примеры из практики и тем самым доказать ее эффективность. Одних призывов недостаточно. И еще одно немаловажное обстоятельство. В настоящее время крайне важно создать стабильный следственный аппарат, владеющий основами методики расследования преступлений. Если же стаж следователя не более двух лет, то и требовать, ожидать от него алгоритмизации его деятельности, использования математического аппарата в раскрытии преступлений вряд ли есть смысл.

1.2 Формы и субъекты использования специальных знаний

Существуют различные формы использования специальных знаний при расследовании преступлений, которые носят как процессуальный, так и непроцессуальный характер. Среди них наиболее часто встречаются следующие:

1. Использование специальных знаний самим следователем.
2. Привлечение специалистов к участию в следственных действиях.
3. Получение консультаций у специалистов.
4. Заключение и показания специалиста.
5. Производство экспертизы.

Называются и иные формы, такие как проведение ревизий, документальных проверок и аудиторских действий; получение

консультаций на стадии возбуждения уголовного дела; оценка заключения эксперта и иных доказательств по уголовному делу; производство процессуальных действий специалистом по заданию следователя (ст. 179 УПК РФ); контроль и запись переговоров; истребование и получение справок; другие, например, участие специалиста в постановке вопросов эксперту и т. д. [107; 120, с. 413–414; 121, с. 399; 139; 187, с. 19; 188; 221]. Поскольку названные формы подразделяются на процессуальные и непроцессуальные, это имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как создает доказательственную базу или, наоборот, ее разрушает. Попробуем часть из них прокомментировать.

Ревизия и документальная проверка — форма использования специальных знаний, о которых сказано в ст. 144 ч. 1 УПК РФ. В соответствии со ст. 69 УПК РСФСР акты ревизий и документальных проверок рассматривались как процессуальные доказательства. Ст. 74 УПК РФ среди доказательств их прямо не называет, но она содержит пункт «иные документы». Некоторые процессуалисты рассматривают их как доказательства, иные дают уклончивую оценку, отмечая, что бухгалтерская документация является особой группой среди других документов [37, с. 128; 228, с. 180].

Считается, что аудиторские действия являются непроцессуальной формой использования специальных знаний. Аудит осуществляется на основании ФЗ «Об аудиторской деятельности» 2008 г. В соответствии со ст. 6 указанного закона она завершается составлением аудиторского заключения, являющегося официальным документом. Если такое заключение оказалось в распоряжении следователя, то оно относится к категории иных документов (ст. 74 ч. 2 п. 6 УПК РФ) и как таковое на основании ст. 84 ч. 1 УПК РФ допускается в качестве доказательства. Законодателю следовало четко изложить свою позицию (как в ст. 69 УПК РСФСР) и тем самым исключить ее различное понимание.

Что касается проверочных действий, то ст. 144 УПК РФ по сравнению с УПК РСФСР их перечень расширила, но в основном они

закljučаются в получении объяснений, справок, истребовании документов и использования специальных знаний не требуют.

Некоторые авторы считают, что непроцессуальной формой использования специальных знаний являются предварительное исследование объектов и справочная деятельность [221, с. 18–19]. При предварительном исследовании специальные знания действительно применяются, например проба на наличие крови в следе, микроскопическое исследование волокна и т. д. Однако это происходит при осмотре места происшествия при участии специалиста, а результат отражается в протоколе следственного действия. Протокол следственного действия в соответствии со ст. 74 ч. 2 п. 5 УПК РФ является процессуальным доказательством. Разумеется, заключение экспертизы делает доказательство более весомым, но следователь, суд могут признать любое из них недопустимым. Результаты предварительного исследования при оперативно-разыском мероприятии не доказательство; если же они получены в процессе проведения следственного действия, то ответ не может быть однозначным.

Что касается справочной деятельности, то при ее осуществлении специальные знания не нужны, о чем было сказано уже давно [117, с. 361].

Получение консультаций на стадии возбуждения уголовного дела и вообще на любом этапе расследования не меняет сущности консультирования и носит непроцессуальный характер.

Под производством специалистом по поручению следователя процессуальных действий иногда понимают освидетельствование. В прошлом его действительно проводил специалист, как правило судебный врач. Ст. 181 УПК РСФСР давала основание по-разному толковать это следственное действие, так как содержала формулировку об освидетельствовании врачом в присутствии понятых. По его результатам составлялся акт освидетельствования, который передавался следователю. Впрочем, практика была различной. В судебно-медицинской литературе также не было единства в понимании его сущности. В настоящее

время это следственное действие, которое проводит следователь, о чем прямо сказано в ст. 179 УПК РФ. Некоторое противоречие содержится в ч. 4 указанной статьи, предусматривающей освидетельствование врачом, от которого законодателю следовало бы отказаться. Освидетельствование однозначно проводит следователь; он не присутствует лишь на стадии обнажения лица противоположного пола. Однако именно он составляет протокол (а до этого выносит постановление) указанного действия и несет полную ответственность за его законность.

И. Г. Савицкая считает, что необходимо регламентировать контроль и запись переговоров в той части, которую выполняет непосредственно специалист. Прослушивание переговоров — это оперативно-разыскное мероприятие, которому придавали различный правовой статус и которое в настоящее время в соответствии со ст. 186 УПК РФ является следственным действием. Указанная статья имела несколько редакций и состоит из 8 частей.

Некоторая его неопределенность состоит в том, что его всегда проводит специалист, следователь при его проведении не присутствует и, как правило, не знает технологии процесса. Странно и то, что в ряде случаев свидетели, подозреваемые, обвиняемые знают о спецтехнике, ее применении больше, чем следователь. Следователь не должен заниматься оперативно-разыскной деятельностью, это не его функция, но его знания в этой сфере не могут ограничиваться знанием текста ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности».

И. Г. Савицкая также пишет о форме использования специальных знаний при расследовании преступлений в исправительных учреждениях и видит в ней определенную специфику, усматривая ее в территориальной отдаленности названных учреждений от населенных пунктов, отсутствии знания тюремного жаргона и т. д. [188]. Специфика, очевидно, есть, но ее истоки в другом. Нам известны случаи, когда следователя по особо важным делам не допускали в учреждения, произвольно отказывали в выдаче

документов, предоставлении сведений, и иные возмутительные факты. Это даже не специфика, а умаление роли и полномочий следователя, с чем должно быть решительно покончено. Такая «специфика» к использованию специальных знаний никакого отношения не имеет.

По поводу участия специалиста в постановке вопросов эксперту можно высказать следующее суждение. Следователь должен сам формулировать вопросы, и при этом четко понимать, какие он предполагает получить ответы. В первую очередь это относится к судебно-медицинским и криминалистическим экспертизам, которые наиболее часто назначаются при расследовании преступлений. В некоторых случаях помощь специалиста не исключается. Это ситуации, когда назначаются редкие экспертизы, требующие знания специальной терминологии (по гистологии, цитологии), возможностей той или иной науки. Иногда эксперты сами ставят вопросы, на которые впоследствии и отвечают, а следователь лишь подписывает постановление о назначении экспертизы. Подобное должно быть, безусловно, исключено, так как за этим может скрываться фальсификация доказательств. Одновременно это свидетельствует о том, что следователь некомпетентен в своей деятельности. Работа специалиста при постановке вопросов носит исключительно консультативный характер; окончательное решение по ним принимает следователь. Она носит непроцессуальный характер, в материалах дела не отражается.

Итак, формой использования специальных познаний является консультирование. В настоящее время у этого понятия появилось много синонимов (в т. ч. консалтинг, коучинг, менторинг и многие другие), отчасти искажающих его подлинное значение. Полагаем, что под консультированием следует понимать разъяснения, рекомендации, советы специалистов. Консультации могут быть коллективными (в медицине это консилиум), что, в свою очередь, породило понятие коллективного интеллекта, «мозговой атаки» и иные многочисленные термины. Известны

письменные и устные консультации, процессуальные и непроцессуальные. Некоторые авторы, ссылаясь на ст. 58, 168 УПК РФ, рассматривают эту деятельность как процессуальную, хотя непосредственно о консультировании в них ничего не говорится [187, с. 16]. Сам факт консультирования далеко не всегда может быть отражен в протоколе следственного действия, да и особой необходимостью в этом нет.

Консультирование, как правило, осуществляется в непроцессуальном порядке и в материалах дела не фиксируется. Следователь может об этом составить справку и даже приобщить ее к материалам дела, но закон к этому его не обязывает.

В качестве специалистов в первую очередь привлекаются специалисты — сотрудники правоохранительных органов и экспертных учреждений. Это также следователь-криминалист, о котором сказано в ст. 5 п. 40-1 УПК РФ, но чей процессуальный статус в законе никак не определен. В дальнейшем об этих лицах будет сказано более подробно.

Есть мнение, что сотрудники органа дознания консультируют следователя по вопросам оперативно-разыскной деятельности (ОРД), и наоборот. Это ошибочное мнение. Следователь вправе дать органу дознания поручение о проведении оперативно-разыскных мероприятий и сообщить, какие сведения он хотел бы получить в свое распоряжение, но и только. Указывать, тем более требовать проведения конкретных мероприятий, определять их тактику он не вправе. Таких полномочий ему закон не предоставляет. Как бы хорошо ни знал следователь оперативно-разыскную деятельность, сотрудники органа дознания являются специалистами в этой специфической сфере и их консультирование неуместно. Следователь не обладает властными полномочиями для решения многочисленных организационных вопросов. Кроме того, немало следователей, особенно начинающих, имеет об ОРД самое поверхностное представление, многого они не знают вообще. Точно так же разъяснение следователю сущности конкретных оперативно-разыскных мероприятий вряд ли

имеет смысл. Сказанное не означает, что текущие вопросы ОРД не могут быть предметом обсуждения членами следственно-оперативной группы. Они решаются в рабочем порядке. Например, сотрудники уголовного розыска предлагают отложить допрос лица до окончания оперативных мероприятий в отношении его. Возможны самые различные ситуации, но все это не консультирование в прямом смысле этого слова.

Полезные рекомендации по указанному вопросу дает В. В. Николайченко, исследовавший проблему пенитенциарной и постпенитенциарной преступности. Нет необходимости говорить, что это особая категория преступности, как и ее субъекты. Это люди с криминальным прошлым, часто с высоким уровнем интеллекта. Они знают уголовное право, уголовный процесс, возможности судебных экспертиз, оперативную работу, преступный мир, его обычаи и традиции. Они в состоянии отслеживать ход следствия, прогнозировать действия следователя и опережать их, формировать поведение свидетелей и потерпевших [19, с. 140–142]. В. В. Николайченко предлагает включать в состав следственно-оперативных групп сотрудников оперативных служб исправительных учреждений, психологов и судебных психологов. Он отмечает редкое использование непроцессуальной формы применения специальных познаний в расследовании указанной группы преступлений. Не применяются устные консультации со стороны таких сведущих лиц, как начальники отрядов, сотрудники оперативных и режимных служб, не используется их значительный информационный потенциал. Поэтому и показатели раскрываемости таких преступлений ниже, чем среди других категорий [148, с. 3, 29, 38–39].

Иногда следователи обращаются за консультацией по вопросам раскрытия, расследования преступлений к профессорско-преподавательскому составу юридических вузов, имеющему теоретические знания и нередко большой опыт практической работы. Известны, хотя и немногочисленные, но весьма положительные результаты такого сотрудничества, приводившие непосредственно к раскрытию преступления.

Консультацию можно получить от любого лица, способного предоставить необходимые сведения, если оно и не является сотрудником правоохранительной системы. У него может отсутствовать высшее образование, но имеются знания по своей профессии, опыт практической деятельности. Консультации, разъяснения таких лиц иногда имеют решающее значение при установлении и изобличении виновного.

Согласно материалам дела об убийстве Р., на одном из предприятий Ленинграда труп потерпевшего был растворен в емкости с кислотой. Но, как известно, при сожжении, растворении полное уничтожение тела, одежды, обуви наступает редко и какие-то их фрагменты все же остаются. В приведенном примере появилась лишь версия об уничтожении трупа, но какие-либо достоверные данные отсутствовали. Инженер предприятия Д., зная технологический процесс, дал необходимые разъяснения и указал место, где предположительно могли находиться костные останки потерпевшего. Произвели разборку трубопроводов, с участием судебно-медицинского эксперта осмотрели фланцевые соединения, где и обнаружили биологические объекты убитого Р. Следственное действие правильно оформили протоколом следственного осмотра с участием судебно-медицинского эксперта. Инженер Д. в протоколе осмотра отражен не был и в нем не участвовал, а его консультация носила непроцессуальный характер. Известны случаи использования консультаций водителей, строителей, парикмахеров, даже музыкантов. Это категории, которые криминалисты прошлого называли сведущими лицами. Ни один самый опытный следователь не должен пренебрегать их знаниями, а наоборот, использовать их полно в случае необходимости. Обратное характерно как раз для следователей с невысоким профессиональным опытом.

В чем заключается консультирование специалистов при производстве следственных действий на первоначальном этапе расследования? Может быть предложена очередность работы специалистов на месте происшествия, а также высказано

предположение о месте наиболее вероятного нахождения следов, вещественных доказательств, о способе их выявления, фиксации, изъятия, возможности последующего экспертного исследования [244, с. 144–146]. Иногда в процессе работы специалист высказывает мнение о причине смерти, механизме следообразования и совершения преступления в целом. Уже одно это может привести к быстрому раскрытию преступления, и такие примеры известны. Не исключены рекомендации по организационным вопросам, по тактике проведения иных следственных действий. (По нашим наблюдениям, наиболее ценные советы, рекомендации часто исходят от судебно-медицинских экспертов.) Однако право принятия решения всегда остается за следователем. В случае принципиального расхождения позиций следователя и специалиста последний вправе реализовать свои права в соответствии с п. 3–4 ч. 3 ст. 58 УПК РФ.

О консультировании на последующих этапах расследования. Главная задача следователя — получение максимального объема розыскной и доказательственной информации, на основании которой можно установить и изобличить преступника. Большой массив ее содержится в следах и вещественных доказательствах, изъятых с места происшествия. Не всегда удается раскрыть преступление при их помощи, но в любом случае каждый след, объект, имеющий отношение к преступлению, должен быть исследован. И далеко не всегда эта информация, способ ее получения очевидны.

Иногда даже опытные следователи не предполагают ее наличие. Специалисты, эксперты могут порекомендовать назначить ту или иную экспертизу и указать вопросы, которые наука в состоянии разрешить. Они лучше знают состояние, возможности и перспективы науки, которую они представляют. Им известно, какие направления являются актуальными, кто конкретно ими занимается, а новые направления, в частности в криминалистике, судебной медицине, возникают постоянно. Специалистов, экспертов в стране много, но есть отрасли, в которых реально разбираются

лишь отдельные исследователи [100, с. 105–107]. Есть просто высококвалифицированные специалисты, способные получить положительный результат, недоступный для других. Ими могут быть эксперты, не имеющие научных степеней и званий, но значение и результативность их работы иногда выше, чем у их более известных коллег. Многие эксперты, проводя исследование, сами обращаются к более узким специалистам, получают у них консультации, и это в ряде случаев имеет важное значение. Один и тот же предмет, например орудие преступления, может стать объектом нескольких экспертиз. Надо правильно определить очередность экспертных исследований. Это решает следователь, но при этом ему необходимо учитывать рекомендации специалистов. Если эксперт решил применить разрушающий способ исследования, например спектральный анализ, то он обязан об этом предупредить следователя, а тот вправе воспрепятствовать его проведению.

Консультации, советы носят рекомендательный характер. Они могут способствовать раскрытию преступления, и они же в состоянии направить следствие на ложный путь. Не исключены просто ошибки, встречающиеся в любой деятельности, переоценка экспертом своих возможностей, вера в свою непогрешимость, в которую впадали, как свидетельствует история, многие известные специалисты. Примеров тому более чем достаточно. Поэтому необходима критическая оценка консультаций, разумная осторожность при их рассмотрении.

Если консультирование носило непроцессуальный характер, то его процессуальное оформление не требуется, хотя, как уже указывалось, возможно составление справки, но никаких конкретных предписаний по этому поводу УПК РФ не содержит. На практике встречается так называемое консультативное заключение, которое также именуют научно-консультативным, правовым, юридическим и т. д. В частности, речь идет о консультативном заключении по психологическому профилю неизвестного преступника. Метод психологического профиля применяется во

многих странах, иногда весьма успешно. Российские криминалисты проявили к нему внимание, но широкого распространения по различным причинам он не получил. Реальных положительных результатов немного, но интерес к нему сохранился [18, с. 8–11]. Считаем, что по мере накопления опыта он должен быть внедрен в практику. Суть его состоит в том, что специалист, изучив материалы дела, дает характеристику преступника: его возраст, образование, социальный статус, семейное положение, профессия, состояние здоровья и т. д. Анкетных данных нет, но это то, что позволяет вести его целенаправленный поиск. Доказательством такое заключение не является и имеет только ориентирующее и розыскное значение. Но оно должно быть письменным. Почему? Потому что выводы специалиста по такому вопросу нельзя изложить в одной-двух фразах, нужна аргументация.

Следователь, оперативные сотрудники должны видеть логику и ход рассуждений специалиста, оценить представленные выводы и рекомендации. В противном случае будет действовать не убеждение, а слепая вера. Это неправильно, так как специалист может заблуждаться. Подобное имело место при расследовании преступлений серийного убийцы Чикатило, и широкомасштабная работа осталась безрезультатной [21, с. 189]. Следователь вправе с ним не согласиться и не использовать его выводы в своей дальнейшей работе. По этой причине приобщать к материалам дела такое заключение нецелесообразно. По аналогии: по делу может быть много версий, среди них есть и ошибочные, версии проверяются, но их перечень в деле отсутствует. Впрочем, практика различна и зависит от усмотрения следователя.

На досудебной стадии защитник может представить следователю консультационное заключение, полученное им в соответствии со ст. 53 УПК РФ. Такое заключение подлежит приобщению к делу. Если оно отклоняется, то следователю необходимо вынести постановление с изложением мотивов принятого решения. Практика показывает, что большинство ходатайств защитника отклоняется, порой даже без уяснения их сущности. Такая практика

является неправильной, а ходатайство защитника на основе консультационного заключения специалиста может быть вполне обоснованным. Это уже нарушение целого ряда принципов уголовного процесса. С другой стороны, надо помнить, что задача защитника заключается в оказании помощи своему доверителю, а не в установлении объективной истины. Расследование ведет следователь, и он не может и не должен идти на поводу стороны защиты. Крайности исключаются, но необходима полная объективность.

Некоторые криминалисты процессуальной формой консультирования по специальным знаниям называют заключение и показания специалиста [187, с. 15–17]. Однако ст. 74 ч. 2 п. 3-1 УПК РФ называет их в качестве доказательств по уголовному делу. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» также указывает, что заключение специалиста, полученное в соответствии со ст. 80 УПК РФ может быть приобщено к делу и использовано в процессе доказывания. Поэтому вряд ли можно доказательство рассматривать как консультацию. Впрочем, процитированные авторы отмечают, что несовершенство законодательной базы по указанному вопросу, а оно очевидно, порождает множество трудностей в практической деятельности. На это уже давно обращалось внимание, но положение не изменилось [231, с. 260–264]. В свое время заключение специалиста принципиально не рассматривалось в качестве доказательства, но произошло изменение позиции, которое никак не обосновано, не объяснено, что и порождает разночтение закона. Есть процессуалисты, считающие, что такое доказательство необходимо, так как обеспечивает принцип состязательности и дает возможность стороне защиты высказать свое несогласие с заключением экспертизы [228, с. 176–177]. Другие справедливо задаются вопросом: в чем же отличие заключения специалиста от заключения эксперта, и называют, что ответа на этот вопрос нет [261, с. 654].

Таким образом, следователь вправе получить консультации специалиста в любой форме, и он же может использовать его письменное заключение в качестве доказательства.

Признать его таковым или отказаться от него — окончательное решение этого вопроса принадлежит суду.

Одной из основных форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве является производство экспертиз, которые проводятся по подавляющей массе дел о преступлениях всех категорий. В настоящем разделе мы ограничиваемся лишь упоминанием об этом, так как названной обширной теме будет посвящена отдельная глава нашей работы.

Понятия субъектов использования специальных знаний и участников уголовного судопроизводства взаимосвязаны, но в то же время не однозначны, как неоднозначно понятие участников уголовного процесса. В сказанном можно убедиться, сравнив соответствующие главы УПК РСФСР и УПК РФ, расхождения которых весьма существенны. Так, глава 3 УПК РСФСР среди участников процесса не называла следователя, прокурора, эксперта, специалиста, которые в настоящее время таковыми признаются. Такое расхождение было связано с различным пониманием участников уголовного процесса, которое и в наши дни в теории остается дискуссионным [230, с. 76–77]. Их подразделяли в зависимости от присущих им процессуальных функций. Имелась точка зрения о том, что участниками уголовного процесса являются все участвующие в нем лица [108; 182, с. 23; 207, с. 86–87; 229, с.117]. Указанная позиция и реализована действующим УПК РФ. Участники процесса классифицируются по различным основаниям, но все они отражены в законе с указанием их прав и обязанностей. Если УПК РСФСР называл 8 участников процесса, то УПК РФ уже 24. Состязательность сторон предполагает их процессуальное равенство, о чем прямо сказано в ст. 19 Конституции РФ и других федеральных законах, но это равенство не следует понимать упрощенно. Сторона обвинения, в частности следователь, в силу своего положения обязана возбудить

уголовное дело при наличии признаков преступления, принять все меры по его раскрытию, изобличению виновного и привлечению его к ответственности. При этом он может и должен широко использовать специальные познания, как свои, так и экспертов и специалистов.

У защитника, наоборот, главная задача заключается в оказании юридической помощи подозреваемому, обвиняемому, хотя при этом и он вправе обратиться за помощью к специалистам. Переводчик — полноправный участник уголовного процесса, но для его деятельности не свойственно использование специальных познаний. Это относится и к понятному, гражданскому истцу, ответчику, хотя они имеют право знакомиться с процессуальными документами, заявлять ходатайства, приносить жалобы и т. д.

В нашей работе основное внимание уделено деятельности по расследованию преступлений, т. е. стороны обвинения и тех, кто оказывает в этом содействие — специалистам и экспертам.

Число субъектов использования специальных знаний предлагается увеличить. Так, А. Н. Бычков считает, что таковым является педагог, о котором сказано в ст. 5 п. 62 УПК РФ [50]. Предлагается к ним причислить психолога, консультанта, врача, иных лиц как самостоятельных участников уголовного процесса. Следуя указанной рекомендации, число «иных лиц» можно расширять до бесконечности, но реальной необходимости в этом нет.

Всем понятно, кто такие врач, педагог, психолог, о которых говорится в УПК РФ. Это лица с высшим профильным образованием, имеющие опыт практической работы. При осмотре трупа требуется участие судебно-медицинского эксперта, и лишь при его отсутствии привлекается иной врач. Им может быть патологоанатом, хирург, травматолог, но не диетолог, косметолог или психиатр. Сказанное достаточно очевидно и в первую очередь для следователя. Как и то, что не все сотрудники Бюро судебно-медицинской экспертизы могут принимать участие в следственных действиях. В штате крупных бюро имеются специалисты по спектральному анализу. У них высшее образование (физическое),

но они не врачи и их медицинские познания не выше, чем у любого другого человека. Если следователь этого не понимает, то суд вполне обоснованно может признать полученные доказательства недопустимыми.

Мы считаем возможным прокомментировать статус тех участников уголовного судопроизводства, которые вправе использовать специальные познания в своей деятельности.

Суд

Среди участников уголовного судопроизводства назван суд, выделенный в отдельную категорию (глава 5), т. к. в соответствии со ст. 15 УПК РФ он не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или защиты. Тем самым осуществляется принцип состязательности сторон, под которой понимается разделение процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела по существу.

Суд должен быть полностью отстранен от досудебной стадии, однако он в нее вовлечен, что проявляется в санкционировании заключения под стражу, даче разрешения на производство ряда следственных действий и т. д. Сделано это под влиянием западных стандартов, что вряд ли может быть признано правильным. Суду приданы надзорные полномочия на досудебной стадии, в то время как существует прокуратура — федеральный орган надзора за законностью. Тем не менее именно суд санкционирует оперативно-разыскные мероприятия, в соответствии со ст. 29 ч. 2 п. 3 УПК РФ решает вопрос о помещении подозреваемого, обвиняемого в стационар для производства судебно-медицинской, судебно-психиатрической экспертизы, осуществляет и иные полномочия. При этом, как свидетельствует практика, он допускает ошибки, в т. ч. явные и грубые. Допустив ошибку, суд связывает себя, и в дальнейшем его объективность может быть поставлена под сомнение. Та же практика показывает, что суд удовлетворяет 94% ходатайств о мере пресечения и 98% — о производстве следственных действий, причем в ускоренном порядке. Это ли

реальный судебный контроль, особенно с учетом профессионального уровня современного следственного аппарата? Такую практику называют штампованием, чем в действительности она и является [106].

Тем не менее закон есть закон, он действует и должен, безусловно, выполняться. Это означает, что суд, решая вопрос о мере пресечения, обязан проанализировать имеющиеся доказательства и дать объективную оценку, т. е. использовать специальные знания, принимая то или иное решение. В большей степени они необходимы на судебной стадии, но и на досудебной без них не обойтись [55, с. 173–174].

В целом следует отметить, что применение специальных знаний судом на досудебной стадии ограничено, тогда как у других участников процесса оно гораздо шире.

Орган дознания

Рассуждая о субъектах использования специальных знаний, целесообразно ориентироваться на конструкцию раздела УПК РФ под названием «участники уголовного судопроизводства», но не все криминалисты ей следуют. Так, Н. Г. Шурухнов среди них называет следователя, сотрудника уголовного розыска, участкового уполномоченного, инспектора-кинолога, специалиста и эксперта [258, с. 42–48]. Ошибки в этом нет, но и определенная система не выстраивается. Все названные лица — сотрудники органа дознания, а это достаточно широкое понятие и далеко не все они в своей деятельности используют специальные познания; некоторые к ним вообще не имеют никакого отношения. Как пишет Б. Т. Безлепкин, понятие «орган дознания» является проблемным. Если ст. 117 УПК РСФСР их перечисляла, то ст. 40 ч. 1 п. 1 УПК РФ предусматривает и «иные органы» исполнительной власти, наделенные правом на осуществление оперативно-разыскной деятельности. Кроме того, ст. 40 ч. 3 УПК РФ называет ряд должностных лиц, находящихся вне правоохранительной деятельности и которые правом на ОРД не обладают, и это порождает различное

понимание и толкование закона. Само понятие «органы внутренних дел» включает в себя большое количество структур, никак не связанных с раскрытием и расследованием преступлений. Отказаться от этого понятия нельзя, но требуется корректировка законодательства, что автор и предлагает [37, с. 54–60].

Б. Т. Безлепкин прав. Например, специалисты широко используют свои знания в деятельности спецслужб, которая заключается не в раскрытии преступлений, перед ней стоят другие задачи. Поэтому, говоря об органе дознания, мы имеем в виду систему МВД и его важнейшее подразделение – уголовный розыск.

Для кинолога определена узкая сфера деятельности, заключающаяся в работе с одорологическими следами, их обнаружением, фиксацией, изъятием. Для участкового уполномоченного использование специальных знаний менее характерно, но не исключается и вполне возможно. На практике обращение к ним минимально. В этом отношении возможности оперативного сотрудника уголовного розыска гораздо шире, в соответствии со ст. 40 УПК РФ он имеет право на возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий. Выполняя поручение следователя в порядке ст. 38 УПК РФ, он приобретает его полномочия. По результатам составляется процессуальный документ, в котором отражается ход его проведения, в том числе применение научно-технических средств, привлечение специалистов. Кроме того, он уполномочен на проведение оперативно-розыскных мероприятий, и в этом виде деятельности его рассматривают как основное должностное лицо [154, с. 172-174]. Во многих случаях это именно его инициатива.

Сама ОРД предполагает самое широкое использование криминалистической, специальной техники, специальных познаний. Ст. 6 ФЗ «Об ОРД» предусматривает использование информационных систем, видеоаудиозаписи, кино-, фотосъемки, технических и иных средств, при помощи должностных лиц, специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями.

Результаты оперативно-разыскной деятельности, в том числе полученные с применением специальных знаний, спецтехники, с привлечением специалистов, оформленные по нормам УПК РФ, становятся процессуальными доказательствами и могут быть использованы в судопроизводстве. Однако при этом возникают определенные проблемы, которые заключаются в следующем. Следователь является руководителем расследования и несет ответственность за его результаты. Он вправе дать поручение о производстве оперативно-разыскных мероприятий, но, как считают специалисты, оно не может быть конкретным. Орган дознания сам определяет вид мероприятия и его тактику. Как оно проводилось и проводилось ли оно вообще, следователю часто неизвестно, и считается, что ему нет необходимости вникать в непроцессуальную деятельность органа дознания. Это спорный вопрос и представляет собой сложную проблему их взаимодействия [174]. Действительно, для многих следователей знание об ОРД ограничивается лишь текстом ФЗ «Об ОРД» и комментариями к нему. О спецтехнике, тактике ее применения многие ничего не знают. Поэтому конкретные задания в порядке ст. 38 УПК РФ могут оказаться просто некомпетентными. С другой стороны, следователю могут прямо заявить, что оперативно-разыскные мероприятия в отношении конкретного лица проводиться не будут, и при этом представить трафаретный ответ о выполнении задания без положительных результатов, а если они появятся, то о них будет сообщено. Подобная ситуация, а она не редкость, превращает следователя из руководителя в придаток уголовного розыска. Результаты хорошо известны. Хрестоматийный пример — дело серийного убийцы Чикатило, который совершал преступления на протяжении многих лет, хотя неоднократно попадал в поле зрения следствия и уголовного розыска. Пример, к сожалению, не единичный, а один из многих. После того как Чикатило был приговорен к смертной казни, Верховный суд России отметил в частном определении, что все материалы задержания Чикатило были своевременно переданы в следственную группу,

занимающуюся делом «Лесополоса», и что эта группа, «...проверяя сотни тысяч граждан, должным образом не смогла проверить одного человека, хотя имелись весьма серьезные основания подозревать его в совершении серии убийств... Таким образом, видно, что при длительном неразоблачении Чикатило сыграл роль фактор халатности правоохранительных органов» [54, с. 118].

Сложности реализации оперативной информации часто успешно преодолеваются, но известны случаи, когда осуществить это не представляется возможным и преступник остается на свободе. Причины различны. Считаем, что вопрос исследован недостаточно полно; иногда о нем упоминают, но и только [187, с. 15]. Интерес в этом отношении представляет работа Л. М. Исаевой, в которой рассматривается проблема использования в качестве процессуального доказательства информация, полученная в результате ОРД при помощи специальных познаний [80]. Итак, проверить выполнение ОРМ, их качество следователь возможности не имеет. Не всегда он может ознакомиться с их результатами, что зависит от взаимоотношений с сотрудником уголовного розыска или его руководителем, а конфликтные ситуации при раскрытии преступления далеко не редкость. Поэтому надо признать, что полномочия следователя, изложенные в ст. 38 УПК РФ, не соответствуют требованиям времени. По сути дела, ОРД находится лишь под ведомственным контролем, а судебный носит номинальный характер.

Рассчитывать на эффективность прокурорского надзора не приходится, так как прокуроры не имеют возможности надзирать за ходом ОРД по всем делам; многие из них, как и следователи, не имеют в этой сфере нужной квалификации.

Каково же возможное решение проблемы:

- следователь должен знать сущность ОРД, конкретных оперативно-разыскных мероприятий, возможности спецтехники. Иногда поручения следователя о проведении ОРД не выполняются, так как оно нереально, а то и просто бессмысленно;

- следователю необходимо предоставить право поручать органу дознания проведение конкретного оперативно-разыскного мероприятия с конкретной целью. Например, по делу об убийстве могут отсутствовать основания для производства обыска. Однако можно провести обследование жилого помещения с целью обнаружения следов крови, выстрела, иных следов, и при этом необходимо использовать специальные знания, помощь специалиста, так как визуально они не всегда наблюдаются;

- следователь должен иметь право на ознакомление с оперативной информацией, как минимум с ее результатами, за исключением, может быть, ее источника. Разумеется, не должно быть диктата, вмешательства в область компетенции органа дознания. Все это необходимо закрепить в ст. 38 или в отдельной статье УПК РФ.

Следователь

Особым субъектом использования специальных знаний в процессе расследования является следователь. Его полномочия определены ст. 38 УПК РФ. Они многочисленны и названная статья их все не называет, указывая лишь на его право «осуществлять иные полномочия». Следователь – процессуальная фигура, но он должен хорошо знать все разделы криминалистической техники, включая дискуссионные, такие как, например, одорология (ольфакторные, запаховые следы) [214, с. 135–138]. Он обязан владеть фотосъемкой, уметь провести аудиозапись, иметь навыки обнаружения, фиксации, изъятия следов и вещественных доказательств. В частности, мало обнаружить застрявшую в преграде пулю, надо уметь ее правильно изъять, чтобы не нарушить имеющиеся на ней трассы. В противном случае она будет непригодна для последующего экспертного исследования. Надо уметь правильно изъять образцы почвы, следы крови, осколки стекла. Следователь должен уметь определить эпицентр взрыва, пожара, так как именно он наиболее информативен при осмотре места происшествия. Необходимы знания по судебной медицине,

которые по локализации трупных пятен, следам крови уже при осмотре трупа позволяют определить механизм происшествия. Одно это уже может привести к быстрому раскрытию преступления. Весьма специфична работа с микроследами и микрообъектами, но знать ее основы необходимо [184]. Не все действия из области специальных знаний доступны следователю, не все он в состоянии провести самостоятельно, даже, казалось бы, простейшие. Вряд ли он сам сумеет измерить толщину листа бумаги, определить расстояние на открытой местности большой протяженности. Здесь требуется содействие специалиста. Если следователь может сам провести микроскопическое исследование при помощи биологического микроскопа (во всяком случае, он обязан уметь им пользоваться), то применение растрового электронного микроскопа ему недоступно. Это сфера специальных знаний уже иного уровня. О. Я. Баев высказывает мнение, каким должен быть объем знаний, собственных навыков, умений следователя, его судебно-экспертной деятельности, под которой понимается способность определить, какие могут быть назначены экспертизы и какую информацию возможно получить по их результатам [32, с. 10, 188–200].

Следователь выявляет негативные обстоятельства и в соответствии с ними строит работу по осмотру места происшествия. Он руководит этой работой, определяет очередность действий специалистов. Следователь — руководитель, но вся работа должна вестись в тесном взаимодействии со специалистами и с учетом их мнения. Меньше всего это диктат. Однако в необходимых случаях следователь имеет право проявить свои властные полномочия, обеспечить полноту осмотра места происшествия, иного следственного действия. В частности, это может касаться определения границ осмотра, целесообразности исследования его отдельных участков. Мнение специалиста полезно, может быть даже необходимо, но решение принимает именно следователь, несущий ответственность за конечный результат расследования дела. Непрофессионализм следователя, игнорирование мнения

специалистов, его самоустранение от руководства производства следственного действия могут привести и приводят к негативным последствиям, и примеров тому много. Организационная работа следователя в целом носит непроцессуальный характер, но она крайне важна, так как в процессе раскрытия преступления все взаимосвязано. Еще до выезда на место происшествия следователь должен получить по возможности наиболее полную информацию о том, что произошло, и с учетом этого определить состав следственно-оперативной группы. Предполагается быстрое прибытие на место происшествия, проверка его охраны, уточнения имеющейся информации. По различным причинам, в том числе объективным, она может оказаться неполной, отрывочной и просто неверной. Поэтому следователь должен иметь возможность обеспечить оперативное прибытие необходимых специалистов.

Прежде всего, ликвидируется опасная, аварийная ситуация, исключается ее повторение, оказывается помощи пострадавшим и следователь не может быть отстранен от этой работы, хотя в целом перед ним стоят иные задачи. Затем фиксируется обстановка места происшествия при помощи фотосъемки и видеозаписи, к работе приступают кинолог и специалисты по работе с микрообъектами. Таким образом, статическая стадия переходит в динамическую. Но это условная схема начального этапа осмотра. Она может быть иной, и ее определяет следователь послеконсультаций со специалистами.

В свое время сообщалось, что на смену следователю-протоколисту пришел следователь-специалист, хорошо ориентированный в современных возможностях науки и техники, что в наличии мощные кадры с профессиональным опытом и должное техническое оснащение [62, с. 261]. Подобное утверждение оказалось преждевременным, и уж во всяком случае в настоящее время просто не соответствует действительности. Следственный аппарат во многом разрушен, стаж большинства следователей не превышает 2-3 лет, а этого недостаточно для становления

профессионала. Часть следователей, видя реальные условия работы, стремятся найти себе иное применение.

Они не стремятся к получению опыта, знаний, не заинтересованы в результатах своей работы. Некоторые просто не хотят работать, и ждать от них результативности не приходится. Что касается технического оснащения, то нередко оно находится на самом примитивном уровне. В стране есть регионы, где не проводят фотосъемку по причине отсутствия фотоматериалов, осмотр трупов осуществляется без участия СМЭ, так как их просто нет, а многие простейшие вопросы становятся неразрешимой проблемой.

Генеральный прокурор РФ на совещании в г. Туле 21 февраля 2018 г. заявил, что происходит профессиональная деградация следователей. Они не знают норм УК РФ, УПК РФ, совершают много ошибок и нарушений законности, число которых ежегодно превышает 5 миллионов, а с прокурорским надзором не считаются. Руководство Следственного комитета РФ с такой оценкой не согласилось. Было заявлено, что модель СК РФ — одна из лучших в мире. Однако модель может быть совершенной, а положение дел плачевным. Какова же объективная оценка? Президент РФ на коллегии Генеральной прокуратуры РФ 15 февраля 2018 г. заявил, что к качеству следствия имеются серьезные претензии, подтвердил многочисленность нарушений, отметил сокращение количества дел, направленных в суд. Предложено усилить прокурорский надзор за следствием.

Таким образом, можно сделать вывод, что основа основ — это наличие стабильного квалифицированного следственного аппарата, имеющего необходимые условия для эффективной работы. Это известно давно. Однако похоже на то, что для исправления существующего положения ничего не делается. Что касается прокурорского надзора, то надо признать, что он, по сути дела, ликвидирован и заменен ведомственным контролем, что абсолютно неправильно. При этом заметим, что прокурорский надзор не имеет ничего общего с тотальным контролем, бездумным

вмешательством в работу следователя. Надзор необходим и должен быть восстановлен по образцу ст. 37 УПК РФ по состоянию на 1 августа 2005 г. В этом случае его игнорирование вряд ли будет возможным. Соотношение процессуальной самостоятельности следователя и прокурорского надзора — отдельная тема, но она выходит за рамки нашего исследования; поэтому мы вынуждены ограничиться лишь краткими замечаниями.

Следователь-криминалист

В настоящее время в УПК РФ введена фигура следователя-криминалиста (ст. 5 п. 40-1), хотя среди участников уголовного судопроизводства он не указан. Нет о нем упоминаний и в главе 8 УПК РФ. Поэтому его правовой статус не вполне ясен. Если раньше существовал прокурор-криминалист, то в связи с существенными изменениями законодательства он явно не подпадает под действие ст. 38 УПК РФ. Видимо, по этой причине А. Гурин называет его странной процессуальной фигурой [66, с. 44]. В. П. Божьев указывает на явную несуразность следователя-криминалиста, которому предоставили необычные права, в том числе на производство следственных действий без принятия дела к производству [46, с. 5]. Понятно, что произошло изменение терминов и вместо прокурора-криминалиста появился следователь-криминалист, но все же он должен быть указан среди участников процесса с определением процессуального статуса. Странно, что до настоящего времени это не сделано.

Считаем, что следователь-криминалист должен участвовать в неотложных следственных действиях, но может принимать участие на всех этапах расследования. Его основная задача — криминалистическое сопровождение, применение, использование криминалистической техники, оказание методической помощи следователю, аналитическая работа, разработка версий и т. д. Он может быть включен в состав следственно-оперативной группы. Властных полномочий по отношению к следователю у него быть не должно. По распоряжению руководителя следственного

органа ему может быть поручено расследование уголовного дела в полном объеме.

Специалист

Хотя при расследовании преступлений сведущие лица привлекались на протяжении столетий, в отечественный закон понятие «специалист» введено относительно недавно — с 1966 г. (ст. 133-1 УПК РСФСР). Его главная задача заключалась в содействии следователю в обнаружении, закреплении, изъятии следов и вещественных доказательств. Такова она и в настоящее время, хотя ст. 58 УПК РФ ее несколько расширила.

Специалист — это лицо, обладающее специальными познаниями, навыками, опытом работы. В этом качестве привлекаются сотрудники научно-технических подразделений правоохранительных органов, а также эксперты государственных экспертных учреждений. Не исключается привлечение иных лиц, имеющих необходимые специальные знания. Можно отметить, что в стране имеются сотни, возможно тысячи, специальностей, перечислить которые вряд ли возможно, да и необходимости в этом нет. Практика показывает, что при расследовании преступлений прибегают к помощи самых разнообразных, даже необычных специалистов, таких как художники, музыканты, парикмахеры, охотники, цирковые артисты и т. д., которые в своей основной деятельности не имеют никакого отношения к раскрытию преступлений.

О специалистах в уголовном судопроизводстве писали такие видные криминалисты, как А. И. Винберг, Р. С. Белкин, А. А. Эйсман, З. М. Соколовский, Ю. Г. Корухов, В. Н. Махов, Г. Г. Зуйков, многие другие. Но и в настоящее время продолжается активное исследование проблемы [69; 80; 139; 188; 203].

Несмотря на обилие работ, в теории, а на практике особенно, встречается различное толкование понятия «специалист». Так, авторы фундаментального труда по уголовному процессу указывали на специалиста как на лицо, играющее «подсобно-

вспомогательную роль» в доказывании, субъектом доказывания его не считали и вообще о нем почти не писали [222, с. 494–495]. Такая точка зрения явно устарела. А. Р. Белкин, наоборот, считает, что специалист – субъект доказывания, чья роль с учетом изменений уголовно-процессуального закона резко возросла [38, с. 61]. Полномочия специалиста действительно расширены, но никакого резкого роста его роли в процессе нет. Субъектом доказывания он не является. Авторы «Теории доказательств» правильно отмечали, что субъекты доказывания – это органы и лица, играющие в нем не разовую, эпизодическую, а постоянную, длительную роль, имеющие право на активное, продолжительное участие в процессе.

Суд в настоящее время не связан ни с обвинением, ни с защитой (ст. 15 УПК РФ). Тем более не является субъектом доказывания сторона защиты, особенно если речь идет о раскрытии преступления и установления виновного. Поэтому более целесообразно говорить о стороне обвинения как о субъекте доказывания, к которой специалист не относится. Ст. 14 ч. 2 УПК РФ прямо указывает, что бремя доказывания лежит на стороне обвинения. Кроме того, надо учитывать, что деятельность специалиста ограничена только сферой специальных познаний.

Итак, специалист, как правило, это сотрудник соответствующего научно-технического подразделения правоохранительного органа, имеющий подготовку в области криминалистики и необходимый опыт. В каких-то случаях в качестве такового может быть привлечено и иное лицо без высшего образования и различного социального статуса.

Их помощь может быть использована, когда в ней возникает необходимость. Это как раз то, о чем в свое время писали Г. Гросс и В. П. Макалинский. Например, с места происшествия изъяты узлы, и по ним можно получить определенную информацию. В крупных криминалистических лабораториях есть специалисты по узлам. Иногда эту работу выполняют сотрудники медико-криминалистических отделений Бюро судебно-медицинской

экспертизы, хотя вряд ли узел является объектом исследования судебного врача. Во многих случаях такие специалисты отсутствуют. Есть трасологи, но трасология предполагает соответствующую специализацию, и далеко не каждый даже опытный криминалист в состоянии исследовать такой объект. В таких случаях, особенно на первоначальном этапе расследования, когда требуется разыскная информация, можно обратиться за консультацией к тем, кто по роду своей профессиональной деятельности связан с узлами. Возникает вопрос о компетенции такого лица, является ли оно специалистом в своей деятельности, возможно ли его наделение процессуальным статусом в случае необходимости. Ее определяет следователь, и для него это вполне посильная задача. Критерии: наличие образования, работа по специальности, ее стаж, сведения администрации организации — таких факторов уже достаточно, чтобы разобраться в этом вопросе. Разумеется, исключается автоматизм при его решении. Известны случаи, когда в роли специалистов оказывались сомнительные личности, ранее судимые, лица, состоявшие в каких-либо отношениях с другими участниками процесса, заинтересованные в исходе дела. Необходим взвешенный подход. Следователь оценивает информацию, ситуацию по делу и принимает решение, сознавая, что специалисту может быть заявлен отвод по различным основаниям.

Деятельность специалиста протекает в процессуальной и непроцессуальной формах. Ст. 58 УПК РФ прямо указывает, что специалист — лицо, участвующее в процессуальных действиях в порядке, установленном законом. Это деятельность процессуальная. Всякого рода консультации, разъяснения, советы, предположения находятся вне рамок процесса. Их можно оформить в виде справки. Не исключается допрос в качестве свидетеля, и практика идет по указанному пути. Встречаются и иные ситуации.

Согласно материалам дела об убийстве Т., на теле потерпевшей обнаружили следы травмирующего предмета, имевшие сложную конфигурацию. Следователь пригласил автослесаря Р., сообщил

ему обстоятельства дела, предъявил ему фотографии заключения судебно-медицинского эксперта и предложил высказать мнение об орудии преступления. Ничего конкретного слесарь не установил, но предположил, что это может быть деталь одного агрегата. Его показания оформили протоколом допроса специалиста. По указанной ситуации можно высказать следующее суждение. Слесарь Р. был специалистом в своей профессиональной деятельности, но с точки зрения уголовного процесса им не являлся. По делу надо было назначить медико-криминалистическую экспертизу, и именно эксперту, а не слесарю адресовать вопросы о характерных признаках орудия преступления, его размерах, наличии металла на коже трупа и иные. Вполне возможна была и консультация специалиста в области автотехники – сотрудника научного или учебного заведения. Если же были необходимы познания именно Р., то следовало вынести соответствующее постановление, обосновать принятое решение, отразив отсутствие препятствий участия его в деле. Закону это бы не противоречило, и не было бы произвольного наделения уголовно-процессуальным статусом лица, не имевшего никакого отношения ни к преступлению, ни к его расследованию.

Нет необходимости расширять понятие специалиста, но такая тенденция наблюдается. Так, Е. А. Мацун считает, что педагог, психолог, переводчик имеют все признаки специалиста и обладают единым процессуальным статусом [139, с. 19–20]. Это не так. Переводчик – полноценный участник уголовного процесса, и у него имеется определенная законом (ст. 59 УПК РФ) функция: перевод [240]. Выполнение ее иным участником, совмещение функций – явное нарушение закона, о чем существуют руководящие разъяснения высших судебных органов.

Педагог, психолог, разумеется, специалисты в своей деятельности. Упоминания о них в законе имеются, и они принимают участие при производстве некоторых следственных действий. Каких-либо сложностей в определении их сущности возникать не должно, т.к. есть опыт, следственная и судебная практика,

здравый смысл и, наконец, закон, которых вполне достаточно, и нет никакой необходимости загружать УПК РФ ненужными определениями. И. Г. Савицкая полагает, что специалистами являются сотрудники уголовно-исполнительной системы [188, с. 8–12]. У них, естественно, имеются профессиональные знания, к ним обращаются за консультациями, часто их допрашивают как свидетелей, но и только.

Иногда допрашивают врачей-хирургов, проводивших операции потерпевшим, поскольку следователя может интересовать механизм ранения, характерные особенности орудия преступления, наличие профессиональных навыков у преступника и т. д. При таких ситуациях хирург допрашивается как свидетель. Коллизии при этом, как правило, не возникают, но в принципе не исключаются.

Образцы крови потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого с точки зрения процесса получает следователь. Он выносит постановление, составляет протокол, но саму процедуру выполняет не он, а медицинский работник, данные которого отражаются в протоколе.

Если преступление произошло на территории учреждения, предприятия, то представители его администрации, а это инженерно-технический состав, оказывают следователю необходимое содействие, но, как и технические работники: трактористы, бульдозеристы, аквалангисты, землекопы, плотники (при их помощи вскрывают квартиры), они не специалисты. Такая точка зрения уже высказывалась [261, с. 453].

Иногда при осмотре места происшествия при крупных пожарах, авариях, катастрофах присутствуют сотрудники ФСБ. Они вступают в контакт со следователем, обмениваются информацией (хотя это, как правило, обмен односторонний), высказывают свое мнение, очевидно, организуют оперативно-разыскные мероприятия. Однако они не участвуют в следственных действиях, а лишь присутствуют. Такое присутствие должно осуществляться с ведома и разрешения следователя.

В ряде случаев в качестве своеобразных специалистов привлекали преступников. В США в качестве таковых известны серийные убийцы Т. Банди, Э. Кемпер; в России по делам подобного рода суждение высказывал В. Муханкин. Консультации давал В. Баранов — уникальная личность в криминальной истории страны. Не имея высшего образования, доступа к закрытой литературе, к нужным материалам, он самостоятельно освоил массу профессий и на самодельном оборудовании осуществил выпуск фальшивых денег очень высокого технического качества, не уступающего продукции Госзнака. Впоследствии он вполне профессионально высказался о защищенности действующих в обороте денег.

Есть преступники, умеющие открывать без взлома самые современные сейфы, не оставляя при этом никаких следов. Информацию таких лиц надо принимать к сведению. Известны случаи, когда прибегали к помощи таких лиц, даже получали от них содействие. Но это сфера оперативно-разыскной деятельности, которая носит непроцессуальный характер. Такие лица с позиции уголовного процесса специалистами не являются.

Завершая тему о специалисте, отметим, что не все сказанное однозначно, и процесс расследования, роль его участников не всегда точно вписываются в закон. Теория уголовного процесса, его доктринальное толкование также бывают различны. По этому поводу можно сказать только одно. Не должно быть явного противоречия закону, тем более его сознательного нарушения. При спорных ситуациях надо руководствоваться основными принципами уголовного судопроизводства, разъяснениями пленумов Верховного суда, следственной и судебной практикой. Наши наблюдения показывают, что при расследовании гораздо чаще встречается не процессуальная казуистика, а элементарное незнание, пренебрежение законом, его преднамеренное нарушение.

Учитывая особо важную роль специалиста в уголовном судопроизводстве, в следующем разделе настоящей работы мы остановимся отдельно на его участии на досудебной стадии.

Защитник

Защитник наделен правами, указанными в ст. 53 УПК РФ и ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Он вправе собирать доказательства, участвовать в следственных действиях, привлекать специалистов, ходатайствовать о приобщении к делу заключения специалиста, фиксировать информацию, в том числе с помощью технических средств и т. д. Указанные полномочия достаточно подробно прокомментированы, выявлены проблемные ситуации. Предлагается еще более расширить права защитника в сфере использования специальных знаний вплоть до представления ему права требовать проведения внесудебной экспертизы [128; 158; 159, с. 41–42; 259]. Думается, что в очередном расширении прав защитника в настоящее время необходимости нет и существующих вполне достаточно для эффективной защиты. Другое дело, что иногда обоснованные ходатайства защитника (например, о назначении экспертизы) следователь сознательно игнорирует. Однако причина этого явления известна, и она заключается не в том, что у защитника недостаточно прав, а в отсутствии возможности их реализовать. Иногда действуют необъективность следователя, его обвинительный уклон, иные факторы. Одновременно необходимо учитывать, что дело расследует не защитник, а следователь, и он не обязан идти у него на поводу и действовать по его указаниям. Их функции не совпадают.

Задача защитника — не раскрытие преступления и даже не установление истины, а оказание юридической помощи своему доверителю. Решение по ситуации должно быть основано на законе, и оно заключается в следующем: обоснованное ходатайство защитника должно быть безусловно выполнено. В ином случае следователь выносит постановление и отклоняет его.

Прокурор

На досудебной стадии на прокурора возложена функция надзора за процессуальной деятельностью следователя и органа дознания. В действительности прокурорский надзор за

предварительным следствием фактически ликвидирован и заменен ведомственным контролем. И этому трудно найти объяснение. Прокуратура — федеральный орган надзора за законностью, который в свое время назывался высшим, и таковым, по нашему мнению, он должен быть и в настоящее время. Тем не менее произошла девальвация этой деятельности, и прокуратура почти во всех отраслях надзора превратилась в один из многочисленных контролирующих органов и часто занимается не надзором, а проверкой, принимающей порой карикатурные формы, дискредитирующей важнейшую государственную деятельность. Так, прокуратура проверяет оперные постановки (опера «Тангейзер» в Новосибирске) и кинофильмы (фильм «Матильда»), законность (?) обслуживания газового хозяйства (Магнитогорск), качество уборки снега (Санкт-Петербург). По сообщениям прессы, сотрудник Новгородской прокуратуры в 2017 г. лично раскопал свалку и установил владельца мусора. В Калужской области прокуратура проверяла проведение танцев в действующей церкви, хотя это сфера деятельности епархиального архиерея. Где-то прокурор изъяс с выставки сову, на которую отсутствовали документы. В другом случае прокурор проверял содержание декоративной комнатной собаки; при этом ему высказали пожелание, разумеется, в устной форме, каким должен быть результат этой проверки. «Пожелание» исходило от должностных лиц, которые сами должны находиться под прокурорским надзором. Это все общенадзорная деятельность прокуратуры. Она в состоянии выявить наличие признаков правонарушений и преступлений, хотя приведенные примеры, по нашему мнению, лишь ее дискредитируют и не соответствуют целям прокурорской деятельности.

Что касается сферы следствия и дознания, то там нарушения гораздо более опасны. Нередко они затрагивают конституционные права граждан, так как связаны с уголовно-процессуальным задержанием, заключением под стражу, незаконными следственными действиями и оперативно-разыскными мероприятиями.

Как указывалось, по данным Генеральной прокуратуры РФ, эти нарушения исчисляются в миллионах.

Вопрос взаимоотношения процессуальной самостоятельности следователя, ведомственного контроля и прокурорского надзора сложен, и не он является темой настоящего исследования. Скажем лишь, что он необходим и должен быть восстановлен в прежнем объеме. Это в полной мере относится и к надзору за использованием специальных знаний, криминалистической техники при следственных действиях и оперативно-разыскных мероприятиях. В соответствии со ст. 6 ФЗ «Об ОРД» могут использоваться информационные системы, видеоаудиозапись, кино-, фотосъемка, другие технические и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей, не причиняющие вреда окружающей среде.

При производстве оперативно-разыскных мероприятий (существуют и оперативно-технические мероприятия) используется помощь должностных лиц и специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями. При этой деятельности происходит вторжение в личную жизнь граждан, затрагивающее ее неприкосновенность, нарушение личной и семейной тайны, гарантированных Конституцией РФ. Вторжение в личную жизнь становится возможным при наблюдении за происходящим в жилище при помощи технических средств без физического проникновения в него. Оно может быть как неизбежным, так и явно противозаконным. Ряд авторов считает, что прокурор должен убедиться, что использование научно-технических средств не причинит вреда человеку [42, с. 239, 242–243; 166, с. 181–191, 198]. Однако это порождает проблему. Со стороны некоторых практических работников и даже теоретиков ОРД существует невысокая оценка прокурорского надзора в этой сфере. Отчасти это понятно. Нет должного опыта, возможности прокурора ограничены по многим причинам. До недавнего времени ОРД, ее технические возможности были вообще ему недоступны [35, с. 136–204]. И в настоящее время положение дел в этом

отношении далеко от идеального. Факт, что многие преступники, особенно члены ОПГ, знают все детали оперативной работы, имеют доступ к регламентирующим ее закрытым нормативным актам, в то время как некоторые следователи и прокуроры имеют об этом самое поверхностное представление. Вывод один: прокурорский надзор необходим и он должен совершенствоваться. В противном случае, и об этом уже давно говорилось, будут иметь место незаконные ОРМ, грубо попирающие права граждан, в том числе и в преступной форме. Видимо, не случайно появилась ст. 303 УК РФ, предусматривающая ответственность за фальсификацию доказательств и результатов ОРД. Одновременно отметим, что установить и тем более доказать ее крайне сложно.

Руководитель следственного органа

Руководитель следственного органа (ст. 39 УПК РФ) также стал субъектом использования специальных знаний на досудебной стадии. Ему предоставлены большие организационные, процессуальные, надзорные полномочия. Он вправе отменять незаконные, необоснованные постановления следователя, давать указания о направлении расследования и осуществлять иные полномочия. Б. Т. Безлепкин правильно указывает, что с точки зрения теории уголовного процесса это спорная фигура и, став внутриведомственным прокурором, его роль теоретическому объяснению не поддается [37, с. 54]. Он сам должен находиться в сфере прокурорского надзора, но закон однозначно определил его процессуальное положение, которое нельзя признать правильным.

Эксперт

Основным субъектом использования специальных знаний, наряду со специалистом, является эксперт, понимание которого остается неизменным на протяжении длительного времени.

Его статус определен действующим законодательством (ст. 57 УПК РФ), и в настоящее время нет никакой необходимости в его изменении. Если она появится, то на это укажет сама следственная и экспертная практика. Сказанное не означает, что проблем

нет; они есть, их достаточно много, и часть из них мы попытаемся изложить, но уже в следующей главе настоящей работы.

А. М. Зинин и Н. П. Майлис считают, что субъектом судебно-экспертной деятельности является экспертное учреждение, указывая, что именно оно вступает в правоотношения [76, с. 69–70]. Указанную точку зрения разделяет и Т. В. Аверьянова и обосновывает ее тем, что экспертное учреждение обеспечивает проведение экспертизы и направляет заключение органу, который ее назначил [2]. Это действительно так. Однако подавляющая часть общественных отношений, особенно в сфере правоохранительной деятельности, имеет форму правоотношений. Экспертное исследование проводит конкретный эксперт, имеющий определенный правовой статус, который несет ответственность за результаты своей деятельности. Экспертное учреждение в лице администрации выполняет в основном организационные функции. Во всяком случае закон не называет экспертное учреждение среди участников уголовного судопроизводства. Сказанное неоднозначно, поэтому необходима дискуссия. По ее результатам и можно будет получить правильный ответ.

Интерес может вызвать фигура руководителя экспертного учреждения, имеющая, по мнению В. Быкова, особый статус и которого законодатель лишь по ошибке не включил в число участников уголовного судопроизводства [49, с. 29]. До В. Быкова А. Р. Шляхов писал, что руководитель имеет две функции: процессуальную и административную [255, с. 86; 256, с. 53–57]. Отдельные процессуальные функции у него действительно имеются. Уже указывалось, что многие общественные отношения в уголовном процессе — это правоотношения, но не все лица в них участвующие с позиции УПК РФ участники судопроизводства. Например, взаимоотношения следователя и начальника ИВС или следственного изолятора это тоже правоотношения, но последними участниками уголовного процесса не являются.

УПК РСФСР в ст. 187 упоминал руководителя экспертного учреждения, но как участника процесса его не рассматривал.

Ст. 57 УПК РФ определяет правовой статус эксперта, но не его руководителя. В то же время ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» содержит ст. 14–15, регламентирующие его права и обязанности. Руководитель не имеет и не должен иметь права воздействовать на эксперта, предлагать, требовать каких-либо конкретных выводов, противоречащих позиции последнего. Об этом сказано и в законе. Однако от экспертов нередко исходят некачественные заключения. Например, судебно-медицинский эксперт обязан провести вскрытие всех полостей тела, но не делает этого, так как ему кажется все ясным и очевидным. Это явное нарушение. Не всегда проводятся необходимые дополнительные исследования.

Если эксперт пишет, что в крови малолетнего обнаружена почти смертельная концентрация алкоголя, как это было в деле по факту гибели А. Шимко в г. Балашиха в 2017 г. [34], то такое обстоятельство для руководителя не может остаться незамеченным. Иногда процессуальное оформление акта экспертизы таково, что его нельзя рассматривать в качестве доказательства и документа вообще. В таких случаях руководитель экспертного учреждения обязан отреагировать и проявить свои властные полномочия, которые никак не затрагивают самостоятельность позиции эксперта, его независимость.

Руководитель экспертного учреждения обязан в меру предоставленных ему возможностей обеспечить эксперту независимость. Это сложная проблема, и в дальнейшем нам еще придется на ней остановиться. Отметим, что она разработана не в полной мере, готовых рецептов по ее решению в настоящее время нет.

В заключение темы выскажем собственное о ней мнение. Полагаем, что в УПК РФ было бы целесообразно включить статью о руководителе экспертного учреждения, признать его участником уголовного судопроизводства, четко закрепить главным образом его процессуальные полномочия. Есть, с нашей точки зрения, положительный опыт. Он состоит в том, что все экспертные заключения выдаются только с ведома, по сути дела,

согласия руководителя после предварительной проверки. Какое-либо ущемление независимости эксперта при этом отсутствует. С этим можно согласиться или нет, не исключается различное понимание согласия; поэтому должны действовать не региональные особенности, а закон.

1.3 Участие специалиста при производстве следственных и процессуальных действий

Учитывая особое значение участия специалиста, использование им специальных познаний в процессе раскрытия и расследования преступлений, считаем необходимым остановиться на этом вопросе более подробно. Закон лишь в отдельных случаях предусматривает обязательное участие специалиста при производстве следственных действий, например при осмотре трупа, эксгумации. В большинстве случаев оно факультативно и следователь самостоятельно определяет, имеется в этом необходимость или нет. Ст. 164, 168 УПК РФ предусматривают такое его право, но не обязанность. Следователь может сам использовать криминалистическую технику или вообще не прибегать к помощи специальных знаний. Однако практика давно доказала, что участие специалиста способно повысить результативность многих следственных действий, а отказ от нее, наоборот, приводит к негативным последствиям. Иногда оно просто необходимо, хотя указаний в законе об этом нет. Например, обнаружение и изъятие взрывных устройств, ядовитых, отравляющих, радиоактивных веществ и материалов — все это делается только при помощи специалистов. Во избежание непредвиденных ситуаций, неоднократно имевших место, им следует поручить даже изъятие и упаковку огнестрельного оружия. Тем более их участие необходимо при расследовании пожаров, крупных аварий, обрушении зданий и конструкций, транспортных происшествий. Так, для установления причины крушения «Боинга» с многочисленными жертвами рейса Тегеран — Киев 8 января 2020 г. была создана группа

из 45 человек, сотрудников 12 министерств и ведомств. При иных ситуациях, также с тяжкими последствиями, столь представительные комиссии не требуются.

Участие специалиста на досудебной стадии различно. Иногда это лишь фиксация хода следственного действия, что следователь должен уметь сделать самостоятельно, но нередко его участие предопределяет успех дальнейшего расследования. Этому может способствовать его обоснованная версия. В целом следует максимально использовать возможности специальных знаний и помощь специалистов.

На практике часто прибегают к помощи лишь криминалистов и судебно-медицинских экспертов, но такое положение не соответствует требованиям времени, особенно в тех городах, где имеется возможность комплектования следственно-оперативных групп из числа нужных специалистов. В то же время сотрудники органа дознания, проводя следственное действие по поручению следователя, а иногда и вообще без него, специалистов привлекают редко. Итог — полное отсутствие розыскной и доказательственной информации, а сам протокол не содержит никаких сведений о характере происшествия. Обыск могут провести под видом осмотра места происшествия, добровольной выдачи — действия, не предусмотренного УПК РФ. Это приводит к тому, что полученные данные могут утратить доказательственное значение.

При производстве следственных действий с использованием специальных знаний надо учитывать, что некоторые научные рекомендации себя изжили, показали свою несостоятельность, а какие-то перестали соответствовать действующему законодательству, подверженному систематическим изменениям.

Возможно, они не всегда оправданы, но должны соблюдаться в безусловном порядке. Перейдем теперь к конкретным следственным действиям, при проведении которых требуется или предполагается использование специальных знаний и помощь специалиста.

Допрос

В соответствии со ст. 425 УПК РФ при допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, не достигшего 16 лет либо его достигшего, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. В иных случаях закон таких требований не содержит, и вопрос решается следователем исходя из ситуации. Во многих случаях привлечь к допросу специалиста необходимости нет. Даже наоборот, отсутствие посторонних лиц порой способствует конфиденциальности допроса и откровенности допрашиваемого, особенно если речь идет о его личной жизни, каких-либо компрометирующих фактах биографии.

В каких же случаях можно рекомендовать участие специалиста при допросе?

1. Есть дела, по которым вполне реально можно предполагать изменение показаний, отказ от них на судебной стадии. Часто это дела об изнасиловании и взятках. Отказ от показаний сопровождается ссылкой на принуждение, запугивание, шантаж, на факт присутствия при допросе сотрудников уголовного розыска. Присутствие, тем более участие в допросе сотрудников органа дознания крайне нежелательно. Со стороны допрашиваемого возможны попытки нападения на следователя, причинение самоповреждений, побег, даже самоубийство [23, с. 84–89]. Все это на практике известно, и безопасность следователя, безусловно, должна быть обеспечена. Предвидя отказ от показаний, их изменение, целесообразно провести аудиовидеозапись допроса, что предусмотрено ст. 189 УПК РФ. Впоследствии они могут опровергнуть измышления о противоправном воздействии на допрашиваемого. Иногда проводят фотосъемку допроса, но видеозапись более предпочтительна. Для ее осуществления следует привлечь специалиста, так как он проведет ее более профессионально, и следователю не надо будет отвлекаться на технические мероприятия.

2. По делам о преступных нарушениях правил охраны труда, транспортных происшествиях приходится допрашивать инженерно-технических работников, моряков, летчиков, руководителей предприятий, прямо или косвенно ответственных за происшедшее. Пользуясь незнанием следователя ведомственных нормативных актов, технологического процесса, специфики деятельности, даже терминологии, такие лица могут попытаться ввести следователя в заблуждение, что-то исказить, умолчать о важных деталях. В таких случаях не только участие, но само присутствие специалиста при допросе может предотвратить ложные показания заинтересованного лица.

3. По делам о преступлениях против личности (ст. 105, 131, 135 УК РФ) иногда необходимо допрашивать несовершеннолетних и даже малолетних. Это крайне сложно по многим причинам. Дети склонны к фантазированию, они могут неправильно изложить события, действия просто в силу незнания, дать им неверную оценку. Многие из них пережили тяжелую психологическую травму, которую нельзя усиливать.

Например, мать несовершеннолетнего уходит из дома в его присутствии, больше не возвращается, и он интуитивно понимает, что с ней что-то произошло. В свою очередь, следователь считает, что она убита и что к этому причастен муж, отец ребенка. Иногда дети видят сцены крайне жестокого насилия, непосредственно убийство одного из родителей, были случаи, когда они обнаруживали их убитыми. Определить тактику допроса при таких ситуациях непросто. Можно порекомендовать привлечь к такому допросу педагога, хорошо знающего ребенка и к которому тот испытывает доверие. Их предварительная беседа незаметно для несовершеннолетнего переходит в допрос, в сферу сведений, интересующих следователя. В то же время «...при постановке детализирующих вопросов следует избегать чрезмерной настойчивости, так как это может привести к даче неверного ответа» [102, с. 204]. Разумеется, требуется очень осторожная оценка полученных показаний.

4. Свидетелями преступления могут стать алкоголики, наркоманы в стадии глубокой деградации, которую следователь определяет лишь визуально. Считаем, что к допросу таких лиц привлекать каких-либо специалистов (наркологов, психиатров) необходимости нет. Их допрашивает следователь, и он же дает критическую оценку полученным показаниям и определяет, насколько они соответствуют имеющимся объективным данным. Судебно-психиатрическая экспертиза таких личностей вряд ли внесет в дело полную ясность, а ее выводы будут носить лишь предположительный характер.

Еще более сложная ситуация возникает при допросе психически неполноценных лиц, что иногда можно увидеть сразу. Такие лица в ряде случаев являются потенциальными подозреваемыми. Они могут признать совершение самого тяжкого преступления, дать любые показания и тут же отказаться от них. Они не осознают критическую ситуацию, в которой оказались, им даже нравится, что с ними беседуют в официальной обстановке должностные лица. Они чувствуют свою значимость, видят, что в них заинтересованы. Вот от таких лиц, порой без особого труда, и получают признания. В случаях убийства на сексуальной почве иногда к допросу привлекают сексопатолога, который ведет беседу, а то и склоняет лицо к определенным показаниям. Нечто подобное имело место по делу Чикатило. Допрашивать, конечно, должен следователь. Специалист может дать необходимые консультации, разъяснения, принять участие в допросе, но не склонять лицо к конкретным показаниям, давать ему какие-либо обещания. Закон допускает участие специалиста в допросе таких лиц, но это участие ничего не гарантирует, поэтому и решение о нем принимает следователь. Он обязан четко понимать, что главное не признание, а наличие объективных доказательств. Сказанное, впрочем, относится к делам любой категории.

Имеются рекомендации проводить допрос с применением полиграфа, и есть сообщения о достигнутых при этом положительных результатах. Последнее, полагаем, весьма сомнительно.

Одно из нам известных — это сообщение об итогах допроса в 2018 г. Н. Савченко, известного политического деятеля Украины. Хотя дело расследовалось не в России, пример может быть принят к сведению.

Итак, были сделаны категорические выводы о наличии у Савченко положительных психофизиологических реакций, свидетельствующих о том, что она обсуждала планы насильственного свержения конституционного строя и лично готовила его и другие особо тяжкие преступления, в том числе теракты и убийства.

Нам неизвестно, что именно планировала Савченко, но такие выводы просто абсурдны, и это очевидно. Полиграф является по сути дела медицинским прибором, фиксирующим состояние человека, протекающие в его организме физиологические процессы. Современные полиграфы способны отразить десятки таких процессов и состояний, но их подобная интерпретация с точки зрения права как минимум противозаконна и представляет собой грубую фабрикацию доказательств. Когда-то полиграф назывался детектором лжи, но в настоящее время многие специалисты утверждают, что правду, ложь он не определяет. Он устанавливает лишь артериальное давление, частоту пульса, температуру тела и т. д. Вообще проблема полиграфа сложна, и мы не ставим перед собой задачу ее исследовать. Более того, мы не отрицаем его использование в деятельности правоохранительных органов, но считаем, что в настоящее время оптимальное его применение — это сфера оперативно-разыскной деятельности для получения ориентирующей информации. Однако есть и другие точки зрения по этому вопросу.

Так, Л. А. Суворова считает, что информацию, полученную при помощи полиграфа, можно использовать как доказательство. В ряде случаев предлагается даже его обязательное применение, хотя автор и признает, что проблема исследована недостаточно [215, с. 21–23].

Действующий закон (ст. 164 УПК РФ) предусматривает применение научно-технических средств при производстве следственных

действий, за некоторым исключением, указанным в ст. 9 УПК РФ. Однако эти средства не перечисляются и, таким образом, официального запрета полиграфа нет. Целесообразность его применения определяет следователь. Если такое решение принято, то необходимо обеспечить участие специалиста-полиграфолога, хотя отметим, что его правовой статус не определен. Дальнейшее – вопрос оценки полученных результатов со стороны следователя, прокурора, суда, которая должна быть крайне осторожной, так как вероятность ошибки велика. Так, в 2004 г. Д. Медков был признан виновным в убийстве своей сестры. Доказательствами явились признание им своей вины, полученное противозаконным путем, проверка на полиграфе и заключение о том, что Медков дает правдивые показания. Только через три года стало известно, что преступления не было, а «убитая» жива [173, с. 23]. Пример далеко не единичный.

Имели место рекомендации использовать при допросе нейролингвистическое программирование – относительно новое направление в психологии, разработанное известным американским ученым М. Эриксоном. Сущность метода заключается в технике моделирования поведения людей. В упрощенном варианте это копирование их внешнего поведения, подражание манере говорить, интонации, жестикуляции, мимике и т. д. Надо отметить, что роль психологии при допросе очень важна. Она помогает выявить психологические особенности допрашиваемого, установить с ним контакт, определить тактические приемы и пределы их воздействия. Что касается имитации поведения человека, то она возможна для тех, кто владеет актерским мастерством. Со стороны следователя подобные попытки будут выглядеть как карикатура. Есть мнение о том, что нейролингвистическое программирование, несмотря на авторитет Эриксона, не что иное, как лженаука, и поэтому от него в следственной практике следует отказаться. Авторитетный специалист в области гипноза А. Вейзенхоффер скептически писал, что «учение Эриксона» не подвергается экспериментальной проверке, и данное мнение никто не смог опровергнуть.

Очная ставка

Как следственное действие очная ставка известна давно и рассматривалась как особый вид доказательства. М. А. Чельцов-Бебутов писал, что она являлась важнейшим моментом уголовного процесса, во всяком случае во Франции [241, с. 242–243, 249–250]. В настоящее время ценность ее относительна; есть даже предложения исключить ее из УПК РФ. Она действительно может иметь значение при добросовестном заблуждении одного из ранее допрошенных. Очень часто очная ставка не устраняет противоречия, но дает возможность допрашиваемым договориться друг с другом, оказать воздействие, получить нужную информацию. Следователь не обязан ее проводить, но тем не менее она проводится, иногда по указанию руководителя следственного органа.

Интересны исследования Н. Н. Китаева, привлекавшего в качестве специалиста для повышения эффективности подготавливаемой очной ставки опытного биоритмолога, рассчитывавшего «уязвимый» период для психики одного из участников очной ставки [93, с. 24–26]. Но такая подготовка к данному следственному действию составляет исключение из правил.

Как правило, очная ставка проводится без участия специалиста, но следователь вправе его привлечь для фиксации ее процесса и результатов при помощи видеозаписи. При проведении этого следственного действия возможны различного рода ситуации. Люди становятся на колени, плачут, целуют крест, демонстрируют различные эмоции — все это в протоколе не отразить. Проявление эмоций — не доказательство, но они способны формировать позицию, убеждение следователя, а затем и суда. В дальнейшем видеозапись может исключить ссылки на принуждение, оказанное воздействие. Иногда переводчик вступает в длительные переговоры между участниками очной ставки. Встречаются странные ситуации, когда в ней участвуют два переводчика и идет беседа, в которой следователь вынужденно занимает нейтральную позицию. В таких ситуациях проведение видеозаписи является вполне уместным [119, с. 293–294].

Опознание

Об участии специалиста при опознании в ст. 193 УПК РФ ничего не говорится, но во многих случаях его следует признать желательным и даже необходимым.

Надо учитывать, что число объектов опознания необъятно, о чем известно давно, но вопрос этот не решен до настоящего времени. Они делятся на три большие группы: люди (трупы или их части), предметы, животные. Такое деление условно и не охватывает все их многообразие. Признано, что помимо традиционных объектов опознания ими могут быть газообразные, жидкие, сыпучие вещества, голос, звуки и вообще все, доступное восприятию. Практика свидетельствует о том, что на опознание предъявляются самые необычные предметы и объекты; к этому следователя вынуждают сложность следственных ситуаций, стремление получить хоть какой-то объем информации о преступлении и виновном [92, с. 6–9]. Что-то не может быть предъявлено для опознания по этическим соображениям или ввиду явной нецелесообразности, например труп в стадии глубокой трансформации, полусгоревшие волосы, череп для осмотра зубного аппарата и металлических коронок, шпильки для волос, детали фурнитуры для одежды и т. д., хотя на практике все это предъявляется и часто порождает серьезные ошибки. Решение об опознании принимает следователь, и он должен реально оценивать возможность положительного результата, а также предвидеть вероятность ошибки. Можно ли предъявить родственникам часть трупа или, например, кожный лоскут с послеоперационным шрамом?

С одной стороны, шрам — это особая примета, но и участок кожи весьма специфический объект опознания, при котором высока вероятность ошибки. Такие опознания проводили и получали различные результаты, как положительные, так и отрицательные. В подобных случаях к опознанию можно привлечь судебно-медицинского эксперта, который даст оценку объекту, процессу опознания и выскажет свое мнение о его результатах. Окончательный вывод делает, конечно, следователь.

Полагаем, участие специалиста требуется при опознании голоса, звуков, как в натуре, так и в аудиозаписи. Необходимо оно и при опознании животных, так как не каждый следователь в состоянии определить его пол, возраст, экстерьер [102, с. 189–213]. Не все знают, где может находиться тавро. Известны случаи опознания на ощупь ткани, сыпучих веществ, в том числе и слепыми. Перед таким опознанием необходимо как минимум получить консультацию специалиста и рекомендацию по его проведению, а затем принять к сведению оценку результатов. Опознавали даже не человека, а лишь его походку (мы имеем в виду дело серийного убийцы Кулика, по которому в качестве специалистов пригласили сотрудников биомеханической лаборатории научного центра РАМН) [252, с. 75–78]. В то же время необходимо учитывать, что рекомендации специалиста носят рекомендательный характер. В случае ошибки к нему, как и к опознающему, никаких претензий быть не может, тогда как в случае принятия ошибочного процессуального решения вся ответственность ложится на следователя. При многих сложных ситуациях помощь специалиста может оказаться полезной. Часто это консультации общего плана, а не конкретной следственной ситуации. Специалист может разъяснить, что существуют нарушения различного рода восприятия. Иногда без видимых признаков заболевания и даже при его отсутствии человек не в состоянии правильно оценить пространство, расстояние, в том числе даже короткое. Существует много видов памяти и обманов памяти. Так, при конфабуляции человек «узнает» то, чего никогда не видел, и при этом он не ставит перед собой цель ввести следователя в заблуждение; при гипермнезии — обладает повышенной способностью к запоминанию. Поэтому то, чему не верят, иногда оказывается правдой. Сами по себе разъяснения не разрешают следственную ситуацию, не дают ответа, является ли полученная информация правдивой или нет, но они расширяют кругозор следователя, снижают вероятность ошибки. Надо быть готовым к тому, что в ряде случаев, особенно при необычных ситуациях, самые опытные специалисты ничем не могут помочь

следователю. Например, опознание человека через много лет, опознание на большом расстоянии, с высоты через стекло — число вариантов безгранично. Исходя из личного опыта, мы утверждаем, что возможно опознание по силуэту, со спины и т. д., хотя сама возможность такого опознания нередко отвергается в принципе. Каков механизм такого восприятия, запоминания, последующей идентификации — на этот вопрос никто не ответит. Причина, видимо, в особенностях происшествия, состояния потерпевшего, свидетелей, их индивидуальных свойствах.

Если опознание состоялось, но опознающий — несовершеннолетний, малолетний, лицо с дефектами в сфере психики и здоровья в целом, то какова должна быть оценка полученных результатов? Ответ один. Оценка, решение по ним остаются за следователем. Конкретные рекомендации специалистов неуместны. Опознание — это одно из доказательств, а их должна быть совокупность; этим и необходимо руководствоваться. Иногда свидетели, потерпевшие боятся опознавать преступников, особенно по таким делам, как изнасилование, убийство, разбой, бандитизм.

В подобных ситуациях можно рекомендовать беседу с опознающим самого следователя, педагога, психолога. Само опознание проводится в соответствии с ч. 8 ст. 193 УПК РФ, предусматривающей создание условий, исключающих визуальное наблюдение опознающего и опознаваемого.

Если не всегда, то во многих случаях участие психолога желательно при опознании трупов, особенно в случаях массовой гибели людей (при транспортных происшествиях). С учетом эмоционального состояния большой группы людей наблюдается много ошибочных опознаний, вынуждающих впоследствии проводить многочисленные эксгумации, что крайне нежелательно. Многие не могут вынести процедуру опознания, особенно в условиях судебно-медицинского учреждения и сопутствующим особенностям. Поэтому имеется рекомендация проводить опознание трупа с использованием видео-конференц-связи [176, с. 3–34].

Ст. 164 УПК РФ предусматривает применение технических средств при производстве следственных действий и не содержит их перечня; поэтому считаем, что нет никаких препятствий для применения видео-конференц-связи при опознании. Непосредственное восприятие предпочтительнее, но, как указывалось, это не всегда возможно и целесообразно. Участие специалиста при опознании необходимо для фиксации этого следственного действия.

Не все имеющиеся рекомендации могут быть восприняты. Есть, например, предложения по так называемой активизации памяти, но некоторые из них сомнительны с точки зрения как эффективности, так и законности [141, с. 42–78].

Освидетельствование

Хотя объектом освидетельствования является тело человека, освидетельствование в соответствии со ст. 179 ч.3 УПК РФ проводит следователь, и лишь при необходимости он привлекает к его производству врача или другого специалиста. В каких-то случаях следователь может провести его самостоятельно, например для удостоверения ампутированной конечности, наличия татуировок, но, как правило, участие врача необходимо. Следы от инъекций, особые приметы, раны увидит и следователь, но врач более правильно определит их локализацию, цвет, размеры, часть тела, то есть сделает это более профессионально, что будет иметь значение при последующем проведении судебно-медицинской экспертизы. Как правило, специалист — это врач, но иногда это врач определенной специализации. Так, состояние опьянения, наркотического опьянения устанавливает только нарколог.

Не исключается участие и других специалистов, в том числе криминалистов, так как составной частью освидетельствования является осмотр одежды, обуви. При этом возможно применение криминалистической техники: источников инфракрасного, ультрафиолетового излучения, рентгеновской аппаратуры, при помощи которой устанавливают наличие в теле пуль, дроби,

иных снарядов, проглоченных и вшитых в тело контейнеров с наркотиками. Требуется умение не только обнаружить, но зафиксировать и правильно изъять следы. Освидетельствование — сложное следственное действие. Работ по тактике его проведения немного, часть из них устарела, некоторые рекомендации противоречивы. Изменилось и законодательство.

Специфику составляет и то, что осматривается тело живого человека и тем самым происходит вторжение в личную жизнь, в определенной степени нарушается неприкосновенность личности.

Ст. 179 УПК РФ указывает, что освидетельствование производится и для выявления «иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела». Что такое «иные свойства и признаки», в законе не говорится. С точки зрения Ю. Г. Торбина, это, например, умение писать левой рукой, стереотип курения, особенности дыхания, определение физической силы, наличие гипнотических способностей и т. д. Считаем, что это можно выявить, проверить путем проведения следственного эксперимента. Автор полагает, что путем освидетельствования определяется национальность человека [223, с. 190–191].

Подобная трактовка весьма сомнительна. Тем не менее практика свидетельствует, что следственные ситуации могут быть весьма необычными и требовать проверки возможности что-либо совершить. Такая проверка требует познаний, которыми обладает только специалист.

Полагаем, что тема освидетельствования изучена недостаточно. Необходимо обобщение следственной практики, и только это позволит выработать научные рекомендации по его проведению [169].

Обыск и выемка

Обыск — сложное следственное действие, в котором участвует много лиц. Когда обыск планируется, то ему предшествует тщательная подготовка, определяется состав следственно-оперативной группы, в которой должны быть и соответствующие

специалисты в зависимости от того, что предполагается обнаружить. Так, при поиске взрывных устройств, взрывчатых веществ необходимо привлечь взрывотехников; при обыске в подпольной лаборатории по изготовлению наркотиков должен присутствовать криминалист-химик, а изъятию подлежит не только готовая продукция, но и сырье, полуфабрикаты, оборудование (химическая посуда, инструменты); при обнаружении случаев незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства, необходим специалист-ботаник. Во многих случаях при обыске автомашины и в гараже требуется автотехник.

При расследовании убийств, при обыске часто ведут поиск скрытых трупов, их частей, следов крови. Участие специалистов – судебных врачей, биологов, криминалистов – при таком обыске обязательно. Следы крови, даже при попытках их уничтожения, все же сохраняются длительное время и могут быть обнаружены, но это продолжительный по времени и сложный процесс. Иногда в квартире, то есть в ограниченном пространстве, поиск следов крови может продолжаться часами, и только это приводит к успеху [20, с. 146–148]. И наоборот, при поверхностном обыске и формальном к нему отношении не обнаруживали трупы, даже не скрытые, а лишь слегка замаскированные; например на балконе, прикрытые куском картона.

Иногда при обыске следователи изымают большое количество предметов, в частности одежды, полагая, что на ней могут быть следы преступления. Вряд ли в этом всегда имеется необходимость. Подозрительные следы на одежде действительно могут быть, но это не основание для ее масштабного изъятия и последующего экспертного исследования. В процессе обыска специалист в состоянии определить характер следов и сообщить следователю о предметах, явно не имеющих отношения к делу.

Следует знать, что преступники нередко устраивают тайники, которые могут быть как примитивными, так и, наоборот, изощренными. Некоторые не могут обнаружить их длительное время, даже зная об их наличии. Тайники обору́дуют в книгах, мебели,

бытовой технике, одежде, на открытой местности и т. д. С целью направить следователя на неверный путь некоторые устраивают ложные тайники. Известны случаи строительства подземных бункеров, обнаружить которые также оказывалось непростой задачей. (Бункеры строили опаснейшие преступники, серийные убийцы Головкин, Комин и др.) Профессиональные преступники знают о тайниках многое, при совершении преступлений они ведут тщательный поиск ценностей, денег, предметов. Тем более такие знания нужны следователю. В его распоряжении должны находиться специалисты с техническими средствами, среди которых телевизионные и оптические системы, эндоскопическое оборудование, различные металлоискатели, рентген-установки. Многие следователи об этой технике имеют отрывочные знания, а некоторые вообще о ней ничего не знают. Такое положение нельзя назвать нормальным, особенно в настоящее время, когда наблюдается рост профессиональной преступности, представители которой активно берут на вооружение достижения науки и техники. Использовать указанную технику могут лишь специалисты, но следователь должен о ней иметь представление. По аналогии: поиск следов рук на месте происшествия ведет криминалист, но следователь знает наиболее вероятные места их нахождения, способы выявления, фиксации, изъятия. При необходимости он корректирует работу специалиста, дает необходимые указания. Точно так же при использовании спецтехники при обыске следователь не может занимать позицию наблюдателя.

Сложная ситуация складывается, когда обыск проводится без подготовки и планирования, когда лишь ориентировочно можно предполагать, что будет обнаружено. В таких случаях следователь должен иметь возможность оперативно обеспечить прибытие нужного специалиста и не зависеть при решении этого вопроса от органа дознания.

При личном обыске в соответствии со ст. 184 УПК РФ возможно участие специалиста. Следователи нередко от него устраняются, что иногда приводит к нежелательным последствиям. Так,

у преступника Б. только после доставления в здание ГУВД обнаружили пистолет и у него же большое количество золотых изделий, но уже в следственном изоляторе. Более чем через месяц следователь обнаружил в его одежде скрытые документы.

Помощь специалиста необходима для выявления проглоченных контейнеров с наркотиками, золотых монет, причем в большом количестве — способом, которому предшествует специальное обучение. Как уже указывалось, контейнеры с наркотиками вшивают в тело. Операцию проводят врачи-хирурги.

Указанной техникой профессионально пользуются специалисты, но следователь должен о ней знать, так как он формирует следственно-оперативную группу и руководит обыском.

Как и во времена Г. Гросса, в необходимых случаях следует использовать специально обученных собак, при помощи которых ведут эффективный поиск наркотиков, оружия, взрывных устройств и многих других объектов, причем этот поиск занимает меньше времени, чем применение технических средств. Надо знать и то, как преступники пытаются нейтрализовать работу разыскных собак.

В действующий УПК РФ включено положение (ст. 182 ч. 9-1), в соответствии с которым при производстве обыска электронные носители информации изымаются с участием специалиста. В связи с этим отметим следующее. Носителем информации может быть любой материальный объект внешнего мира, и часто в этом качестве выступает бумага. В последние годы в жизнь широко вошли электронные носители информации, среди которых следует назвать оптические, лазерные, магнитные, жесткие диски, компакт-диски, дискеты, флеш-накопители и т. д. При изъятии этих носителей возникает необходимость сохранения информации, а иногда ее копирования. Это предполагает наличия специальных знаний и навыков, которыми обладают не все следователи. По указанной причине требование закона вполне обосновано. Аналогичное предписание содержит и ст. 183 ч. 3-1 УПК РФ, устанавливающая порядок производства выемки электронных носителей информации.

Необходимые предметы и документы (чаще документы) можно получить путем запроса или выемки. При выемке это происходит более оперативно, и есть гарантия, что они не будут фальсифицированы или просто уничтожены. Вопрос об участии при выемке специалиста решает следователь. Такая необходимость возникает при наличии большого количества документов и когда следователь недостаточно о них осведомлен.

Следственный эксперимент

Сущность следственного эксперимента заключается в проверке имевших место обстоятельств, определенного события, факта путем их воспроизведения. Об участии специалиста в указанном следственном действии в законе ничего не говорится, но во многих случаях оно необходимо. Часто сведения, показания вызывают обоснованное сомнение в их достоверности, а от их подтверждения или опровержения зависит исход расследования. Делать вывод на основании собственных умозаключений рискованно, нужны факты. Иногда люди совершают действия, особенно в экстремальных условиях, которые впоследствии не могут повторить, и следственная практика изобилует примерами необычных следственных ситуаций, действий, событий. Может ли женщина выпрыгнуть в форточку (именно в форточку), находясь в служебном помещении, в присутствии многих лиц, о чем и были даны показания? Возможно ли изнасилование на железнодорожной цистерне? В состоянии ли несовершеннолетний самостоятельно вынести труп с 10-го этажа жилого дома и перенести его на значительное расстояние?

Такие факты не могут не вызывать сомнения в их достоверности, но нет и не должно быть их однозначной оценки. Следователь, произвольно делающий безапелляционные выводы, допускает ошибку. Он должен провести проверку путем следственного эксперимента. Существует совершенно правильная рекомендация максимально приблизить условия следственного эксперимента к обстоятельствам происшествия, однако это возможно далеко не во всех случаях.

Нередко следственный эксперимент исключается по мотивам морали, этики, безопасности, целесообразности. Не должно быть моделирования изнасилования, реального причинения телесных повреждений, действий на высоте, с животными, хотя на практике встречаются еще более безрассудные действия, например изготовление взрывного устройства, демонстрация возможности плыть с привязанным к телу грузом и т. д. Подобные эксперименты исключаются полностью. Сомнительна ценность результатов следственного эксперимента с манекенами и биоманекенами. На это обращал внимание еще Верховный суд СССР. Манекен, имитирующий тело человека, — это не научно-техническое средство, как некоторые ошибочно полагают, к криминалистической технике отношения не имеет. С биоманекеном возможен лишь экспертный эксперимент. Проводить его вправе только судебно-медицинский эксперт, который отражает полученные результаты в своем заключении [178, с. 6–8].

Не всегда есть необходимость в проведении следственного эксперимента, не во всех случаях он дает предполагаемый результат, но в целом его результаты могут представить важные, может быть, даже решающие доказательства. Какова при этом роль специалиста? Во-первых, это фиксация хода и результатов путем фотосъемки, аудиовидеозаписи. Самому следователю проводить их и руководить следственным действием крайне сложно. Необходимо определить, что предполагается достичь в результате его проведения и кто из специалистов должен принять в нем участие. Если происшествие связано с огнестрельным оружием, то требуется участие баллиста. При выяснении механизма слеодообразования — трасолога, а при ДТП — специалиста в области автодела. Иногда проведение следственного эксперимента сложностей не вызывает, но в ряде случаев ему должны предшествовать консультации со специалистами, определение места, времени проведения и его тактики.

В 2019 г. в Винницкой области имело место происшествие, заключавшееся в следующем. В детскую коляску, в которой

находился маленький ребенок, заскочил кот и задушил его. Во всяком случае таковы были вызвавшие сомнения показания свидетелей. Причина смерти ребенка: асфиксия. Что произошло в действительности? Полагаем, что следственный эксперимент по такому делу необходим, но в то же время понятно, что реальное воспроизведения происшествия исключается, да и вряд ли его можно было достичь во всех деталях. Поэтому нужны были консультации специалистов, их рекомендации по тактике эксперимента, который, очевидно, следовало сочетать с проверкой показаний свидетелей с каждым в отдельности.

Много общего со следственным экспериментом, а также следственным осмотром имеет проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ). Это результативное следственное действие, часто очень убедительное, в том числе и для суда, но только в том случае, если оно проведено на должном уровне и в соответствии с УПК РФ.

Нередко признание вины сменяется ее полным или частичным отрицанием; в ряде случаев обвиняемый пытается представить убийство как причинение смерти по неосторожности, несчастный случай или иное происшествие. Эти объяснения нередко явно надуманы, но их необходимо опровергнуть, в противном случае преступник может остаться безнаказанным. Противопоставить такой следственной ситуации можно своевременно проведенную проверку показаний на месте, не забывая при этом, что это одно из доказательств, не имеющее заранее установленной силы.

По одному делу убийство было совершено ночью в лесу. Признав вину, обвиняемый впоследствии от своих показаний отказался и заявил, что свидетель ничего не мог видеть, так как было темно. Проверку показаний провели ночью с учетом сведений специалистов астрономической обсерватории, когда Луна находилась в той же фазе, что и на момент преступления, т. е. в условиях идентичности освещения. В итоге установили, что изменение показаний было вызвано стремлением избежать ответственности [8, с. 110–111].

Следственный осмотр

Следственный осмотр проводится по многим делам различной категории. Существует мнение, что по некоторым делам он бесперспективен. Однако такое мнение ошибочно. Осмотр исключается лишь тогда, когда отсутствует его объект либо признана явная нецелесообразность или невозможность проведения этого следственного действия. В целом осмотру подлежат: место происшествия, местность, помещения, транспортные средства, труп, различные предметы, документы, животные, многое другое, и этот перечень необъятен. Основные условия осмотра: целесообразность, законность, безопасность его участников, применение криминалистической техники, участие специалистов. Последнее – важнейшее условие его результативности, получение разыскной и доказательственной информации по делу. Оно желательно даже при высокой квалификации следователя, а в противном случае может остаться безрезультатным. Тем не менее закон называет лишь отдельные случаи обязательного участия специалиста, но зачастую вопрос его привлечения следователь решает самостоятельно. Он же определяет, какие именно из них потребуются. На практике специальные знания, участие специалистов при осмотре используются недостаточно полно. Причин несколько, они известны и носят в основном организационный характер. Их рассмотрение находится за рамками нашего исследования.

Распространенным видом следственного осмотра является осмотр места происшествия. Часто это жилое (нежилое) помещение, открытая местность, но не только. Им могут быть производственные здания и помещения, в том числе являющиеся источником повышенной опасности (электростанция), шахта, трюм сухогруза, лесная местность, водный участок, площадь на высоте (при пожаре на Останкинской телебашне место происшествия находилось на высоте сотен метров при угрозе обрушения конструкций), подпольные лаборатории по изготовлению наркотиков, взрывных устройств и т. д.; все их разнообразие перечислить

невозможно. Иногда специфика становится понятной только после прибытия на место происшествия или в процессе его осмотра. Поэтому следователь должен быть готов к любой нестандартной ситуации, для чего требуется опыт и знание следственной практики.

Если осмотр места происшествия по поручению следователя проводит сотрудник органа дознания, то он приобретает все права следователя, в том числе и по привлечению специалистов. На практике часто встречается прямо противоположная ситуация, осмотр проводит сотрудник уголовного розыска единолично, не привлекая никаких специалистов, даже когда такая возможность имеется. Как результат — поиск следов, вещественных доказательств не ведется, негативные обстоятельства игнорируются, искажается сущность происшествия и тяжкие преступления приобретают видимость несчастного случая. Впрочем, и осмотры следователем без участия специалистов также страдают серьезными изъянами. Подобное наблюдается по делам о так называемых очевидных убийствах, когда виновный известен и признает вину. Но нередко происходит отказ от признания, и тогда выясняется, что никаких объективных доказательств вины нет. Дальнейшая судьба таких дел проблематична.

В настоящее время особое значение приобрели микроследы, микроналожения, микрочастицы (общепринятой терминологии до сих пор не выработано, и мы используем эти термины в одном значении) и другие объекты микрологии. В частности, это обусловлено тем, что традиционные следы не всегда удается обнаружить на месте происшествия, нередко они просто на нем отсутствуют. Причина, видимо, в возросшем уровне современных преступников, их осведомленности о возможностях криминалистики. Что касается микроследов, то они есть всегда, они устойчивы и способны сохраняться на протяжении длительного времени. Они содержат информацию по всем элементам состава преступления. Уничтожить их, как правило, невозможно. Но часто ли их обнаруживают, изымают и исследуют? В. Н. Косарев и

И. В. Макогон пишут, что многие специалисты не имеют соответствующих комплектов, не умеют работать с ними и вообще не знают этой работы. Нет необходимых рекомендаций, мало литературы по теме. Точно так же эту работу не знают и следователи. Часто она проводится непрофессионально, отсутствует охрана места происшествия. Не решены многие организационные и процессуальные вопросы. Указанные выводы сделаны авторами на основе опросов следователей, экспертов, специалистов. Такое положение наблюдается на протяжении десятилетий, хотя о самой микрологии известно еще с XIX в. [112, с. 6–7, 16–19, 21, 28–29, 78–79, 87].

Не на должном уровне находится поисковая техника, в частности для обнаружения криминальных захоронений. Поиск трупов в воде ведется примитивными способами, тогда как во всех развитых странах для этой цели имеются специально обученные водолазы, необходимая аппаратура и снаряжение [7, с. 132–133].

Нетерпима следующая ситуация. Следователь не находит следов, а может быть, и не ищет их. Специалист не знает работы с микрообъектами, необходимого технического обеспечения нет. Чтобы показать результативность работы, следователь изымает с места происшествия и даже за пределами его границ объекты, явно не имеющие отношения к делу. За этим следует назначение экспертиз, а их выводы способны увести следствие на ложный путь. Об этом нам известно из конфиденциальных бесед со следователями, проводившими осмотр места происшествия по делам об убийстве, в том числе самым резонансным. Это же может быть установлено путем изучения протокола осмотра.

Подобную «результативность» способен выявить любой опытный прокурор или руководитель следственного органа, и ее необходимо пресекать самым решительным образом. Что касается работы специалиста с техникой, соответствующей современному уровню развития криминалистики, то здесь, конечно, сложнее, так как требуется решение организационных вопросов на достаточно высоком административном уровне. Доступный путь — это повышение профессионализма следователей и специалистов.

Разновидностью следственного осмотра является осмотр трупа и эксгумация, при которых участие судебного врача или иного врача является обязательным. При необходимости предусмотрено привлечение и иных специалистов.

Труп – специфический объект, и при его осмотре требуются более глубокие знания в судебной медицине, нежели те, которыми обладает следователь. Имеют особенности осмотры трупа на железнодорожном полотне, в воде, даже на снегу или в парадной [1, с. 6–3; 94, с. 72–74]. Участие судебно-медицинского эксперта при осмотре тела человека, погибшего от падения с высоты, может иметь решающее значение для дальнейшего расследования. В больших городах теоретически есть возможность привлечь к осмотру судебного врача, специализирующегося на определенном виде травмы, но она не всегда реализуется по различного рода причинам. В местностях большой протяженности, с низкой температурой, при отсутствии связи прибытие на место происшествия следственно-оперативной группы с экспертами становится серьезной проблемой, которая приводит к утрате следов, вещественных доказательств и иным негативным последствиям. Вина следователя при таком положении дел отсутствует.

Под иными специалистами в первую очередь понимаются криминалисты, но по усмотрению следователя могут быть привлечены, например, биологи для поисков следов крови, биологических объектов. При эксгумации возможен более широкий круг специалистов. Сама эксгумация – сложное следственное действие, которому предшествует решение многих организационных вопросов. В некоторых регионах страны с преобладающим мусульманским населением провести его не представляется возможным, независимо от требований закона об обязательном установлении причины смерти. На практике имели место непредвиденные ситуации еще до самой эксгумации, так и в процессе ее проведения, поэтому должна быть обеспечена охрана. Поводы для эксгумации различны; это определение или

уточнение причины смерти, идентификация личности потерпевшего, осмотр тела и одежды, получение сравнительных образцов, снятие отпечатков следов рук и т. д. Саму процедуру эксгумации желательно провести в минимальный срок, хотя может потребоваться исследование в условиях стационара. Перечень специалистов определяет следователь исходя из задач этого следственного действия. Помимо судебно-медицинского эксперта и криминалиста к нему можно привлечь специалиста по молекулярно-генетическим исследованиям, химика, биолога, но если это действительно вызывается необходимостью. При эксгумации присутствуют специалисты санитарно-эпидемиологической службы. Они не участники уголовного процесса, у них свои задачи, но их данные необходимо отразить в протоколе.

В следственной практике нередко приходится проводить осмотр открытой местности для обнаружения различных объектов, в том числе трупов потерпевших, орудий преступлений, вещественных доказательств.

При их сокрытии преступники проявляют изобретательность. Трупы топят, сжигают, расчленяют, замуровывают — способов достаточно много. Нередко их вывозят за черту города и закапывают, маскируют. Но и в самом городе, даже густонаселенном, найти тело — задача непростая. Иногда трупы обнаруживают спустя длительное время, причем случайно. Таким образом, приходится вести поиски, проводить осмотры. Наша задача — указать на те специальные знания, которые при этом могут быть использованы. Сразу отметим, что эти возможности ограничены по многим причинам.

Для обнаружения трупа, его одежды, которую преступники иногда разбрасывают в других местах, следует использовать помощь кинолога и служебно-разыскной собаки. Это эффективное и вполне доступное средство.

Возможно привлечение к осмотру геологов, археологов, которые по состоянию почвы, ее цвета, структуры, растительности могут определить место криминального захоронения. Отдельные

положительные примеры в практике имеются. В частности, так обнаружили место захоронения останков царской семьи Романовых, хотя с момента преступления прошли десятилетия. В практике одного из авторов (А. Л. Протопопов) было дело, когда к поиску места преступления привлекли специалиста-ботаника. После исчезновения малолетней М. провели масштабные поиски на большой территории, и в итоге закопанный труп ребенка был обнаружен. В ее волосах имелись стебли растения, наименование которого определил ботаник. С его помощью удалось найти локальное место его произрастания. Разыскная собака нашла предметы одежды (пальто), на внутренней поверхности которого имелись стебли растения, такие же как и в волосах потерпевшей. Оперативным путем установили и владельца пальто, ранее дважды судимого за половые преступления.

За помощью можно обратиться в органы ФСБ, МЧС, которые располагают более широкими техническими возможностями. Имеющиеся в распоряжении следователей научно-технические средства в виде щупов, электрощупов, газоанализаторов малоэффективны. Как на парадокс можно указать на следующий факт. В стране существуют так называемые черные копатели. Эти самозанятые, используя доступную технику, ведут поиск археологических объектов, и можно предположить, что их деятельность более результативна, чем работа следователей.

Произвольный осмотр местности явно бесперспективен и ставит результат в зависимость от случайности. Необходимо направление поиска, хотя информация о преступлении может быть минимальна. В таких ситуациях следует воспользоваться рекомендациями криминологов, в соответствии с которыми 85% убийц являются местными жителями. Поиск должен начинаться с места жительства, работы, мест постоянного притяжения и того пункта, где в последний раз видели потерпевшего. Никакой гарантии успеха такие рекомендации не содержат, но, считаем, что они правильны.

Перспективными представляются работы канадского специалиста в области криминальной психологии, в прошлом офицера полиции, Кима Россмо, автора географического профайлинга. Его компьютерная программа на основе имеющейся по делу информации способна ориентировочно указать место криминального захоронения трупа. Упрощенный вариант — картирование преступности имеется и в нашей стране, но сведения о ней для следователей ограничены; многие из них о ней вообще ничего не знают.

Говоря об использовании специальных познаний при осмотре местности, необходимо отметить их непосредственную связь с решением организационных вопросов. Пример тому — дело канадского серийного убийцы Р. Пиктона, которое называют беспримерным в истории мировой криминалистики. Суть дела кратко такова. Ряд исчезновений женщин признали серийей убийств. В 2002 г. в поле зрения полиции оказался фермер Пиктон, кроме него под подозрение попали еще 400 человек. На основании оперативной информации на ферме решили провести ее осмотр, который осуществили 16 следователей, 40 криминалистов и 100 судебных врачей, среди которых были антропологи, одонтологи, радиологи, энтомологи, ботаники, другие специалисты. Задействовали воздушный шар, с которого проводили панорамную фотосъемку процесса осмотра. Шар осуществил 30 подъемов. Сам осмотр под охраной шел несколько месяцев.

В результате обнаружили десятки следов крови, биообъекты человека и следы ДНК. Нашли тюбик губной помады, выявили на нем следы слюны, а по ним ДНК и в результате идентифицировали потерпевшую. Удалось найти биообъекты 30 женщин и установить их личность. Личность трех женщин отождествить не представилось возможным.

В суде Пиктон вину не признал, от дачи показаний отказался, но был осужден к пожизненному лишению свободы. Основную массу свидетелей обвинения составили специалисты.

Аналогичный положительный пример имеется и в нашей стране. В 2012 г. членами банды «Шишкана» при попытке вымогательства земельного участка были убиты депутат Раменского района Сидорова Т. и трое ее родственников (Московская область). В 2019 г. их трупы обнаружили закопанными на глубине 4 метров, после получения признания от некоторых членов банды. Поиск тел вели на территории 0,2 гектара на протяжении длительного времени.

Иногда приходится осматривать водные участки, так как различные объекты могут находиться на воде и под водой. Существует специфика осмотра в речных, озерных, морских условиях; думается, что она присутствует при любой ситуации. Кроме того, преступление (присшествие) может быть связано не с водным участком, а с водной средой.

Имеются работы по указанной теме, но их немного, а некоторые рекомендации весьма сомнительны. Это рекомендации личного осмотра следователем под водой на глубине до 60 метров. Для указанной цели А. К. Мавлюдов предлагает обучать следователей подводному плаванию. Это также предполагает использование плавучих криминалистических лабораторий, батискафов, телероботов, миноискателей и т. д. [134, с. 8–10]. Следуя им, или по собственной инициативе, некоторые следователи совершают непродуманные действия. Описан случай, когда следователь в гидрокостюме в поисках орудия преступления лично осмотрел заполненную железнодорожную цистерну. Орудие он нашел, и его действия получили положительную оценку (считаем, что надо было использовать иной способ осмотра). Необходимы не личные рискованные действия следователя, а помощь специалистов. Среди них следует назвать гидрологов. С их помощью можно ориентировочно определить границы осмотра водного участка (А. К. Мавлюдов пишет, что это сложная задача), скорость течения, температуру воды и воздуха, получить образцы воды в нужном объеме.

Иногда гидрологи непосредственно при осмотре места происшествия сообщали, что труп был сброшен в воду там, где его обнаружили. В иных случаях необходимо экспертное исследование для определения перемещения трупа водным путем, а он может быть очень большим [27, с. 44–48]. Не исключается инструктаж водолазов, аквалангистов следователем, но чаще ему самому требуется их консультация.

Если труп обнаружен под водой, например в ванне, какой-либо емкости, то, прежде всего, следует получить информацию от судебно-медицинского эксперта, а все последующие действия определяются уже исходя из следственной ситуации. Если у потерпевшего связаны руки за спиной, а голова помещена в ведро с водой, то налицо признаки убийства. Если же заявляют, что малолетний сам упал с дивана в ведро с водой и погиб, то сомнения неизбежны, хотя они не исключают различные варианты происшествия. По таким делам проводят многочисленные комиссионные и комплексные экспертизы, но во многих случаях ничего конкретного установить не удается.

Осмотр предметов, объектов. То, что изымается при осмотре места происшествия, осматривается уже в процессе этого следственного действия. Это должно найти отражение в протоколе. Возможны инструментальный осмотр и даже экспресс-исследование в условиях передвижной криминалистической лаборатории, что также фиксируется в протоколе. Не исключается повторный более детальный осмотр изъятого уже в стационарных условиях с обязательным составлением очередного протокола. Все изъятое не следует автоматически признавать вещественными доказательствами, поскольку среди него возможно нахождение объектов, не имеющих отношения к делу. Не все изъятое подлежит повторному осмотру, так как необходимости в этом нет. Например, изъяты следы крови на тампон или предмет-носитель с аналогичными следами. Не всегда можно быть уверенным, что это именно кровь. Это относится и к волосам, которые в действительности могут оказаться химическими

волоконнами. Если изъят одорологический объект, то есть носитель запаха, воздух с места происшествия, то нет смысла осматривать банку, в которой он содержится. Изъятые и сам его процесс фиксируется в протоколе осмотра места происшествия, и с точки зрения уголовного процесса понятно, откуда объекты появились. В дальнейшем они подлежат экспертному исследованию, и, полагаем, требования ст. 81 ч. 2 УПК РФ не нарушаются. Отдельные следователи осматривают в качестве вещественных доказательств все, вплоть до черепа, бывшего объектом медико-криминалистического исследования при проведении судебно-медицинской экспертизы. В одном случае следователь отдельным следственным действием произвел осмотр откушенного уха, обнаруженного на месте происшествия. Помимо этого, он в прямом смысле слова приобщил его к производству, пришив к делу. Все это излишне, и свидетельствует о примитивном понимании уголовного процесса. По аналогии: эксперт проводит вскрытие трупа, изымает образцы крови, гистологический материал и направляет их на дополнительное исследование, но не следователю, который их, естественно, не осматривает. Как уже указывалось, из материалов дела видно (должно быть видно) происхождение и движение объектов. Если же такой ясности нет, то в дальнейшем при рассмотрении дела действительно возможно появление сложностей.

Необходимость повторного осмотра изъятых, как и участие при этом специалиста, определяет следователь. Иногда при первоначальном осмотре нет возможности сделать это на должном уровне по объективным причинам. Повторный осмотр позволяет выявить на объекте маркировочные обозначения, следы наложения и др.

Исходя из следственной практики, можно рекомендовать привлечение специалистов к следственному осмотру следующих объектов:

- огнестрельное, холодное и иные виды оружия, взрывные устройства. Не всегда можно сразу определить при внешнем

осмотре, что объект является таковым. В частности, это относится к замаскированному, криминальному, самодельному оружию, к многочисленным видам национального холодного оружия;

- ювелирные изделия, драгоценные камни, антиквариат, произведения искусства;

- предметы, имеющие особую ценность, в том числе без денежного эквивалента. Часто это похищенное из музеев, архивов, частных коллекций;

- фальшивые деньги, инвалюта, ценные бумаги. Искусство их подделки может быть очень высоким. Его не всегда можно определить, даже зная о нем достоверно;

- документы. Это не только паспорт, удостоверение или больничный лист. Их очень много, и даже считается, что дать им определение по одному признаку или даже группе признаков невозможно. В российском обороте есть документы, полностью выполненные на иностранном языке. Например, коносамент. Увидев его впервые, далеко не каждый следователь сразу поймет, с чем он имеет дело.

Помощь специалиста желательна при осмотре замков, запирающих устройств, сейфов, гаджетов, тайнописи и многих других объектов.

Специалистов следует привлекать к осмотру объектов повышенной опасности, о которых говорится в ст. 15 п. 4 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ».

Осмотр животных

В процессе расследования может появиться необходимость осмотра животных. В настоящее время таких ситуаций немало, и они встречаются по различным категориям дел [102, с. 189–257]. Помимо давно известных краж скота, появились хищения при помощи дрессированных животных (собаки, крысы). Иногда сами животные, имеющие высокую стоимость, становятся предметом хищений. Их используют в виде контейнеров при контрабанде. В ряде случаев такая необходимость возникает при

расследовании убийств. Известны случаи, когда у животных получали сравнительные образцы: отпечатки лап, когтей, зубов, шерсти и даже слюны для последующего ДНК-анализа. На месте происшествия могут присутствовать самые разнообразные животные: собаки, кошки, змеи, рептилии, медведь, лось и т. д. Обнаруживают туши животных, их трупы. По таким и сходным ситуациям возможны следующие рекомендации. При осмотре места происшествия фиксируется все, что на нем находится, в том числе и животные. Это может иметь значение и для раскрытия. Так, по делу серийного убийцы Гридина около трупа убитой им девушки обнаружили котенка, что в дальнейшем способствовало установлению ее личности. Изобличению опасного преступника Ретунского помогло то обстоятельство, что он принес домой щенка собаки редкой породы.

Специалисты — ветеринары, зоотехники, кинологи, иногда даже дрессировщики — помогают обеспечить безопасность участников осмотра. С их участием происходит и сам осмотр животных, получение сравнительных образцов. Само животное не является вещественным доказательством, если даже оно служило орудием преступления. К делу оно, естественно, не приобщается. Предметы на животных (например, собачий ошейник) имеют статус вещественных доказательств, и на них распространяются требования ст. 81, 82 УПК РФ.

Ст. 185 УПК РФ имеет название «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка». Она во многом повторяет ст. 174 УПК РСФСР, которая также предусматривала привлечение специалистов к указанному следственному действию.

Под почтовыми отправлениями понимаются в основном письма, посылки, бандероли, мелкие пакеты. Их осмотр, снятие с них копий производится в учреждениях связи. В письмах иногда содержится информация о совершенном преступлении. Она может быть зашифрована или выполнена при помощи тайнописи, о которых многие следователи имеют минимальные

сведения. Известны случаи, когда почтовые отправления содержали секретные сведения, которые надо уметь распознать, так как они могут быть представлены не в виде документов и их копий с соответствующими грифами, а иным способом. Имеют место случаи вложения в письма отравляющих веществ. В посылках, бандеролях, пакетах переправляют оружие, наркотические, радиоактивные вещества, культурные, исторические ценности, произведения искусства, которые иногда маскируют под предметы ширпотреба. По одному делу преступники переправляли по почте из Санкт-Петербурга палеонтологические объекты на очень большую сумму (десятки миллионов рублей). В другом случае при осмотре посылки обнаружили 2000 бриллиантов [115, с. 102–103]. При указанных обстоятельствах участие специалистов при следственном осмотре просто необходимо. Подобные осмотры иногда являются завершением оперативно-разыскных мероприятий, и орган дознания вправе предложить специалистов для участия в следственном действии. Однако этот вопрос окончательно решает следователь с учетом требований закона или иных соображений.

Контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ). Речь идет о телефонных и иных переговорах, но понятие «иных переговоров» в указанной статье не раскрывается. В то же время ст. 5 п. 14–1 УПК РФ разъясняет, что имеются в виду переговоры путем использования любых средств коммуникаций. Длительное время это было исключительно оперативно-разыскное мероприятие, составляло государственную тайну и регламентировалось ведомственными нормативными актами. В настоящее время контроль переговоров является также следственным действием, предусмотренным уже названной ст. 186 УПК РФ. По этому поводу можно дискутировать, и Б. Т. Безлепкин прямо пишет, что такое следственное действие проблематично как в теоретическом, так и практическом отношении [37, с. 259–261].

Тем не менее закон прямо называет контроль и запись переговоров следственным действием, определяет порядок его

проведения, а его результаты могут быть весьма весомым процессуальным доказательством. Следователю необходимо понимать его сущность и отличать от наблюдения и его разновидности — электронного наблюдения, которое имеет место при переговорах вне коммуникаций.

Особенностью указанного следственного действия является то, что его осуществляют непосредственно технические специалисты соответствующего органа, который должен быть указан в ходатайстве следователя, представленном в суд. В соответствии со ст. 64-5 ФЗ «О связи» оператор связи при проведении следственного действия обязан оказывать содействие по нормам УПК РФ. Роль следователя при этом минимальна, сама технология контроля переговоров ему неизвестна, какие использовались технические средства, он не знает, предотвратить возможные нарушения законности не может. Не случайно в учебниках по криминалистике о технологии контроля и записи переговоров ничего не говорится и отмечается, что ее четкой правовой регламентации нет [121, с. 679–681]. Ст. 186 ч. 6 УПК РФ дает следователю право в любой момент производства контроля истребовать фонограмму для осмотра и прослушивания, но все же, считаем, этого недостаточно. Поэтому ст. 186 УПК РФ для критики действительно уязвима. Мы не призываем к отказу от контроля переговоров как следственного действия, но считаем, что его правовую регламентацию надо пересмотреть, естественно, с учетом мнения специалистов в области оперативно-разыскной деятельности. Следователь обязан знать технологию контроля переговоров. Если она известна членам организованных преступных групп, то тем более такими знаниями должен обладать следователь; он должен иметь возможность контролировать данный процесс в полном объеме.

Известны случаи, когда следователь самостоятельно проводил прослушивание телефонных переговоров, а результатам придавал процессуальную форму. Имел место синтез оперативно-разыскного мероприятия и следственного действия. Все это,

разумеется, грубое нарушение закона, а полученные таким путем доказательства являются недопустимыми. Таким образом, участие специалистов органа дознания при проведении указанного следственного действия является его непременным условием. Сотрудники предприятия связи с точки зрения УПК РФ не специалисты, а лица, оказывающие содействие в проведении следственного действия.

В УПК РФ введена ст. 186-1, предусматривающая получение информации о соединении между абонентами и(или) устройствами. Участие специалиста в этом следственном действии факультативно и зависит от инициативы следователя.

Иные следственные действия

Возможно участие специалиста и при других следственных действиях, которые ст. 5 п. 32 УПК РФ рассматривает как процессуальные, судебные и иные, предусмотренные законом. Ст. 119 УПК РСФСР уголовно-процессуальное задержание рассматривала как следственное действие; действующий УПК РФ относит его к мерам процессуального принуждения, но суть его осталась неизменной. Участие специалиста при задержании не предусмотрено, но и не исключается. Практике известны отдельные случаи, когда непосредственное задержание (иногда его называют захватом и предлагают этот термин ввести в текст закона) фиксировалось специалистом-криминалистом путем видеозаписи. Закону это не противоречит.

Ст. 91 ч. 1 п. 3 УПК РФ указывает, что лицо может быть задержано, если на нем, его одежде, при нем обнаружены явные следы преступления. Эти следы иногда таковы, что их фиксацию, изъятие более целесообразно поручить специалисту во избежание их утраты или уничтожения. Такие ситуации относительно редки, но не исключаются.

Ст. 115 УПК РФ в качестве меры процессуального принуждения предусматривает наложение ареста на имущество, в котором может участвовать специалист. Его участие необходимо при

описании отличительных свойств вещей, предметов, их отличительных признаков, степени сохранности или повреждения, ориентировочного определения исторической и художественной ценности и т. д. В противном случае возможны конфликтные ситуации, и в следственной практике они не редкость.

Ст. 202 УПК РФ предоставляет следователю право получения образцов для сравнительного исследования. С точки зрения уголовного процесса образцы получает следователь, но саму процедуру (например, получение образцов крови), как правило, выполняет специалист. Его участие нередко просто необходимо. Он укажет на необходимый объем образцов, условия их получения, и вряд ли каждый следователь сможет это сделать самостоятельно. Даже получение образцов почерка может оказаться непростым делом. (Пишут не только ручкой или карандашом, но и кровью, губной помадой и т. д. Пишут не обязательно на бумаге, но и на других объектах: на зеркале, металле, дереве, иногда на собственном теле, на коже трупа потерпевшего.) Могут быть различными и даже необычными условия выполнения текста: состояние опьянения, страха, экстремальная ситуация и др. Следователи не знают, как правильно получить образцы волос, так как не знакомы с методическими указаниями по проведению соответствующей экспертизы и требованиями, предъявляемым к сравнительным образцам. Еще более сложно получить образцы голоса, речи, звуков, одорологические образцы и иные. Иногда неправильное получение образцов, их хранение, дальнейшее движение исключало производство экспертизы. Поэтому помощь специалиста во многих случаях необходима.

Следователь должен знать, что при проведении баллистической экспертизы сравнительные образцы пуль, гильз получает эксперт-криминалист, что находит отражение в экспертном заключении. Это же относится и к идентификационной медико-криминалистической экспертизе, при производстве которой эксперт получает экспериментальные слеодообразования от травмирующего предмета.

Можно отметить, что о сравнительных образцах писали многие криминалисты, но только при изложении темы назначения и производства экспертизы. В итоге указанная проблема в достаточной степени не исследована. В определенной степени пробел восполняется диссертацией Ю. А. Кудрявцевой, но в ней, и это естественно, имеются спорные положения. Утверждается, что сравнительные образцы — это материальные объекты, которые должны быть приобщены к материалам дела. Предлагается обязательное присутствие следователя при вскрытии трупа и составление протокола, а также обязательное участие специалиста при получении образцов, которое может носить принудительный характер [123, с. 5–8, 15–16, 22]. Однако сравнительные образцы не всегда материальные объекты (запах, речь, голос, звуки). Присутствие следователя при вскрытии трупа желательно, но оно не должно быть обязательным. Составление им протокола излишне.

Нет никакой необходимости возлагать на него технические функции. Предложение закрепить в законе принудительное получение образцов заслуживает внимания. Если даже это будет сделано, то использовать указанную возможность следует лишь в исключительных случаях. Рассчитывать надо на то, что лицо, зная о возможном принудительном характере этого действия, согласится на это добровольно. Но и следователь должен сознавать, что принудительное получение образцов — это крайний вариант. Позицию Ю. А. Кудрявцевой разделяет и Е. В. Пономаренко [162, с. 99–103]. Она же предлагает получать сравнительные образцы при помощи оперативно-разыскных мероприятий при отказе представить их добровольно. Подобное возможно, поскольку закон допускает возможность использования оперативной информации, которой придана процессуальная форма в соответствии с нормами УПК РФ. Это известно, как и то, что оперативным путем можно получить любые образцы. Задача криминалиста — указать на ту или иную тактическую возможность; реализация рекомендации принадлежит законодателю.

Цель привлечения специалиста указана в ст. 58 УПК РФ, но известны и другие направления его деятельности. Одна из них — это оказание помощи в расследовании путем выдвижения версий. В законе об этом ничего не сказано, как не говорится о версиях вообще, так как их выдвижение, разработка, проверка не поддается правовому регулированию. Попытаться придать работе с версиями правовую форму необходимости нет, и вряд ли это вообще возможно, но саму деятельность специалиста по версиям использовать целесообразно. Специалист, участвуя в следственных действиях, в частности при осмотре места происшествия, выдвигает (должен выдвигать) частные версии о том какие следы могут быть обнаружены, в каком месте, о негативных обстоятельствах и т. д. Но он в состоянии предложить и общую версию, объясняющую все происшествие в целом. Это доступно только специалистам с аналитическим складом мышления и творческим отношением к работе, работающим в тесном контакте со следователем [195, с. 14–15]. Опытный следователь никогда не будет игнорировать мнение специалиста; в противном случае он может совершить серьезную ошибку. Если же специалист ограничивается фотосъемкой или чисто механической работой по поиску следов рук или ног, а у некоторых дальше этого мышление не идет, то от него вряд ли поступит заслуживающая внимания версия о сущности происшествия. И наоборот. Иногда только лишь по следам крови, их локализации именно специалист создает модель преступления, что и приводит к его быстрому раскрытию [167, с. 98–122]. Следователь воспринимает то же, что и специалист, но он не всегда в состоянии связать воедино все наблюдаемые детали. Специалист может это сделать в силу своих профессиональных знаний.

В следственной работе часто присутствуют необычные ситуации, которые первоначально не находят какого-либо объяснения. Например, произошло дорожно-транспортное происшествие со смертельным исходом, но по заключению судебно-медицинского эксперта смерть наступила от электротравмы.

В практике одного из авторов (А. Л. Протопопов) было дело, когда труп извлекли из-под трамвая. В таких случаях судебно-медицинский эксперт фиксирует на трупе обширные тяжкие повреждения, несовместимые с жизнью. В приведенном примере диагноз был таков: асфиксия.

В. Л. Попов приводит пример, когда работавшего в огороде в отдаленной деревне нашли мертвым на грядке. Его смерть расценили как результат заболевания, которым страдал потерпевший. Однако при вскрытии обнаружили огнестрельное ранение, а из тела извлекли пулю от автомата Калашникова. В малолюдной деревне не было ни огнестрельного оружия, ни тех, кто мог бы с ним обращаться. В книге указанного автора много примеров подобного рода, когда отсутствуют аналоги в отечественной и зарубежной практике и в деятельности эксперта вообще [163]. Но практика с подобными ситуациями сталкивается постоянно. Уяснить сущность происшествия можно. Хуже, когда преступник, не знающий криминалистики и судебной медицины, создает инсценировку, а следователь, специалисты, эксперты и оперативные сотрудники воспринимают ее как самоубийство или несчастный случай.

Таким образом, помощь специалиста, в том числе и в виде версии происшествия, желательна, и вряд ли это положение необходимо доказывать. Вполне возможна версия специалистов, не имеющих этого процессуального статуса, так как те, кто имеет специальные познания, работают в определенной области, являются профессионалами и часто могут дать объяснение происшествию, то есть выдвинуть свою версию. Разумеется, она должна быть осмыслена следователем и в случае признания заслуживающей внимания может стать следственной. Такие ситуации характерны для происшествий, которые не находят объяснения; их в следственной практике немало. В качестве примеров считаем возможным указать на три уголовных дела, два из которых широко известны, и на помощь специалистов, которую можно было получить.

Так, в 1959 г. на Урале погибла туристическая группа Дятлова в составе 9 человек, и до настоящего времени продолжают споры вокруг этого дела. По нему выдвинули более 60 версий, и некоторые факты действительно не находят объяснения, вызывают сомнения и уже вряд ли будут разрешены [17, с. 155–157]. Ситуацию усложняет и то, что интерес к ней поддерживают версиями об инфразвуковом оружии, шаровой молнии, снежном человеке, инопланетянах, паранормальных явлениях, происках иностранных спецслужб и т. д. Многие из них абсурдны, но разобратся в происшествии действительно непросто, в том числе и следователю, который, возможно, впервые столкнулся с такого рода делом. Поэтому необходима помощь специалистов. Как таковые специалисты по проблемам гибели туристов, альпинистов отсутствуют. Однако их гибель — это не единичные случаи; их сотни, и какая-то закономерность в этом есть. Она не ясна следователю, постороннему человеку, родственникам, которые, как правило, в смерти близких видят преступление, но она понятна тем, кто занимается туризмом на профессиональной основе, знает статистику несчастных случаев, их причину. Были специалисты в области организации туризма, представившие вполне логичное объяснение причин трагедии, сумевшие смоделировать развитие если не всех, то основных событий.

По указанному делу версию гибели группы Дятлова разработал гр. Д., бывший военный врач, родившийся, служивший и проживавший в регионе трагедии. По своей инициативе он собрал обширную информацию о происшествии, тщательно ее проанализировал и дал объяснение многим отдельным фактам и событию в целом. Он дал объяснение даже окраске кожных покровов потерпевших, локализации телесных повреждений на их трупах. Сказанное не означает, что следователь должен был безоговорочно принять версию Д., но исследовать ее, очевидно, имело смысл.

Известно и о других случаях гибели туристов с еще более тяжкими последствиями, обстоятельства которых не поддаются

объяснению. В 1993 г. на перевале Хамар-Дабан (Бурятия) погибли 6 студентов — членов группы под руководством мастера спорта по туризму Коровиной. Одной из студенток удалось спастись. Она видела момент гибели своих товарищей, но ее показания запутали дело окончательно. Однако люди в экстремальных условиях ведут себя по-разному и иногда сознательно искажают развитие событий. Должностные лица туристических организаций, ответственные за безопасность туристов и намекающие на шаровую молнию, снежного человека и иностранных диверсантов, могут умышленно вводить следствие в заблуждение с целью скрыть собственную халатность. Это надо учитывать. Поэтому надо руководствоваться только объективными, проверенными и доказанными фактами. Информацию о возможном развитии событий можно получить от тех, кто не заинтересован в исходе дела. Таковыми могут быть, например, эксперты по выживанию в экстремальных условиях.

Сложных следственных ситуаций много не только в альпинизме и туризме. Так, в 2015 г. в Санкт-Петербурге в своей квартире обнаружили труп Т. Оносовой. Там же находился принадлежавший ей трехметровый питон. Посчитали, что он и явился причиной смерти потерпевшей. При осмотре квартиры обнаружили следы крови, шприцы. На ноге Оносовой имелись две небольшие ранки, явно не смертельные. Питон — змея неядовитая. Признаки асфиксии отсутствовали. Что же произошло? Судебно-медицинский диагноз: аллергическая реакция на укус. Его признали достоверным и положили в основу процессуального решения, но такой вывод не однозначен. Питон не агрессивен, сведения о его нападении на людей редки. Когда появляется предположение о гибели от питона, то параллельно проверяется версия и о другом характере происшествия. Принимая решение по такому делу, нельзя руководствоваться сведениями из научно-популярной литературы. Следовало допросить герпетолога и получить от него информацию о пресмыкающихся, их образе жизни, содержании и поведении в неволе. Следовательно

был вправе ознакомить специалиста с обстоятельствами происшествия, выслушать его мнение о ситуации. Его можно было привлечь к осмотру квартиры Оносовой, самого питона. В этом случае ему уже необходимо было придать статус специалиста в соответствии с УПК РФ. Полагаем, следовало допросить токсиколога или судебного химика. Полученные сведения в совокупности могли иметь значение для понимания сущности происшествия. Однако все посчитали ясным, и уголовное дело возбуждать не стали, ограничившись проверкой.

И еще один пример — это дело о гибели пяти несовершеннолетних, чьи обгоревшие трупы обнаружили в одном из коллекторов г. Красноярска в 2005 г., примерно в 300 метрах от дома, в котором эти школьники проживали. По делу провели десятки различных экспертиз, но достоверно ничего не установили; под вопросом осталась даже идентификация личности подростков. В 2007 г. данное уголовное дело было приостановлено за неустановлением лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности [12, с.125–127].

Трудно даже сказать, какие специалисты, помимо криминалистов и судебных врачей, могли бы внести ясность в сущность происшествия, хотя обнаружение трупов в коллекторе не такое уж редкое явление и соответствующий опыт, как положительный, так и отрицательный, имеется. Пример тому — дела Пичушкина, Хамарова и других.

Сказанное означает, что не во всех случаях использование специальных знаний и помощи специалистов автоматически предопределяет дальнейшее. Иногда важно установить наличие признаков преступления или, наоборот, их отсутствие, так как от этого зависит принимаемое процессуальное решение. Если возбуждается уголовное дело, то начинается оперативная и следственная работа; при ином варианте материал сдается в архив.

Известны дела, по которым следствие шло годами, а затем выяснялось, что события преступления не было. Гораздо чаще встречается обратное, и незамысловатая инсценировка

воспринимается как несчастный случай [114]. Это не всегда сокрытие преступления, а порой результат элементарного незнания. Однако следователь обязан разобраться в сущности происшествия и если не во всех, то хотя бы в основных его деталях. В этом сложном деле существенную помощь ему могут оказать специалисты.

1.4 Специальные знания и попытки использования иррационального мышления в раскрытии и расследовании преступлений

В криминологической литературе справедливо отмечается: «Идея качественного, существенного отличия преступника от остальных людей, персонификация зла, меняя обличье, остается одной из самых устойчивых социально-психологических категорий» [267, с. 27].

В криминалистике моделированием личности неустановленного преступника называется метод криминалистического изучения личности с использованием достижений технических и иных наук [82, с. 126–145]. К сожалению, с 90-х гг. минувшего столетия в отечественную криминалистику все чаще начинают проникать антинаучные рекомендации. Так, в докторской диссертации О. А. Соколовой без всякой доли сомнения утверждается: «В результате проведения комплексного использования положений физиогномики, астрологии, хиромантии и т. д. Б. Ю. Хигером был установлен комплекс типичных признаков внешности преступников» [211]. При этом автор диссертации ссылается на псевдонаучную популярную книжку Б. Ю. Хигера, изданную в 2008 г., «Как в человеке распознать преступника? С помощью астрологии, хиромантии, физиогномики, тайны имени». Текст докторской диссертации О. А. Соколовой с сентября 2018 г. был размещен на сайте Московского университета МВД РФ им. В. Я. Кикотя, а сама диссертация успешно защищена. На странице 14 этой работы читаем: «Методологической основой диссертационного

исследования выступил универсальный метод познания — диалектический материализм».

Как известно, диалектический материализм последовательно отвергает псевдоучения, которые в настоящее время не подкреплены никакими доказательствами, свидетельствующими об их ценности. Классическая психология к таким псевдоучениям относит, в частности, а) физиогномику, предсказывающую характеристику личности по облику человека; б) хиромантию — предсказание судьбы человека по линиям на его ладони; в) астрологию — древнее суеверие, согласно которому характер расположения звезд и планет в момент рождения человека не только определяет основные черты его характера, но и позволяет прогнозировать будущие события в его жизни [177, с. 663].

Распространенность убеждения несколько не гарантирует его истинность. Более того, в истории слишком хорошо известны массовые иррациональные или даже ошибочные убеждения [9]. Ученые отмечают, что в настоящее время у значительной части общества стали формироваться представления об окружающем мире в терминах, более присущих средневековому, нежели современному мышлению [235, с. 88]. Наши современники зачастую мыслят вопреки логике, подчиняясь законам толпы, коллективных представлений, не опираясь на очевидную несостоятельность или даже явную ложь, готовы поверить кому-то (публичной персоне, некоему эксперту, выступающему в СМИ, но не своему рациональному восприятию происходящих событий) [24]. Значительная доля наших соотечественников верит в пророчества и гороскопы, обращается к народным целителям, разгадывает сны через сонники, также в современной России широко распространилась вера в астрологические прогнозы, к сожалению, это не обошло стороной и такие отрасли науки, как криминология и криминалистика. Вот что сообщил на научно-практическом семинаре доктор юридических наук Е. Г. Самовичев, объясняя трудности в раскрытии серийных убийств: «Сложность раскрытия этих преступлений обусловлена, в частности,

защищенностью этих программ от внешнего воздействия, так что преступник оказывается доступным для задержания и избрания практически тогда, когда заканчивается время “работы” его криминальной программы...». Для такого вывода автором доклада «использовалась система методов космобиоритмологического анализа, наибольшее развитие получившая в астрологических исследованиях» [191, с. 79–81].

Иными словами, пока «астрологическая программа» серийного убийцы не исчерпана, он остается неуязвим для сотрудников уголовного розыска и может спокойно совершать новые деяния. Аналогичное убеждение Е. Г. Самовичев высказал и на страницах специализированного астрологического журнала [192, с. 23–31].

Возглавлявший комиссию РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований академик Э. П. Кругляков, комментируя «астрологическую криминологию» Е. Г. Самовичева, обоснованно пишет: «Большей глупости придумать нельзя... Если задуматься всерьез, серийными убийцами должны стать люди, родившиеся в определенный день под определенными созвездиями, при определенном расположении планет. В мире в день рождается около 300 тысяч человек. И все они должны быть серийными убийцами. Вы можете себе представить, чтобы было такое количество серийных убийц в мире? На нашу страну, кстати, придется не так уж мало: около 7500 серийных убийц! Но нет этого на самом деле» [122, с. 268].

Американские авторы Эдна Роулэнд и Сандра Харрисон Янг вынуждены признать: «Конечно, если бы поведение человека целиком зависело от расположения звезд, достаточно было бы составить на каждого астрологическую карту, чтобы узнать, станет он убийцей или нет. К сожалению, это не так» [268, с. 9].

Показателен эксперимент, проведенный в прошлом веке известным французским психологом Мишелем Гокленом, который отправил по почте более сотне мужчин один и тот же астрологический гороскоп с приложением конверта, почтовой марки

и вопросника. В нем говорилось: «1) Узнали ли Вы себя в прилагаемом психологическом портрете? 2) Разделяется ли Ваше мнение членами Вашей семьи и друзьями?» Ответы были получены от 141 человека, по обоим пунктам в ответах значилось «да».

На самом деле «психологический портрет», разосланный доктором Гокленом, был тот самый, который несколькими годами ранее опубликовала существующая в Париже астрологическая фирма «Астрофлэш». Этот портрет относился к известному преступнику, уличенному во многих грабежах и убийствах и казненному по приговору суда [132, с. 173]. Подобных примеров проверки несостоятельности астрологов можно привести немало. Достаточно вспомнить, как в 1951 г. в ФРГ одного знаменитого мюнхенского астролога попросили определить характер и предсказать будущее неизвестного человека. Узнав точные данные о дне и часе его рождения, астролог составил гороскоп, согласно которому этот «очень добрый человек будет особенно счастлив в 1952 г.». Астролог не предполагал, что он составил гороскоп закоренелого убийцы, казненного 20 лет назад в 1931 г. [250, с. 90]. Аналогичный случай описывает российский ученый-криминалист Н. Н. Китаев, предоставивший сведения о неизвестном человеке «военному астрологу» А. С. Бузинову (СПб). Последний дал жизнеописание фигуранта, не зная, что тот был казнен по приговору суда [89]. Названный астролог длительное время состоял в штате министерства обороны России. Вот что сообщает академик РАН Э. П. Кругляков: «Поскольку каждый танк, самолет, корабль имеет дату “рождения”, г-н Бузинов нашел поистине золотую жилу, распространив астрологические правила игры на военную технику. Причем о его прогнозах, а он “предсказал” гибель парома “Эстония”, катастрофу самолета “Руслан” в Иркутске и другие, мы узнавали почему-то задним числом. А ведь, казалось бы, чего проще? Сделай десяток прогнозов на год вперед, опубликуй их в СМИ, а через год предъяви результаты общественности. Так нет же, г-н Бузинов предпочитает рассказывать о том, как он предсказал событие, которое на момент рассказа уже произошло» [122, с. 280–281].

Мы полностью разделяем мнение английского философа Томаса Гоббса, высказанное им еще в XVII в.: «То, что астрология на основании наблюдения звезд или гороскопа берется предсказывать, не имеет ничего общего с наукой, а есть лишь ловкий маневр разбогатеть и опустошить карманы глупой толпы» [60, с. 206]. Как пишет известный немецкий ученый О. Прокоп, «современная астрология является религиозно-архаическим рудиментом человеческих усилий решить некоторые коренные жизненные проблемы, рудиментом, имеющим лишь некоторую историческую и никакой научной ценности... Она не может быть терпима в культурном государстве» [165, с. 151]. Сказанное в полной мере относится к оценке астрологических прогнозов в сфере юриспруденции.

В целом о кризисе отечественной криминалистики сообщают различные ученые. Р. Р. Рахматуллин с тревогой пишет, что «следователи все реже обращаются к криминалистике», которая «потеряла свою былую значимость» [181, с. 228]. Профессор О. Я. Баев (в прошлом известный следователь) справедливо указывал, что в большинстве юридических вузов (факультетах) нашей страны значительное число профессоров, доцентов, преподающих уголовно-правовые дисциплины, читающих по ним лекции, и преподавателей, ведущих по ним практические и семинарские занятия, «своего опыта практической деятельности в уголовном судопроизводстве не имеют» [31, с. 98], «сейчас зачастую криминалистике студентов обучают преподаватели, знающие, как расследовать преступления, в основном по монографиям, научным статьям и детективным телесериалам... К примеру, из десяти членов кафедры криминалистики Воронежского государственного университета такой опыт имеют два преподавателя; убежден, что примерно подобное соотношение в принципе сохраняется и в других юридических вузах, входящих в систему минобразования» [Там же].

Развивая эти справедливые нарекания известного ученого-криминалиста, В. Ю. Сокол в своей оригинальной монографии

пишет: «Отечественная криминалистика переживает период глубочайшего теоретико-методологического кризиса» [208, с. 8]. Он отмечает: «Не вызывает никаких сомнений нынешняя неспособность отечественной криминалистики убедительно отвечать на возникающие проблемы практики раскрытия и расследования преступлений, что влечет за собой утрату доверия к криминалистике не только со стороны практических работников, но и общества в целом... Не вызывает сомнений тот факт, что криминалистика (и криминалисты) несет существенную долю ответственности за нераскрытые в стране преступления, а также весьма пассивную позицию в решении этой проблемы» [Там же, с. 10].

Мы полностью разделяем утверждение В. Ю. Сокола о том, что «криминалисты с момента возникновения своей науки традиционно стояли на позициях реализма, здравого смысла и тесной связи с практикой» [Там же, с. 168]. Тем печальнее констатировать наблюдаемую с 90-х годов минувшего века тенденцию, когда в отечественной криминалистике появляется все больше источников, ратующих за использование в расследовании преступлений «сверхъестественных сил», которые авторы маскируют названием «нетрадиционных» приемов и методов. Мы уже неоднократно писали о несостоятельности и вреде использования экстрасенсов [6; 10; 14; 13; 25]. Так, еще в 1991 г. ответственные работники прокуратуры Республики Карелия В. Богданов и П. Клемешев опубликовали в специальном журнале Генеральной прокуратуры нашей страны материал, где расхваливали помощь «вещуньи Клары» при расследовании тяжких преступлений в этом субъекте РФ [45, с. 29–30]. Позднее несостоятельность и обман «Клары» были документально доказаны при специальном исследовании, не подтвердившем ни ее помощи правоохранительным органам, ни ее обладания какими-либо необычными качествами [91].

В те же годы Генеральная прокуратура РФ (управление криминалистики) разослала в прокуратуры областей, краев и республик

анонимную брошюру, где следователям страны предлагалось обращаться за помощью к экстрасенсам, хиромантам, специалистам по физиогномике при расследовании самых запутанных, тяжких преступлений [84, с. 31–32].

На протяжении двух дней в мае 1994 г. в Москве под эгидой ВНИИ МВД РФ проходил семинар, на котором десятки докладчиков увлеченно рассказывали о больших перспективах раскрытия преступлений с помощью ясновидцев, лозоходцев, астрологов и специалистов по связям с духами. Тезисы выступлений участников семинара были опубликованы скромным тиражом всего в 200 экземпляров [147], но резонанс от этого «прорывного» мероприятия был огромен [126, с. 129–134, 165–179]. И хотя на семинаре присутствовали лица, называвшие себя «учениками» выдающегося ученого-криминалиста Р. С. Белкина, но фактически они отошли от идей своего учителя, который всю жизнь разрабатывал диалектические основы криминалистики и напроочь отвергал лженаучные течения, заявляя: «Экстрасенсы — это шарлатаны. Их “успехи” — совпадение обстоятельств» [90, с. 39].

Тем не менее даже обладатели ученых степеней уже много лет настойчиво пропагандируют в нашей стране симбиоз криминалистики и лженауки, в своих статьях и книгах расхваливая «криминалистическую экстрасенсорику». К таким энтузиастам иррациональной криминалистики можно отнести (исходя из их собственных публикаций) В. Жбанкова, Ю. Дубягина, С. Побережного, Е. Гришину, О. Климову, П. Марфицина, В. Сальникова, Ю. Комягину, С. Лаврухина, И. Остапенко и многих других авторов.

Авторы настоящей монографии считают, что категорически нельзя привлекать в качестве специалистов всякого рода экстрасенсов, ясновидящих, парапсихологов, прикрывающих свою деятельность псевдонаучной терминологией, наградами, званиями, дипломами и грамотами несуществующих академий. На это еще указывал Г. Гросс, хотя непосредственно он писал о хиромантах [65, с. 279, 282–292]. Среди таких «специалистов» лица

с неустойчивой психикой или просто авантюристы, шарлатаны и мистификаторы: Р. Фад, экстрасенс, он же славянский маг; Т. Закирова из Таджикистана, специалист по изгнанию бесов; Аза Петренко, цыганская ясновидящая, участник кулинарного ток-шоу; М. Керро, бывшая продавщица, снимающая сглаз, порчу, бесплодие и десятки, возможно, сотни других. Указанные лица принимали участие в телевизионных кастингах на право участия в расследовании дел. Хотелось бы надеяться, что сотрудники следствия и дознания не имели отношения к этому позорному балагану; тем не менее такие случаи имели и имеют место, и обращение к экстрасенсам — явление не единичное. Вот один из примеров. 29 мая 2018 года в г. Белов (Кузбасс) пропала семилетняя М. К ее поиску привлекли трех «известных российских экстрасенсов». Один заявил, что девочка жива и находится где-то в яме, второй, что она погибла, а третий утверждал, что труп потерпевшей следует искать в шахте.

К поиску привлекли сотни волонтеров, которые и обнаружили труп ребенка в холодильнике на улице недалеко от дома, в котором она проживала. Таков итог деятельности (отметим, отнюдь не бесплатной) «известных российских экстрасенсов». Мог ли быть иной? Уже давно пора прекратить дискуссию на указанную тему, пресечь порочную практику и строго спрашивать со следователей, прикрывающих свою профессиональную несостоятельность обращением к шарлатанам. Они дискредитируют следственные органы и способствуют грубейшему нарушению законности.

Хотелось бы упомянуть еще об одной категории специалистов: гипнотизерах, в качестве которых фигурируют врачи, артисты эстрады, демонстрирующие так называемые психологические опыты, и «иные лица», хотя даже примерно непонятно, кто это такие. Несколько слов о гипнозе. О нем известно на протяжении тысячелетий. Сущность его не ясна, природа досконально не изучена, настоящих специалистов в данной сфере немного, но в избытке тех, кто себя рекламирует как «мастера гипноза». Для большинства, в том числе и для юристов, гипноз окутан тайнами,

мифами, домыслами. Что касается криминалистов, то отношение к нему различное. Г. Г. Черепанов и А. А. Шмидт рассматривают его как нетрадиционный способ, который может быть использован в оперативно-разыскной деятельности. Авторы оценивают гипноз положительно, но считают, что результаты его использования не являются источником доказательств. Предлагается создать правовую базу его применения, которая на настоящий момент отсутствует [242]. Положительно оценивают криминалистическую гипнологию известные ученые В. А. Образцов, Н. А. Селиванов и др. [118, с. 312–319; 151, с. 107–120; 180, с. 203–212; 201, с. 35–42]. И есть не менее авторитетные ученые, принципиально отрицающие возможность использования гипноза в правоохранительной деятельности. Среди них Н. Н. Китаев называет В. Н. Кудрявцева, А. М. Ларина, А. Р. Ратинова и иных [88].

В следственной и оперативной работе гипноз иногда используют. Ничего определенного о результатах сказать нельзя. В каких-то случаях следователей наказывали за его применение, в иных, наоборот, поощряли. Считаю, что в следственной и оперативной работе гипноз, а соответственно, и помощь гипнотизированных использовать нельзя и даже не потому, что отсутствует правовая база. Трудно сказать, в каком состоянии находится загипнотизированный, и даже у врачей по этому поводу существует различное мнение, но в любом случае это не естественное состояние человека. Его психика находится под контролем — уже одно это является препятствием для его допроса. Кроме того, воздействие гипноза на человека различно, так как есть люди с повышенной внушаемостью, неустойчивой психикой, просто больные. Кто-то на него не реагирует, но другие падают на колени, впадают в транс, истерику. После публичных сеансов психотерапевта А. Кашпиrowsкого имели место попытки самоубийств. Поэтому воздействие на психику человека небезопасно, не говоря о том, что доказательственное значение таких экспериментов равно нулю. Психотерапевт — лицо с высшим медицинским образованием, но всегда ли можно определить его квалификацию, компетенцию, применяемые им методы?

Вот как отзывалась о психотерапевте А. М. Кашпировском и его публичных сеансах гипноза крупнейший исследователь физиологии человеческого мозга, академик РАН Н. П. Бехтерева: «...Это абсолютно недопустимо, так может поступать не врач-психотерапевт, а просто садист... Нет, не нужно Кашпировскому изучение его влияния. Он знает о себе больше, чем говорит, и иногда по желанию (своему) направленно причиняет зло» [43, с. 222–223].

Некоторые артисты-гипнотизеры откровенно говорят, что их выступления — это синтез способностей, искусства и сценического обмана, умения ввести зрителя в заблуждение. В этом нет ничего предосудительного. И есть такие, которые, демонстрируя примитивные цирковые фокусы, выдают себя и свои способности за проявление каких-то высших сил. Что касается «иных лиц», то именно там концентрируются мошенники, дельцы и психопаты, с которыми следователь не должен иметь ничего общего.

Если криминалистическая гипнология достигнет каких-либо конкретных результатов, то только тогда можно будет дать им оценку. До этого обсуждение вопроса о специалистах в этой области и о ней самой — беспредметно.

В юридической литературе уже упоминался кандидат физико-математических наук А. В. Михеев (СПб), который называет себя президентом Российской ассоциации инструментальной транскоммуникации (современный спиритизм) и предлагает услуги по раскрытию преступлений (связь с душами убитых людей) [245, с. 115–117]. Одним из авторов (Р. Г. Ардашев) были сделаны запросы в ряд правоохранительных органов для выяснения реальности «услуг» А. В. Михеева. Руководитель Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета РФ З. З. Ложис ответил, что «не располагает сведениями об участии А. В. Михеева в раскрытии преступлений прошлых лет, в том числе убийств»¹.

¹ Письмо НД-226/2-1852-19/21053 от 18 марта 2019 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева

Начальник штаба ГУ МВД РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области сообщил, что не имеет информации о каком-либо взаимодействии подчиненных подразделений с Ассоциацией инструментальной транскомуникации, возглавляемой А. В. Михеевым¹. Аналогичный ответ нами получен от начальника Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области². Все изложенное вполне логично, ибо сам спиритизм рассматривается современными исследователями как «научная» разновидность естественной теологии, стремящейся рациональными средствами подтвердить существование предметов веры [179, с. 18–23]. Точно так же — полным отсутствием положительных для криминалистов результатов — закончилось ранее наше исследование возможностей инструментального «опроса трупов» людей, умерших от разных причин, когда мы обращались в правоохранительные органы г. Санкт-Петербурга, проверяя оптимистичные утверждения профессора К. Г. Короткова. Последний заявлял, что обладает техническими возможностями расшифровывать информационно-энергетические поля, окружающие несколько суток тело умершего человека, определяя при этом причину гибели субъекта: убийство, самоубийство, несчастный случай. При нашей проверке возможности такого декларированного «опроса» трупов не нашли подтверждения [15, с. 94–97].

В общем плане можно утверждать, что иррациональная криминалистика основана на мистике — вере в тайные силы, не подчиняющиеся установленным законам природы [104, с. 98]. К сожалению, как отмечают исследователи, в эволюции массового сознания иррациональные тенденции уже бросаются в глаза в настоящее время [103, с. 135].

Остается злободневным замечание одного из авторов данной монографии А. Л. Протопопова «Совершенно необходимо

¹ Письмо № 3/197800105230 от 13 февраля 2019 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

² Письмо № А-1432 от 16 апреля 2019 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

показать принципиальное отличие нетрадиционных методов расследования от антинаучных, так как в практике они встречаются» [168, с. 11]. Решение повышения эффективности борьбы с преступностью непосредственно связано с использованием новых отраслей знания при раскрытии и расследовании преступлений [29, с. 227], где нет места мистике и суевериям [160], а следователям и оперативным сотрудникам, в свою очередь, необходимо опираться на свою эрудицию, стремиться к познанию нового и уметь прибегнуть к помощи настоящих специалистов, компетентных в той или иной сфере знания [16, с. 168–171].

ГЛАВА 2

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ

2.1 Значение судебных экспертиз, их теоретические проблемы

Значение экспертиз при раскрытии и расследовании преступлений общеизвестно, и вряд ли имеется необходимость в очередной раз доказывать и обосновывать это очевидное положение. Экспертные исследования проводятся уже на протяжении длительного времени, и сама жизнь доказала их необходимость. Это было ясно и раньше, еще более очевидно в настоящее время — в период постоянного роста преступности и негативного изменения ее структуры. Без них немыслимо современное судопроизводство ни на одной из его стадий. Число судебных экспертиз постоянно растет, и, что важно отметить, сами они усложняются, что объясняется сложностью современной науки.

Производство экспертизы подробно регламентировано УПК РФ, в отношении ее принят ряд федеральных законов, имеются руководящие разъяснения Верховного суда РФ, иные нормативные акты. Обширна научная литература по теории и практике судебной экспертизы. Появилась наука — судебная экспертология, основы которой заложили А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская. В настоящее время она чаще именуется общей теорией судебной экспертизы, в отличие от экспертологии — межотраслевой научной дисциплины. Существует термин «экспертведение», но он используется редко, в то время как понятие судебной экспертологии не исчезло [52; 137; 145; 199].

Несмотря на наличие законодательной базы, обилие научных работ по судебной экспертизе, предыдущий длительный опыт экспертной деятельности, в указанной сфере наблюдается

значительное число проблем. Это неизбежно и в какой-то степени закономерно. Причины различны. Их наличие связано с изменением уголовно-процессуального законодательства, постоянным развитием науки и техники, появлением новых наук, технологий, расширяющих возможности судебной экспертизы, иными факторами. Этот процесс нескончаем, он порождает новые воззрения на криминалистику, ее теорию, практику и, соответственно, на проблему экспертизы.

Есть проблемы, появившиеся уже давно, которые до настоящего времени не разрешены и вряд ли по ним вообще будет достигнуто единообразное мнение. Так, еще в XIX в. немецкий криминалист К. Миттермайер высказал мысль о том, что экспертиза является особым видом доказательств, а эксперт — это судья фактов, научный судья, выводы которого суд не в состоянии ни проверить, ни опровергнуть, так как не обладает для этого необходимыми знаниями. Российский дореволюционный криминалист Л. Е. Владимиров в своей работе «Учение об уголовных доказательствах» согласился с такой позицией, но известны и другие видные ученые, в их числе И. Я. Фойницкий, которые не были столь категоричны в оценке заключения экспертизы.

Окончательно вопрос не решен, следственная и судебная практика различна. Пример тому — молекулярно-генетическая экспертиза, которую называют революцией в криминалистике и судебной медицине, что, очевидно, соответствует действительности.

Однако многие ли юристы в состоянии дать ее выводам объективную оценку? Это не под силу основной массе судебно-медицинских экспертов — танатологов, и даже тем, кто специализируется на биологических исследованиях. По свидетельству самих экспертов-генетиков, проведение этой экспертизы требует очень глубоких теоретических знаний в области молекулярной биологии и специализации. По сути дела, эта же проблема существует и при оценке традиционных экспертиз, разрешающих вопрос о причине смерти, механизме причинения

телесных повреждений, наличия следов крови, определения их групповых свойств, идентификации личности и т. д. Считаем, что ситуация правильно разрешена на законодательном уровне. Экспертиза назначается тогда, когда требуется исследование на основе специальных знаний. Проводит ее эксперт, лицо, обладающее такими знаниями, имеющее необходимую квалификацию, не заинтересованное в исходе дела и независимое. Как правило, это сотрудник государственного экспертного учреждения. За свои выводы он несет ответственность. Этого вполне достаточно для того, чтобы признать заключение эксперта доказательством. Предусмотрено производство дополнительной, повторной, комиссионной, комплексной экспертиз, при помощи которых перепроверяются выводы первоначальной. Большого уже не достичь, и на определенном этапе расследования необходимо принимать процессуальное решение. Главное заключается в следующем: не отрицая значения экспертизы, признавая ее роль в осуществлении целей судопроизводства, закон все же не придает ей особого статуса, и ст. 17 УПК РФ совершенно правильно указывает, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Закон также указывает, что по делу должна быть совокупность доказательств. Следователь в состоянии дать оценку экспертному заключению, более того, он обязан это сделать, так как обладает профессиональными знаниями и в силу своего процессуального статуса. Для оценки дактилоскопической экспертизы часто достаточно изучить фототаблицы с указанием совпадающих признаков. Если ему не известно, сколько должно быть совпадающих признаков для признания идентичности следов, если он не знает, какие вообще существуют типы узоров, а такие следователи встречаются нередко, то вывод может быть сделан только один — им нельзя поручать расследование сложных дел. Кроме того, оценка заключения эксперта заключается еще и в сопоставлении его с другими материалами дела, и в первую очередь с теми фактами, которые установлены бесспорно. При наличии серьезных расхождений можно сделать

вывод об ошибке эксперта, ложных, ошибочных показаниях или изъянах следствия. Игнорирование таких расхождений способно повлечь за собой самые негативные последствия.

Дать оценку молекулярно-генетической, гистологической, цитологической экспертизы более сложно. Для этого необходим какой-то минимум знаний о них, изучение соответствующей литературы. Следователь вправе ознакомиться с процессом их производства, присутствовать при них, получить разъяснения и необходимые консультации. Известны случаи, когда заключение молекулярно-генетической экспертизы исключали из перечня доказательств. Для указанной экспертизы характерна высокая степень вероятности, нередко превышающая 99% [149, с. 48–53]. Случайное совпадение генотипов практически исключено, но возможны ошибки при сборе и хранении образцов. Поэтому прав судебный генетик А. Г. Смоляницкий, когда пишет, что данные молекулярно-генетической экспертизы не должны быть единственным и окончательным доказательством по делу [172, с. 99; 206, с. 77–78].

С оценкой экспертного заключения тесно связано следующее обстоятельство, заключающееся в его переоценке, слепом к нему доверии. (Это характерно и при оценке результатов оперативно-разыскной деятельности, хотя они могут быть ложными, ошибочными и даже фальсифицированными.) На некоторых следователей, часто начинающих, но не только, словосочетание «заключение эксперта» производит «гипнотическое» воздействие. Такие следователи читают только выводы эксперта, тогда как они обязаны не просто прочесть заключение, а тщательно его изучить и дать ему объективную оценку, к чему их обязывает уже процитированная ст. 17 УПК РФ. Это тоже проблема судебной экспертизы, причем немаловажная, поскольку она способна породить следственные и судебные ошибки [47, с. 5–24]. Избавиться от нее непросто. Часто влияет авторитет эксперта, его опыт, наличие у него ученых степеней и званий. Иногда это приводило к тому, что некоторые действительно крупные

специалисты переоценивали свои возможности, начинали верить в собственную непогрешимость, что в итоге порождало ошибки. Противопоставить этому можно только профессионализм следователя и его объективность.

Проблемой судебной экспертизы является определение ее предмета и объекта — то, что обсуждается уже десятилетиями. В дальнейшем мы кратко остановимся на этом вопросе. Сейчас же отметим лишь, что эти понятия постоянно расширяются и поэтому из сферы теории переходят в область практики. Возможно ли проведение экспертизы при отсутствии объекта исследования? Казалось бы, нет, однако ответ на этот вопрос может оказаться не так прост, как кажется. Практике известны отдельные случаи проведения судебно-медицинской экспертизы при отсутствии трупа. (Такой пример из своей практики приводил еще Г. Гросс.) Но они, возможно, потому и отдельные, что теория не изучила и не обобщила практику такой категории дел и не дает по ним никаких рекомендаций. Такие экспертизы не могут носить массовый характер, но раскрыто должно быть каждое преступление, независимо от степени его распространенности и уникальности. Поэтому следователь должен ориентироваться в любой следственной ситуации и сделать все возможное для раскрытия преступления.

В связи с появлением новых наук, синтезом уже существующих возникла проблема лженауки и, как ее следствие, — возникновение экспертиз, не имеющих под собой достоверной научной базы, эмпирических данных. Лженаука не всегда связана с сознательным обманом, она может быть порождена добросовестным заблуждением, чего не избежали самые известные ученые. Указанное обстоятельство накладывает на следователя особую ответственность, так как речь идет о признании человека виновным, об уголовной ответственности, которое может быть весьма суровым. Следователь не является специалистом во многих науках, но он обязан отличать науку от лженауки, подлинного ученого от мистификаторов и карьеристов, рекламирующих

свои идеи, которые часто объявляются новым словом в науке, а для убедительности облакаются в сложную научную терминологию [59, с. 72–78]. Поэтому считаем, следователь должен проявлять крайнюю осторожность при назначении экспертиз, которые иногда называют нетрадиционными, и тем более при использовании их результатов в качестве процессуального доказательства. Нетрадиционные экспертизы вполне возможны; что касается антинаучных, то их не должно быть ни при каких обстоятельствах.

Есть новые экспертизы, появившиеся на базе новых наук, а иногда при слиянии двух-трех ранее известных. Например, психиатрическая генетика (психогенетика, генетика поведения), которая возникла на основе психологии и молекулярной генетики и которая изучает, помимо прочего, формы девиантного поведения, в том числе преступного.

Сказать что-либо определенное о дальнейшей судьбе многих новых наук, как правило, нельзя, поскольку нет никаких критериев для их оценки. Тем более под вопросом правомерность судебной экспертизы, проведенной на основе новой науки. Считаем, что в принципе назначение и проведение таких экспертиз не исключается, но их выводы, если они признаны доказательством, должны находиться в ряду других доказательств, апробированных следственной и судебной практикой, и уж во всяком случае они не могут оказывать решающего значения на исход дела. В свое время дактилоскопическая экспертиза тоже была новой, даже вызывала сомнения, и каждый раз необходимо было в судебном заседании доказывать достоверность ее выводов. Потребовалось время, чтобы высокая результативность дактилоскопии стала общепризнанной.

В последние годы наблюдается устойчивая тенденция производства экспертиз, основанных на общественных науках, использования их в уголовном процессе. Такие экспертизы допустимы, хотя в качестве их альтернативы иногда более целесообразно использовать консультации сведущих лиц. Признание выводов указанных экспертиз в качестве доказательств может быть

крайне сомнительным. Вполне вероятно, что их выводы будут отражать не научную истину, а личную позицию эксперта, которой всегда можно противопоставить иную, а то и несколько. В некоторых случаях подобные экспертизы не нужны, поскольку специальные познания не требуются, и вполне достаточно общедоступных сведений, которыми обладает (или должен обладать) каждый человек, тем более с гуманитарным образованием.

Определенную остроту в настоящее время приобрела проблема независимости эксперта. Независимость эксперта закреплена в законе, но практика, многочисленные сообщения средств массовой информации свидетельствуют о том, что этот важнейший принцип судебно-экспертной деятельности нарушается, а соответственно, нарушаются законность, права и свободы человека и гражданина, что, в свою очередь, порождает недоверие к деятельности правоохранительной системы, органов власти и государства. На теме независимости эксперта нам еще предстоит остановиться отдельно; сейчас же мы упоминаем о ней как об одной из наиболее важных.

Можно назвать еще целый ряд проблем, но рассмотреть их все мы не имеем возможности и цели такой перед собой не ставили.

2.2 Объект, предмет и классификация судебной экспертизы

Объект и предмет — это понятия философии, которые уже на протяжении длительного времени носят дискуссионный характер, и единого мнения по ним не достигнуто, хотя все науки их используют. Между ними много общего, есть мнение, что они равнозначны, и поэтому им часто придается одно и то же значение. В бытовом отношении это никаких коллизий не вызывает, но в научном обороте желательны точность определений, их единообразное понимание и применение. Однако такого единства нет, их трактовка различна. Как указывают специалисты в области теории права, понятие объекта и предмета в праве не одинаково

и зависит от сферы его применения. Объект теории права состоит в совокупности явлений, в которой проявляется предмет этой науки, хотя такое понимание не является достаточно полным. Уточняется, что объект есть единство норм права, юридической и социальной практики. Дальнейшие рассуждения на эту тему носят столь же туманный характер, хотя именно теория права должна дать четкие определения базовым понятиям [152, с. 12–16, 249–251].

Один из наиболее авторитетных учебников указывает, что имеется предмет уголовного права, что он имеет сходные черты с административным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным правом и что их объединяет общая задача и в то же время каждая названная отрасль имеет собственный предмет. Иными словами, конкретных определений нет [226, с. 7–8].

После становления оперативно-разыскной деятельности как самостоятельной отрасли научного знания появилось понятие ее предмета. Однако оно подвергалось неоднократным уточнениям и дополнениям, и его дискуссионность сохранилась до последнего времени [154, с. 30–31].

Весьма существенные расхождения имеются в определении предмета и объекта прокурорского надзора, хотя на эту тему высказываются профессионалы высокого уровня, отмечающие, что вопрос запутан [42, с. 9–18; 166, с. 15–16; 186, с. 12–18]. В то же время ФЗ «О прокуратуре РФ» содержит ст. 21, 26, 29, 32, определяющие предмет надзора в зависимости от той или иной его отрасли. Об объекте надзора в законе ничего не говорится. Сказанное свидетельствует о том, что многие, если не все, отрасли права сталкиваются с трудностями при определении их предмета и объекта.

Имеет свой предмет и криминалистика, представление о нем складывалось и уточнялось по мере развития самой науки. Р. С. Белкин пишет, что определение ее предмета давали Г. Ю. Маннс, И. Н. Якимов, С. Н. Трегубов, а еще раньше родоначальник криминалистики Г. Гросс [40, т. 1, с. 73–115].

По мнению А. А. Эксархопуло, вся история криминалистики сопровождалась дискуссией о ее предмете. Указанный автор называет как минимум 3 группы закономерностей, которые изучает криминалистика и которые составляют ее предмет [261, с. 19; 264, с. 6].

Определение предмета криминалистики имеет значение, как теоретическое, так и практическое. Ее ошибочное определение — это не только изъян теории; оно способно увести криминалистику в сторону от ее основной задачи и тем самым оставить практическую деятельность без научных рекомендаций. В свое время Г. Ю. Маннс писал, что, помимо расследования преступлений, предметом криминалистики является изучение быта, обычаев, жаргона преступников. Предметом объявлялись: научная организация труда следователя, проблемы привлечения общественности, профилактика преступлений, изучение деятельности адвокатов в уголовном процессе и многое другое. Предмет науки — категория не закона, а теории; поэтому каждый автор вправе изложить собственное понимание проблемы, того или иного определения, термина. Кроме того, криминалистика претерпевает диктуемые временем изменения. Это объективный процесс, и он в определенной степени определяет дискуссию. Тем не менее общепринятые, исходные понятия необходимы.

В свое время Р. С. Белкин подробно рассмотрел проблему соотношения предмета и объекта криминалистической экспертизы, проанализировал точки зрения по этому вопросу и пришел к выводу, что понятие объекта экспертизы существенных разногласий не вызывает [40, т. 2, с. 311–317].

Впоследствии ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» в ст. 10 указал, что объектами экспертного исследования являются вещественные доказательства, документы, предметы, животные, трупы и их части, образцы для сравнительного исследования, живые лица, а также материалы дела. Именно так и понимается объект экспертизы многими криминалистами, под которыми подразумеваются материальные

носители информации [39, с. 47; 120, с. 418]. Несколько десятилетий назад считалось, что объектом экспертизы являются, главным образом, вещественные доказательства. В то же время отмечалось, что ее объектами могут быть «и иные материалы дела», что сам круг объектов постоянно расширяется благодаря бурному развитию естественных и технических наук. Высказывалась интересная, и, по нашему мнению, правильная мысль о том, что по указанным соображениям представления о предмете и объекте экспертизы не могут быть долговременными [146, с. 9–10]. Уже в наши дни некоторые авторы указывают, что объектами судебной экспертизы являются не только то, что перечислено в ст. 10 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», но «и многое другое» [187, с. 90]. Что же многое? Оно таково, что перечислению не поддается. В настоящее время это может быть дикая природа и дикая фауна, разделенные объекты (при установлении целого по частям), явления природы (например, действие атмосферного электричества), самовозгорание, принадлежность одежды конкретному лицу, очередность ее снятия. Это также авторство текста, речевая информация, симуляция, наличие психических отклонений, причина несчастного случая, исторические факты и события и действительно многое другое. Таким образом, это не только материальные структуры, с которыми в основном имели дело эксперты лет 20–30 тому назад, хотя и тогда уже появились объекты, вызывавшие непонимание и сомнение в том, что их можно исследовать. Например, одорологические (ольфакторные, запаховые) следы и следы, визуально не наблюдаемые (тепловые, радиоактивные). Не до конца ясен их процессуальный статус. Тем не менее такие следы, объекты существуют, и перечень их растет.

Вполне очевидно, что иногда материальные носители информации, предметы внешнего мира как объект экспертизы отсутствуют. В таком случае им являются материалы уголовного дела, а вернее, те сведения, которые в них содержатся. Это далеко не бесспорно, так как не всегда имеются гарантии их достоверности.

Было сказано, что перечень объектов экспертизы перечислению не поддается, и в то же время он не бесконечен. В этом нет никакого противоречия. Надо сознавать, что на конкретном этапе наука не может ответить на все вопросы, которые интересуют следствие. Независимо от уровня развития науки, ее возможностей, нельзя экспертным путем установить наличие морального вреда, тем более в денежном выражении, хотя такие экспертизы проводятся. Не определяется ложь. Следственным путем ее установить можно, экспертным — нет. Честь, достоинство человека — это не объект экспертизы; их понимание индивидуально. Посягательство на них для некоторых лиц является поводом для самоубийства, но кто-то может воспринять это посягательство как ничего не значащий факт. Что касается оценки подобного, то она вполне возможна, а для следователя и суда иногда бывает необходима.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Говоря об объектах экспертизы, следует исходить из положений закона — ст. 10 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» и ст. 195 ч. 1 п. 4 УПК РФ. В указанной статье УПК РФ говорится о материалах, предоставляемых в распоряжение эксперта, но вполне правомерно понимать под ними и объекты, подлежащие экспертному исследованию. Объекты экспертизы являются таковыми независимо от полученного результата. Отрицательный результат — это тоже информация по делу; кроме того, он может быть обусловлен объективными причинами. Сложнее дело обстоит с нематериальными объектами, но, как признано, в целом они могут подлежать экспертному исследованию. Некоторые вопросы из области психологии, этики, педагогики, эмоциональных переживаний не должны быть объектом экспертизы. Что это за вопросы — заранее сказать нельзя, так как ответ возможен лишь при ознакомлении с конкретной следственной ситуацией. Сказанное означает, что следователь должен иметь четкую позицию о том, что является объектом экспертизы, и при необходимости уметь ее аргументировать.

Сложнее дело обстоит с определением предмета экспертизы — одного из основных и фундаментальных понятий в экспертной практике. В законе по этому поводу ничего не говорится, точки зрения ученых различны. По этой причине, полагаем, вполне уместно ориентироваться на позицию наиболее авторитетных криминалистов страны. Одним из них был и остается до последнего времени Р. С. Белкин, который считал, что предметом экспертизы являются фактические данные, устанавливаемые на основе специальных познаний при исследовании материалов уголовных дел, а сам предмет предопределяется следователем или судом [39, с. 59]. Мы не утверждаем, что это аксиома или вечная истина, но как исходная позиция такое определение допустимо, а теоретики криминалистики, специалисты в этой области имеют возможность уточнить данное определение или предложить новое.

Одной из теоретических проблем криминалистики является классификация судебных экспертиз, сведение их в единую систему. Это сложная задача, и вряд ли она может быть решена в ближайшее время. Учитывая постоянный рост экспертиз, процесс их окончательной систематизации может вообще занять неопределенный срок. Тем не менее криминалистика должна предложить следователю классификацию экспертиз, чтобы он мог ориентироваться в их существующем многообразии.

Прежде всего, необходимо отметить, что все экспертизы делятся на судебные и внесудебные. Последние имеют множество наименований. Среди них независимые, негосударственные, частные, альтернативные, национальные, народные и т. д. Их обилие, рекламируемые возможности, нередко явно завышенные, и особенно наименования способны дезориентировать следователя и не только начинающего. Так, в ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» признается так называемая этнологическая экспертиза, исследующая этнические, расовые, религиозные вопросы для предотвращения национализма, экстремизма, ксенофобии. Названная экспертиза проводится

и по заданию правоохранительных органов. По имеющимся сведениям, она ни разу не назначалась.

В уголовном судопроизводстве проводятся только судебные экспертизы, и лишь в отдельных случаях по усмотрению следователя допустимо использование выводов несудебных, которые в соответствии со ст. 84 УПК РФ можно отнести к «иным документам». Это экспертизы по оценке поврежденного имущества, ущерба от пожара и т. д. Несудебная экспертиза может быть основанием для назначения и производства судебной для разрешения аналогичных вопросов.

Далее следует назвать судебные экспертизы, которые давно и прочно вошли в следственную практику и которые нередко называют традиционными [187, с. 161–168; 258, с. 111–112]. Многие из них базируются на точных науках, хотя такое определение условно и у теоретиков науки нет единого мнения по этому вопросу. Является ли точными науками медицина, биология? Однозначного ответа нет, но есть мнение, что таковыми могут быть отдельные разделы биологии. Точным наукам противопоставлены гуманитарные, в их числе философия, история, филология, психология и иные, у которых много общего с общественными науками, а это экономика, педагогика, правовые науки и т. д. Постоянно появляются новые науки, научные дисциплины, и это существенно затрудняет их окончательную классификацию, как и классификацию экспертиз, появляющихся на их основе.

Итак, экспертиз много и, соответственно, много работ по их классификации [2; 26; 38; 39; 40; 76; 116; 156; 202; 221; 222; 256; 260]. Если когда-то называлось 4 вида экспертиз, затем 10–12, то сейчас они исчисляются десятками, а назвать их точное число вряд ли возможно. Поэтому уже давно сложилось мнение, что классификация возможна лишь по различным основаниям. Ее категории: класс, род, вид, подвид [212].

Остановимся более подробно на традиционных экспертизах, основанных на точных науках. Самая точная наука — это математика, и ее используют многие другие науки. Находит она

применение и в криминалистике, в частности при производстве экспертиз. Однако сама по себе математическая экспертиза крайне редкое явление в следственной практике, а ее выводы воспринимаются неоднозначно. Причина в том, что юристам непонятна символика математики, ее язык, ход исследования и обоснованность выводов.

В частности, математическая экспертиза проводится по делам о карточном мошенничестве. Сами преступники заявляют, что никого не обманывают, а выигрывают лишь в силу своего высокого профессионализма, а они им действительно обладают. Карточное мошенничество — это сочетание обмана, иногда технических средств, знания психологии партнера, большого опыта игры и иных факторов. Не случайно шулеры входят в элиту преступного мира. Поэтому доказать вину таких профессионалов крайне сложно. Выводы математической экспертизы с формулами и математическими выкладками юристам просто непонятны, далеко не всегда рассматриваются как доказательство, противопоставить объяснениям преступников нечего. В итоге профессиональные карточные мошенники на протяжении многих десятилетий избегают уголовной ответственности, хотя правоохранительным органам о них известно.

Среди традиционных имеют место относительно редкие экспертизы с прочной научной эмпирической базой, способные предоставить в распоряжение следствия важную разыскную и доказательственную информацию. Это, например, ихтиологическая, энтомологическая, ботаническая и некоторые другие подобные экспертизы. Частота их назначения и производства определяется исключительно обстоятельствами дела; то, что они проводятся редко, никак не умаляет их значения.

Все же есть экспертизы на основе точных наук, которые требуют особо тщательной оценки в силу своей уникальности и отсутствия обобщенной следственной практики. В качестве примера можно назвать судебно-астрономическую экспертизу. При ее помощи по углу падения тени с точностью до 30 минут

определяют время фотосъемки или видеозаписи. Такое исследование проводили в 2015 г. сотрудники института астрономии при МГУ им. М. В. Ломоносова по делу гражданки Украины Надежды Савченко. Суд с представленными выводами не согласился, но проводить повторное исследование отказался. Дело было явно политизировано, сама Савченко оказалась на свободе, несмотря на тяжесть предъявленного обвинения. Поэтому нельзя дать объективную оценку ни делу, ни выводам специалистов. Тем не менее такие экспертизы имеют место, исключить их проведение никаких оснований нет.

Входят в практику новые экспертизы, появление которых вызвано самой жизнью. Это такие экспертизы, как, например, радиотехническая, исследующая широкий перечень объектов: радиотехнические устройства, мобильные телефоны, планшеты; компьютерно-техническая: компьютерную технику, носители компьютерной информации, банковские карты; видеотехническая: видеокамеры, видеорегистраторы, аппаратуру, используемую при ОРД, видеоматериалы на любом носителе и т. д. Эти экспертизы основаны на точных науках; со временем они станут уже традиционными.

Широкое применение нашли инженерно-техническая экспертиза и ее различные виды. Она назначается при обрушении зданий и сооружений, авариях на производстве, катастрофах. Экспертиза исследует мосты, агрегаты, промышленное оборудование, технологические процессы. Ее объектом может быть даже завод как единый цикл производства. То, что указанные экспертизы основаны на точных науках, исключает поверхностное отношение к их выводам. Они точно так же, как и традиционные, подлежат изучению и оценке; следовательно, суд вправе назначить дополнительную или повторную экспертизу или вообще не согласиться с представленными выводами. Их достоверность не гарантирует то, что они проведены на основе химии, физики или математики. Есть масса дел, в частности о техногенных катастрофах, когда не удается установить причину происшествия, несмотря на то, что

исследования проводятся на самом высоком уровне. Например, расследование катастрофы самолета А321 над Синайским полуостровом шло с 2015 г., но в итоге не дало ясного ответа о ее причине. Таким образом, оценка любой экспертизы необходима, и об этом нам еще предстоит сказать более подробно.

Есть группа экспертиз, которые мы бы назвали как сомнительные. В первую очередь это ситуационная (ситуалогическая) экспертиза, родоначальником которой был известный криминалист Г. Л. Грановский, изложивший ее сущность в своей работе «Криминалистическая ситуационная экспертиза». Эта экспертиза назначается уже довольно длительное время и проводится в основном по делам об убийствах. Часто она является комплексной. Распространенной ее назвать нельзя.

Нередко обстановка места происшествия удовлетворительному объяснению не поддается: неизвестно количество преступников (иногда и потерпевших), их приход, отход, последовательность действий, цель, мотив действий, орудия преступления и т. д. Иногда непонятно, что вообще произошло — террористический акт, убийство, самоубийство или несчастный случай. Версии ничего не объясняют и критики не выдерживают. Известны случаи, когда происшествие не могут объяснить годами. С подобным сталкиваются не только начинающие, но и опытные следователи. Вот тут-то и возникает мысль о ситуационной экспертизе. В литературе отмечается, что число таких экспертиз растет, но многие следователи имеют о них весьма смутное понятие, не знают их возможностей и не представляют сложности проведения [81, с. 3–6]. Почему же мы считаем их сомнительными? Потому что, как правило, они в полной мере не объясняют происшествие (преступление). Только сам преступник может это сделать, и его рассказ объясняет все следы, их локализацию, последовательность действий. Иногда преступление сопровождается непредвиденными обстоятельствами и виновный пытается их как-то нейтрализовать. Воссоздать их экспертам, специалистам часто не под силу, поскольку они не знают и не могут

знать всех деталей происшествия, иногда даже незначительных, но именно они могут препятствовать воссозданию его модели. Например, в жилом доме обнаружено восемь трупов. У всех колото-резаные ранения, и лишь у одного потерпевшего причина смерти – асфиксия. Почему? Длительное время не могли объяснить этот факт и раскрыть преступление. Все стало понятно только после признательных показаний виновного. Это очень характерно для многих запутанных преступлений: все непонятно, необъяснимо, но после раскрытия все находит логическое и иногда даже простое объяснение. Причина, возможно, заключается в поверхностной работе с версиями, но гораздо чаще она кроется в дефиците информации по делу, и вряд ли во всех случаях следователь, специалисты, эксперты в состоянии ее расширить. Поэтому и возможности ситуационной экспертизы существенно ограничены. Объяснить происшествие должен следователь, разумеется, при помощи специалистов и экспертов, с учетом их версий. Но нельзя перекладывать на них решение этой задачи. А как быть, если следователь не разделяет выводы экспертизы, которую он же и назначил? Многие авторитетные эксперты в своих выводах безапелляционны, хотя давно известно, что и они допускают серьезные ошибки, которые не всегда склонны признавать. Экспертное заключение и признательные показания виновного могут породить существенные противоречия.

Не отрицая полностью ситуационную экспертизу, все же следует рекомендовать осторожное отношение к ее назначению и выводам [7, с. 115–116]. Не исключаем проведение ситуационного исследования, отличающегося от экспертизы в основном процессуальным оформлением. Кроме того, закон не предусматривает письменной формы такого исследования и его обязательного приобщения к материалам уголовного дела.

К числу сомнительных можно отнести и психофизиологическую экспертизу с применением полиграфа. В нашей стране полиграф принципиально отвергался, но такое отношение к нему

уже в прошлом [183, с. 208–210]. По данным Я. В. Комиссаровой, практика его применения наблюдается с 1990 г. В течение года (2014 г.) проведено 1900 экспертиз, дано 7500 заключений специалистов, но эта, в общем, солидная практика не обобщена и оценки со стороны Верховного суда РФ не получила.

Отношение к полиграфу в России и других странах самое различное, а в Германии он просто запрещен. Своему первоначальному названию «детектор лжи» он явно не соответствует, так как ложь не определяет. Существуют большие группы людей, обследование которых на полиграфе не рекомендуется (несовершеннолетние, психически больные, алкоголики, лица с сердечно-сосудистыми заболеваниями и т. д.). Нерешенных проблем полиграфа много, дискуссия продолжается [110, с. 226–241]. По этой причине, полагаем, наиболее целесообразно использовать полиграф в оперативно-разыскной деятельности для получения информации, которая может иметь ориентирующее значение.

Кроме того, можно указать на следующее обстоятельство: одна и та же экспертиза может быть достоверной и сомнительной. Если автороведческая экспертиза сообщает диагностические сведения, то их можно принять к сведению. Если же она прямо указывает на автора, то сомнения неизбежны. Почерковедческая экспертиза в состоянии идентифицировать лицо, но если эксперт по почерку сообщает национальность, возраст, внешние данные, место проживания, то необходима критическая оценка такой информации.

Мы уже писали о том, что на Западе получил распространение профайлинг — составление психологического портрета (профиля) неизвестного преступника по характеру совершенного преступления и следам на месте происшествия. Отечественный опыт в этом отношении весьма скромнен; возможно, он просто равен нулю, и только после установления преступника появляются специалисты, утверждающие, что именно они способствовали раскрытию преступления. Пример тому — дело в отношении наиболее известного серийного убийцы Чикатило. Причины

неудач российского профайлинга различны, и они носят, по нашему мнению, организационный характер и осложняются в какой-то мере понятным недоверием к новому необычному способу раскрытия преступлений. Отметим, что и в США становление профайлинга тоже проделало длительный путь, начинавшийся с его полного принципиального отрицания.

В нашей стране есть специалисты и энтузиасты профайлинга, и этот метод имеет будущее [82, с. 126–157]. На практике он реализуется в виде заключения специалиста и в редких случаях как акт экспертизы. Оценивая реально ситуацию, следует сказать, что ни то, ни другое нельзя расценивать в качестве процессуального доказательства, хотя бы потому, что ничего достоверного в них нет [101, с. 113–135]. Рассуждения о том, что преступник — жестокий человек, что он эгоцентричен, хладнокровен, никого ни к чему не обязывают и для раскрытия ничего не дают. Это может быть так, и наоборот. Серийный убийца Кузнецов был крайне агрессивен, и это видели все окружающие. Другие не менее опасные преступники (Чикатило, Михасевич, Кулик, Головкин) в повседневной жизни никакой агрессивности не проявляли. У некоторых отмечали даже стеснительность и сентиментальность, другие положительные качества. Поэтому сведения специалиста в лучшем случае содержат ориентирующую информацию и могут использоваться в розыскной деятельности. Таким образом, проведение экспертизы по установлению психологического профиля неизвестного преступника в настоящее время преждевременно. Ее время еще не наступило. Впрочем, есть и иное, прямо противоположное мнение [30, с. 91]. Мы его не разделяем, хотя уверены в необходимости дальнейшей разработки проблемы психологического профиля.

Есть и другие экспертизы, выводы которых иногда вызывают сомнения и не всегда воспринимаются как доказательство. В частности, к ним относится одорологическая (ольфакторная) экспертиза, а также экспертиза потожировых следов человека, выводы которой часто носят неконкретный характер [143].

Некоторые экспертизы находятся в процессе становления, а их эффективность остается под вопросом; другие возможны лишь в перспективе. Появились сведения о судебной археологии, судебной геологии, криминалистической сейсмологии, но только лишь по названиям трудно определить, о чем идет речь. Судебная археология, судя по всему, призвана обнаружить местонахождение криминального захоронения, и это очень актуально. Однако прежде всего необходимо понять, каковы реальные возможности, имеются ли специалисты в данной области, необходимая аппаратура. Надо определить форму использования специальных знаний — будет ли это консультирование, производство экспертизы или участие специалистов при производстве следственного действия (следственного осмотра). Скорее всего, это должно быть участие специалиста в следственном осмотре с предварительным консультированием следователя. Нельзя исключить и назначение экспертизы, но давать конкретные рекомендации при отсутствии обобщенного следственного опыта сложно. Считаем, что судебная археология, в том числе и подводная, имеет будущее, и это доказано самим существованием этой науки и ее результатами.

То, что называют судебной геологией в нашей стране, известно как судебная химия и судебное почвоведение. Судебная геология способна установить источник происхождения минералов, металла, в частности золота. В этом нет ничего нового. Например, в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» описан эпизод, когда специалист Колышкин исследует золото, купленное купцом Чапуриным у преступников, устанавливает его происхождение и, по сути дела, разоблачает преступную схему.

Следует иметь в виду, что помимо науки существует и лженаука. Она проникает и в криминалистику, и в определенной степени в практическую деятельность некоторых следователей. Вопрос о лженауке сложен, и ее наличие имеет объективные причины, так как неизбежны добросовестное заблуждение, неправильная оценка полученных результатов. Термин «лженаука»

имеет негативный оттенок и часто воспринимается как преднамеренная фальсификация, обман, и именно это отличает ее от добросовестного заблуждения, которое неизбежно встречается в любой науке. В заблуждение впадали самые великие умы — Ньютон, Эйнштейн, многие другие; одновременно известно, к чему приводило навешивание ярлыка «лженаука», например к генетике, кибернетике и т. д.

Следователь, прежде всего, должен отличать науку от явных мистификаций. Хиромантия, хирология, предсказание будущего, коррекция судьбы, гадание — это в чистом виде шарлатанство, мошенничество. Достаточно определенного уровня образования, культуры, жизненного опыта, наконец здравого смысла, чтобы это определить. Но появились биоэнергетика, этническая антропология, дерматоглифика, а на ее базе в 1996 г. криминалистическая дерматоглифика [269, с. 351–372]. Наблюдается обращение к парапсихологии, ясновидению, биоинформатике и т. д. Так, Л. М. Вильданов утверждает, что возможно установление факта смерти пропавшего без вести по ранее принадлежавшей ему вещи [32, с. 357–359]. Примеров много. М. В. Виноградов, провозгласивший себя «криминалистом-психиатром», участник многочисленных телевизионных программ, предлагает «взгляд в будущее», гарантирует успех экстрасенсорного поиска пропавших без вести, в том числе за пределами России. Он заявляет, что получает благодарственные письма «со всех концов земного шара» за подобную помощь. Наши обращения в ряд правоохранительных органов РФ за подтверждением рекламируемых успехов М. В. Виноградова и его «Центра правовой и психологической помощи в экстремальных условиях» показали — этим органам ничего не известно об «успехах» данного Центра в раскрытии и расследовании преступлений [7, с. 160–161].

Какова должна быть позиция следователя, на которого воздействуют сообщения в печати, в научной литературе, непонятная научная терминология, наличие ученых степеней и званий тех, кто позиционирует себя в качестве специалиста или эксперта?

Надо знать, что с лженаукой борется наука, и если следователя интересует новое в ней направление, то он, очевидно, должен узнать о нем мнение авторитетного специалиста, чья научная репутация, объективность, принципиальность не вызывает сомнения; он не может подпадать под влияние непонятной научной терминологии, о которой было сказано выше.

Ему необходимо узнать принцип исследования, его возможности, полученные результаты, мнения других экспертов, может быть, даже с противоположной позицией. Есть много знающих, опытных, творчески мыслящих специалистов, экспертов, которые в состоянии дать следователю полезный совет [246, с. 50–57]. Именно к ним в первую очередь и должен обращаться следователь.

Говоря о классификации экспертиз, необходимо осветить вопрос о состязательной экспертизе и одновременно высказать мнение о состязательности уголовного процесса и адвокатском расследовании.

О принципе состязательности известно давно, и в классической теории английского уголовного процесса он рассматривался в качестве основного, наряду с презумпцией невиновности и гласностью [241, с. 413–419]. В дореволюционной России о нем писали С. И. Викторский, В. К. Случевский, Н. Н. Розин, И. Я. Фойницкий, другие видные ученые.

В УПК РСФСР 1960 г. этот принцип отсутствовал, но о нем все же писали. Указывалось, что он относится к числу спорных понятий науки уголовного процесса. Его и признавали, и обходили молчанием, так как в законе не было понятия «стороны», а только «участники уголовного процесса». Проводилась мысль о том, что его гораздо правильнее называть принципом процессуального равноправия участников судебного разбирательства, что нашло отражение в ст. 14 УПК РСФСР [207, с. 81–83].

Только лишь в 1993 г. ст. 429 УПК РСФСР указала, что производство в суде присяжных основывается на принципе состязательности. Учитывая неблагоприятную ситуацию в уголовном

судопроизводстве и правосудии, Концепция судебной реформы пришла к выводу о необходимости всемерного развития принципа состязательности на досудебной стадии процесса. В настоящее время ст. 123 Конституции РФ установила, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности, и этот же принцип закреплен в ст. 15 УПК РФ. Имеется большое количество работ, диссертационных исследований по указанной теме, но принцип состязательности так и остался одной из самых дискуссионных проблем науки уголовного процесса; не без основания говорится о том, что он в полной мере не действует на досудебной стадии, что стороны обвинения не равноправны, и что их равенство вообще вряд ли осуществимо [67; 136; 231, с. 99–103; 254]¹.

Отечественный уголовный процесс относится к смешанному типу процесса, что характерно для стран континентальной системы права, хотя многие из них имеют свои особенности. На судебной стадии состязательность сторон реализована (во всяком случае, формально), на предварительном следствии ее действительно нет. С этим некоторые теоретики не согласны, призывают реализовать состязательность в полной мере, и при этом не обходится без крайностей. Ссылаясь на опыт США, предлагают расширить права защиты, ввести адвокатское расследование, предоставить адвокатам право совершения следственных и процессуальных действий с составлением процессуальных документов. Результаты адвокатского расследования (адвокатское дело) с защитительным заключением предлагается направлять прокурору или в суд. Это объявляется демократической тенденцией, путем создания самого совершенного типа уголовного процесса [44, с. 21–30].

Е. Г. Мартыничук утверждает, что адвокатское расследование, в том числе частная поисковая деятельность адвоката, — это форма контроля гражданского общества за объективностью дознания и предварительного следствия, призванная восполнить их изъяны [138]. З. С. Дзансолова пишет, что адвокату необходимо

¹ См. также работы А. О. Машковец, Е. А. Карякина, В. В. Супрыткина и др.

дать право назначать экспертизу в государственном и негосударственном судебно-экспертном учреждении, а сами учреждения вывести из правоохранительной системы и создать единый экспертный орган. З. С. Дзансолова отстаивает свою позицию, хотя и признает, что правовой базы состязательной экспертизы нет, доверие к ней отсутствует, так как она проводится за плату, а определить компетенцию независимого эксперта сложно [70, с. 91–92].

Еще более категоричен М. А. Осьмаков, считающий, что институт адвокатского расследования необходимо ввести в уголовный процесс, а ст. 150 УПК РФ должна закрепить его как третью форму наряду с дознанием и предварительным следствием; результатом предварительного и адвокатского расследования должно стать консенсуальное соглашение; необходимо законодательно закрепить институт независимых экспертиз; предусмотреть уголовную ответственность за воспрепятствование деятельности адвокатов; узаконить право адвоката на разведопрос (отметим, что негласный зашифрованный опрос — это в чистом виде оперативно-розыскное мероприятие). Все это, по мнению автора, является главным инструментом перехода от инквизиционного процесса к состязательному [155].

Есть много других работ и диссертаций по вопросу состязательности в уголовном процессе, адвокатском расследовании и независимой экспертизе. Проанализировать и даже перечислить их возможности нет. Однако все они указывают, что указанная тема порождает множество проблем и противоречий. Предлагается изучить опыт других стран. (Такое изучение необходимо, но копирование западных стандартов исключается полностью.) Объединяет названных и других исследователей то, что законченной полностью модели системы досудебной стадии состязательного процесса нет. Ряд предложений заслуживает внимания, но в целом представленные варианты никакой критики не выдерживают. В первую очередь это относится к самой идее адвокатского расследования, противоречащей разделению

уголовно-процессуальных функций, сочетание которых и составляет основу именно инквизиционного процесса. Как правильно указывает А. В. Смирнов, состязательного процесса в чистом виде вообще не существует [205]. По действующему законодательству на судебной стадии он является состязательным, и это никто оспаривает. Суды действительно иногда выносят неправосудные приговоры, но причина не в нарушении состязательности, а в ином — часто это низкое качество следствия. На досудебной стадии состязательности нет, стороны неравноправны, но такова реальность борьбы с преступностью. Позиция Е. Г. Мартынич, заключающаяся в том, что адвокат может осуществлять контроль за следствием и восполнять его изъяны, в корне неверна. Есть руководитель следственного органа, и есть прокурор. Вот кто осуществляет контроль и надзор за следствием. Отчасти эти функции есть и у суда, но это неправильно, поскольку суд должен быть полностью отстранен от досудебной стадии. Он не отстранен, и это не что иное, как следование западной модели уголовного процесса.

Уголовно-процессуальное задержание в порядке ст. 91 УПК РФ — очень ответственное процессуальное действие, способное породить тяжкие последствия. Поэтому в свое время возникла мысль об общественном контроле за ним. Был даже законопроект, оставшийся нереализованным, поскольку не было ясного представления об его механизме. Нередкая ситуация — в наличии все основания для задержания, даже признание, а в действительности лицо преступления не совершало. Таковы реалии. Адвокат может лишь ходатайствовать об освобождении лица из ИВС, но и только. Его задача не в контроле и надзоре, а в оказании юридической помощи подзащитному. А о какой консенсуальной сделке между следствием и защитой, противоположными сторонами процесса, может идти речь? Подобные концепции настолько несостоятельны, что даже нет необходимости их опровергать. Это же относится и к идее адвокатского расследования. Расследование — это исключительно государственная

деятельность, которую нельзя кому-либо делегировать. Для нее необходимо знание методики расследования, следственный опыт, криминалистическое сопровождение, содействие органа дознания, многое другое.

Предложено, чтобы обыск по ходатайству адвоката проводили судебные приставы, у которых такого права не было и нет, у которых совершенно другая сфера деятельности. Если при следственных действиях будут выявлены факты, избобличающие подзащитного, то какова должна быть его позиция? Под угрозой лишения своего статуса адвокат не имеет права ухудшать его положение. Значит, он должен о них умолчать, как-то нейтрализовать, а это будет не что иное, как фальсификация доказательств.

Государство коррумпировано, коррупция поразила и правоохранительную систему, и этот факт нельзя игнорировать. Если так, то о каком адвокатском расследовании может идти речь, тем более что нет ясной картины, представления, каким оно должно быть? Сказанное в полной мере относится и к состязательной экспертизе. Правильно пишет А. А. Эксархопуло, что станет только хуже, если состязательность на досудебной стадии примет гипертрофированные формы. Расследование параллельно двумя состязаемыми и имеющими противоположные интересы, но равные возможности сторонами будет обречено [264, с. 62–63].

Все это сказано при полном понимании того, что уровень современной следственной работы назвать удовлетворительным сложно [189]. Многие дела возбуждаются незаконно, а возбужденные на законном основании — прекращаются. Следователи часто не в состоянии доказать вину преступника и тем более установить его. Они во многом зависят от органа дознания. Расследование носит поверхностный характер, нередко наблюдается обвинительный уклон. Законные права лиц нарушаются, обоснованные ходатайства обвиняемых, их защитников игнорируются. Все это известно, известны и причины такого положения [248; 249]. Однако адвокатское расследование не изменит ситуацию в лучшую сторону, тем более, что законом оно не

предусмотрено, и нет даже четкой картины, каким оно должно быть. Помимо прочего, решить организационные проблемы в настоящее время совершенно нереально.

Тем не менее исправление существующей ситуации возможно, хотя это длительный процесс. В чем он заключается? Требуется кадровый следственный аппарат с глубокими знаниями, опытом работы и специализацией. Ждать положительных результатов от следователя со стажем 1–2 года по меньшей мере наивно. Необходимо криминалистическое, техническое обеспечение следственной деятельности, надо покончить с зависимостью следователя от органа дознания. Следователь должен быть полностью объективен и понимать, что принцип презумпции невиновности — это не пустой звук. Этому еще надо добиться, поскольку в силу специфики следственной работы у многих вырабатывается обвинительный уклон. В случае обоснованного ходатайства обвиняемого, его защитника о проведении следственного действия, назначения экспертизы оно должно быть выполнено, и это нельзя рассматривать как умаление имиджа следователя, его полномочий или противодействие расследованию. И, разумеется, за деятельностью самого опытного, добросовестного следователя необходим надзор, не имеющий ничего общего с мелочным, тотальным контролем, способным нейтрализовать работу любого профессионала.

Однако наше исследование о другом. В настоящем разделе, посвященном состязательной экспертизе, меньше всего сказано о ней самой. Объясняется это просто — действующим законом она не предусмотрена, соответственно нет ее и на практике. Сторонники состязательной экспертизы в своих исследованиях призывают к ее реализации, но все же ее четкая модель отсутствует. Считаем, что предпосылок законодательного закрепления ее в УПК РФ нет. Можно согласиться с состязательной экспертизой, но только лишь в принципе. Поэтому полностью разделяем мнение Е. А. Зайцевой, которая пишет, что на современном этапе развития российского общества нецелесообразно

и преждевременно искусственным путем распространять принцип состязательности на все стадии процесса, игнорируя его исторические традиции и закономерности развития [75, с. 21]. Когда придет время, необходимость и возможность состязательной экспертизы станет очевидной. В настоящее время предложение включить ее в уголовный процесс больше похоже на копирование западных стандартов.

Завершая тему о классификации судебных экспертиз, следует сказать, что в законченном виде ее в настоящее время нет. Если учитывать постоянный рост наук и экспертиз на их основе, то трудно сказать, когда такое время наступит. Более реально говорить о классификации экспертиз по тем или иным основаниям на текущий момент. С течением времени криминалистика должна пересматривать сложившуюся классификацию и в случае необходимости вносить необходимые изменения.

2.3 Проблема судебных экспертиз на основе общественных наук

Считаем необходимым высказать мнение по поводу экспертиз, основанных на общественных науках. Таких экспертиз немало и становится все больше. Оценка их выводов, да и сама правомочность далеко не однозначны.

Экспертизы, базирующиеся на общественных науках, называют гуманитарными, социогуманитарными или социокультурологическими; некоторые из них не подпадают под названные определения. Часто они являются комплексными, поскольку для их производства предполагаются познания в области социологии, истории, этнографии, этносоциологии, психологии и других наук. В настоящее время такие экспертизы нашли применение в уголовном судопроизводстве и разрешают широкий круг вопросов [53]. Среди них экстремистская деятельность, наличие в тексте оскорблений, клеветы, порнографического содержания, рекламы алкогольной продукции, предоставления платных

интимных услуг, информации о способах совершения самоубийства и т. д. Соединение воедино таких разнородных понятий, как экстремистская деятельность, недобросовестная реклама, клевета, не может не вызывать сомнения и, считаем, в целом не подпадает под понятие гуманитарной экспертизы, хотя оно и весьма объемно. Подобные и другие не менее странные экспертизы часто проводят негосударственные экспертные учреждения (например, АНО «Центр социокультурных экспертиз»), деятельность которых получает у специалистов резко отрицательную оценку. Совершенно недопустимо, чтобы такие экспертизы, их выводы, без какой-либо критической оценки принимали во внимание следствие и суд. Их производство поставлено на поток, суд переписывает абсурдные выводы в приговор, повторяя их стиль и грамматические ошибки. Абсурдность нередко очевидна. Надпись на майке «убей в себе раба» расценивается как призыв к насилию, свержению конституционного строя и другим противоправным действиям только потому, что в тексте присутствует слово «убей» [144]. При таком подходе преступником можно объявить любого, и это, видимо, не случайно.

Методик проведения гуманитарных экспертиз нет, проблематично само их создание. Главное с нашей точки зрения — нередко нет никакой необходимости в их назначении. Например, лозунг с призывом спасти Россию на фоне свастики. И вот при такой примитивной ситуации назначается экспертиза, на разрешение которой ставится 19 вопросов. Один из них — что означает свастика? Свастика является древним религиозным символом; в нашей стране и большинстве других стран она ассоциируется с фашизмом, с Великой Отечественной войной, и это общеизвестно. Неужели здесь нужны специальные познания? Разве сам следователь не в состоянии дать оценку призыву? Как человек с высшим образованием сотрудник правоохранительных органов должен знать, что означает свастика, а если не знает, то он может обратиться к справочной литературе или получить консультацию у специалиста.

Как юрист он обязан знать, что ст. 20.3 КоАП РФ предусматривает ответственность за публичную демонстрацию нацистской символики, разумеется, с предварительным исследованием субъективной стороны деяния. А разве не абсурдно, что такую «экспертизу» провел математик на том основании, что он имеет университетское образование? На практике подобное не редкость. Таких «специалистов» называют экспертами по вызову. Их некомпетентность, необъективность сочетаются с готовностью дать нужное заключение. Многие современные религиоведы — это в прошлом специалисты по научному атеизму, в котором научного было очень мало, зато в избытке сознательного искажения фактов, клеветы, оскорбительного отношения к религии и верующим, глумления над их убеждениями. В обществе изменилось отношение к религии — сразу изменились и носители научного атеизма. Правильную оценку таким специалистам дал писатель и публицист П. Г. Проценко в статье «Советские перевертыши. От автора Политиздата к “христианскому писателю” и обратно»¹. Не случайно у общественности нет никакого доверия к таким экспертам и экспертизам, что, в свою очередь, порождает недоверие к суду и к правосудию в целом.

Указанные критические замечания не означают отрицания гуманитарных экспертиз; они возможны, а в каких-то случаях и необходимы. Исключаем лишь их тотальное непризнание, равно как и слепое доверие к их выводам.

Считаем возможным и необходимым высказать мнение о некоторых гуманитарных экспертизах.

Автороведческая экспертиза

Такая экспертиза существует. Распространенной ее назвать нельзя, и лишь в последние годы она получила более широкое применение. Часто ее проводят негосударственные экспертные учреждения. Утверждается, что она в состоянии установить авторство произведения, текста, в том числе анонимного,

¹ Экспресс-хроника. 1999. № 3.

документа и даже рекламного объявления. В действительности эта экспертиза в состоянии представить диагностические сведения: предположительную информацию об авторе, условиях, времени создания текста. Утверждение, что возможно определение пола, возраста, национальной принадлежности сомнительно и еще более сомнительна идентификация автора и текста. Например, идет длительная дискуссия об авторстве В. Шекспира, но окончательного вывода нет. Высказано мнение, что автором поэмы «Витязь в тигровой шкуре» является не Ш. Руставели, хотя это имя присутствует в самом тексте произведения. Не один век ведутся споры насчет того, Гомер ли создал поэмы «Илиада» и «Одиссея». Десятилетиями обсуждается вопрос об авторстве «Тихого Дона». М. А. Шолохов стал лауреатом Нобелевской премии, а это означает, что оно, казалось бы, установлено достоверно. В то же время имеются весьма серьезные аргументы, опровергающие эту позицию и с которыми нельзя не считаться [51; 109]. Пример последних лет. Мало кто верит, что «Малая земля» написана лично Л. И. Брежневым. Но можно ли это доказать экспертным путем? Для этого требуется сравнительное исследование, но сравнивать нечего. Свои речи, выступления Л. И. Брежнев лишь редактировал, но писали их иные люди. Написание речей — устоявшаяся практика в деятельности политиков всех стран, и это вполне нормальное явление. Однако для криминалистического исследования они не пригодны. Поэтому главная задача автороведческой экспертизы — установление автора текста — вряд ли осуществима.

Лингвистическая экспертиза

Это относительно новый вид судебной экспертизы; иногда ее считают аналогом автороведческой, поскольку она исследует продукцию речевой деятельности. Отрицать указанную экспертизу не следует, но оценить ее эффективность сложно. Нередко ее выводы могут быть подвержены самой серьезной критике. Основания для этого имеются. Так, одно негосударственное

экспертное учреждение, проводящее от сантехнических до баллистических исследований, предлагает 11 видов лингвистических экспертиз с разрешением десятков вопросов. Среди них, например, является ли слово нецензурным, неприличным, оскорбительным; каковы были смысл разговора и его тема, содержалась ли в нем угроза; были ли использованы принципы морали и гуманизма; каков смысл документа и т. д. Не видим необходимости комментировать указанные вопросы. Считаем, что следователь даже с минимальным опытом работы просто не должен принимать их во внимание.

Утверждается, что лингвистическая экспертиза — «мощное оружие» для тех, кто хочет себя защитить от ложного обвинения по делам о взятках, что ее помощь в целом неопределима. Одновременно гарантируется установление авторства документа с определением «личных интересов автора и его гендерных особенностей», толкование расписок и многое другое. Что-то из этого многообразия может заинтересовать начинающего следователя, и не каждого насторожит самовосхваление, гарантии, явное завышение возможностей экспертизы, не получившей до настоящего времени общепризнанной оценки.

Продолжая критические замечания в адрес лингвистической экспертизы, отметим следующее. Обычно люди пишут и говорят для того, чтобы их услышали и восприняли то, что было сказано. Символизм, аллегории — это литературные приемы, выражающие творческую индивидуальность автора. Д. Оруэлл имел полную возможность открыто написать то, что он думал о СССР. Однако его «Скотный двор» — сказка, сказка про животных, но она действует во много раз сильнее, нежели простое перечисление каких-либо фактов. То же самое можно сказать о баснях И. А. Крылова и сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина. Иногда символизм таков, что его в состоянии воспринять лишь немногие. Например, «Петербург» А. Белого в полной мере доступен лишь людям с высоким уровнем культуры и образования, как и произведения Ф. Ницше, Ф. Кафки и иных авторов.

В повседневной жизни унижение чести и достоинства, оскорбление, экстремистские высказывания воспринимаются, осознаются как таковые без всякой экспертизы, и разъяснения лингвистов не требуются. Несколько странным выглядит предложение устанавливать смысл рекламы. Она может быть оскорбительной, как и театральные афиши, иная печатная продукция. При этом никаких специальных познаний не требуется. Такова же оценка психолингвистической, нейролингвистической экспертизы, хотя последняя претендует на установление автора текста и его психологического портрета. Специалистов по таким экспертизам нет, методики их проведения отсутствуют, сами лингвисты признают, что такая экспертиза находится в стадии становления, хотя и приобретает популярность. Считаем, что в выводах таких экспертиз в основном лежит субъективное мнение лингвиста или психолога, а оно может быть как подлинным, так и ошибочным.

В свое время приказом Генерального прокурора РФ от 3 апреля 1995 г. предписывалось усилить борьбу против идеологии фашизма и иных форм политического экстремизма. Требовалось привлекать к таким делам специалистов и назначать экспертизы, но ничего конкретного по этому поводу не говорилось. О. Н. Коршунова считает, что по делам о политическом экстремизме необходимо проводить социогуманитарную экспертизу с участием специалистов многих гуманитарных профессий: историков, этнографов, социологов, психологов и иных [111, с. 273–278]. Об этом нам еще предстоит сказать более подробно по тексту работы. Предваряя то, что будет сказано на эту тему, отметим, что, по нашему мнению, отношение к лингвистической экспертизе должно быть достаточно осторожным. Нельзя ее рассматривать, как предлагается, в качестве «мощного оружия» при расследовании чуть ли не всех преступлений. Нельзя забывать, что ее могут использовать в борьбе с инакомыслием, просто манипулируя текстом. В одном и том же тексте находят оскорбление власти, призывы к массовым беспорядкам, захвату власти, мятежу, отказу платить налоги и многим другим противоправным действиям.

Все это квалифицируется по ст. 212 УК РФ, а через какое-то время по ст. 280 УК РФ. Нечто подобное имело место по нашумевшему уголовному делу в отношении видеоблогера, студента ВШЭ Егора Жукова, экспертизу по которому проводил кандидат физико-математических наук. Группа авторитетных ученых-лингвистов признала ее выводы полностью несостоятельными. Полагаем, что вообще не было необходимости в лингвистической экспертизе, и следователь мог самостоятельно определить, имелись в тексте призывы к мятежу и захвату власти или нет.

Историческая экспертиза

Существует историческая экспертиза, имеющая печатный орган — журнал с одноименным названием, осуществляющий свою деятельность на основании Положения о государственной историко-культурной экспертизе, принятого постановлением правительства от 15 июля 2009 г. Экспертиза является внесудебной. Возможна ли она в уголовном судопроизводстве, и если да, то являются ли ее выводы доказательством? Полагаем, что она возможна и, во всяком случае, не исключается, хотя бы потому, что никаких запретов в этом отношении не существует. При этом надо учитывать, что даже крупные специалисты на одном и том же историческом материале по-разному оценивали события прошлого, причем оценка может кардинально меняться в зависимости от времени и иных факторов. Так, революция 1917 г. рассматривалась как величайшее событие в истории человечества, а в настоящее время многие считают, что это был инспирированный извне государственный переворот, повлекший за собой трагические последствия для России. В любом случае объяснение феномена 1917 г. необходимо.

А. Ф. Керенский писал, что Германия, прислав нам Ленина, отравила Россию большевизмом. Разумеется, его оценка не столь проста, но он, безусловно, прав в том, что понять современное положение России можно, лишь объяснив события 1917 г. Мнение, что все историческое прошлое страны подготовило большевистское варварство, абсолютно бессмысленно [87, с. 8; 368].

Один и тот же человек объявляется преступником, а впоследствии национальным героем и наоборот. Как, например, оценить деятельность И. Грозного или патриарха Никона? Это сложный вопрос, и ответ на него не может быть однозначным, и разрешается он, естественно, не путем экспертного исследования. Тем не менее в уголовном судопроизводстве приходится сталкиваться с историческими личностями, событиями и давать им правовую оценку. Например, неоднократно проводились исследования гибели царевича Дмитрия в Угличе в 1591 г. — события, по мнению некоторых специалистов, имевшего для России судьбоносное значение. Оценка давалась по материалам сохранившегося следственного дела.

Убийство Г. Распутина в 1916 г. раскрыли очень быстро, но оно вновь расследовалось уже при Временном правительстве. В 2004 г. после рассекречивания многочисленных секретных архивов английские специалисты сделали вывод, что операцию по устранению Распутина разработали английские спецслужбы, санкционировали высшие должностные лица, а непосредственное участие в ней принял английский агент О. Райнер.

В 1918 г. следователи А. П. Наметкин, И. А. Сергеев, затем Н. А. Соколов расследовали дело об убийстве царской семьи Романовых. В 1976 г. инициативная группа Г. Г. Рябова вела поиск останков тел убитых и нашла их. Только лишь в 1993 г. после изменения политической ситуации в стране было возбуждено уголовное дело по факту обнаружения костных останков неизвестных лиц, проводились многочисленные судебные экспертизы. В 1994 г. создали специальную группу под руководством академика И.Д. Ковальченко, которая занималась поиском и исследованием документов, хранящихся в государственных и ведомственных архивах. Потребовалось изучение материалов в архивах Англии, Германии, Швейцарии, США и других странах. Только лишь в 1998 г. пришли к выводу, что обнаруженные останки принадлежат Романовым и лицам из их окружения. Установили виновных, а дело прекратили на основании ст. 5

п. 8 УПК РСФСР. Однако не все удалось выяснить до конца, не ко всем архивным материалам получили доступ. Стало очевидным, что без изучения всех исторических архивных материалов сделать конкретные выводы невозможно [185]. Поэтому Следственный комитет РФ в 2015 г. возобновил расследование. По делу вновь назначено большое количество экспертиз, в том числе криптографическая и историко-архивная экспертизы. Задача экспертов – изучить большое количество исторических и архивных документов, как отечественных, так и зарубежных.

В наши дни возобновлено расследование в отношении Ф. Каплан, совершившей в 1918 г. покушение на В. И. Ленина. Следствие пришло к выводу, что ее вина полностью доказана, но принятию такого решения предшествовала большая работа с архивами. Сообщалось, что имелся лишь материал дознания, а уголовного дела как такового не было, поскольку процессуальными процедурами себя в то время никто не утруждал. Невольно возникает вопрос: откуда появилась уверенность, что вина Каплан полностью доказана?

В 1934 г. в Ленинграде в Смольном был убит видный государственный деятель СССР С.М. Киров. За это преступление к расстрелу приговорили Л. Николаева и еще 13 человек. Признали наличие заговора, что повлекло за собой массовые репрессии. В 1990 г. вновь приступили к расследованию этого дела. Потребовалось изучение многих архивных документов. Проанализировали политическую и оперативную обстановку в стране и в Ленинграде, уголовные дела в отношении высокопоставленных должностных лиц НКВД, личностей агентов, оперативные документы. Лишь в 2009 г. рассекретили личный дневник Николаева. Окончательный вывод: убийство Кирова совершил Николаев по личным мотивам. Заговора не было [36].

Таким образом, проведение исторических экспертиз возможно и, может быть, даже необходимо. Очевидно, их следует называть историко-архивными, так как предполагается изучение, анализ архивов, а это сфера специальных познаний. Архивов

очень много, значительная часть их засекречена. До последнего времени были архивы, о наличии которых не знали даже историки. Возможно, таковые существуют и в настоящее время. Необходимо учитывать, что архивы уничтожались, фальсифицировались, их рассекречивали и вновь засекречивали. Изучение архивов — это не просто чтение того или иного документа; это именно исследование — то, что составляет сущность любой экспертизы.

Историческая экспертиза необходима для восстановления исторической справедливости, реабилитации жертв репрессий и невинно осужденных и иных целей. Например, деятельность организации «Молодая Гвардия» в период Великой Отечественной войны. Установлено, что руководил ею не О. Кошевой, а И. Туркенич, которому присвоили звание Героя Советского Союза лишь в 1990 г. (через 46 лет). Организовал «Молодую гвардию» В. Третьякевич, на протяжении многих лет считавшийся предателем. Он был реабилитирован и посмертно награжден. Есть мнение, что к выявлению организации причастны не менее 16 человек, многие из которых были выведены в романе А. Фадеева под подлинными именами. З. Вырикова, О. Лядская и другие были осуждены к длительным срокам лишения свободы, а реабилитированы лишь в 1990 г. Некоторые исследователи считают, что предателей вообще не было, а разоблачение «Молодой гвардии» произошло из-за отсутствия конспирации и неопытности ее членов, многие из которых являлись несовершеннолетними. О. Кошевому было 16 лет, а кому-то вообще 14. Могли ли эти, в сущности, дети противостоять опыту немецкой сыскной системы и ее агентурному аппарату? Разоблачение «Молодой гвардии», скорее всего, сочетание многих факторов, главный из которых — несоответствие сил немецкой стороны и подпольщиков. История «Молодой гвардии» — это и людские судьбы, жизненные трагедии ее участников, их родных и близких. Разобраться в ней не только можно, но и нужно. В советский период этому препятствовала идеология, а в настоящее

время — секретность архивов. Следователи и эксперты должны получить к ним доступ, сознавая, что многие документы как немецкой, так и советской стороны фальсифицированы. Но установить правду можно. В противном случае должен действовать принцип презумпции невиновности, и такие случаи известны. Так, в 1992 г., спустя 72 года, прокуратура Омской области вынесла постановление о полной реабилитации М. Л. Бочкаревой, которую называют русской Жанной д'Арк, расстрелянной в 1920 г. Впрочем, документов о расстреле нет; есть сведения, разумеется недостоверные и маловероятные, о том, что она осталась жива и умерла после 1945 г. Конкретно ничего не известно, поэтому и должен действовать названный принцип.

Неясность исторического события может серьезно осложнить отношения между государствами. Пример — расстрел в Катыни 20 тысяч польских офицеров перед войной. Дело неоднократно расследовали многочисленные комиссии (в том числе комиссия Конгресса США), в работе которых активное участие принимали и историки. Десятилетиями шел поиск документов. В итоге, после долгих лет отрицания, российская сторона признала расстрел в Катыни и квалифицировала его как преступление сталинизма. Впрочем, есть и те, кто с таким выводом не согласен. Число подобных дел увеличивается. Одно из них — расстрел в Куропатах, жертвами которого стали не менее 30 тысяч человек. Дело неоднократно расследовалось, но одним из главных препятствий явилось почти полное отсутствие документов в архивах спецслужб [124, с. 6–9]. В 2019 г. СУ СК РФ по Новгородской области возбудило уголовное дело по ст. 357 УК РФ (геноцид) по факту расстрела мирного населения в 1941–1943 гг., число которых может достигать 5000 жертв. Известны имена многих участников этих событий, предполагается, что какая-то часть из них живы и находятся вне пределов РФ. Высказано мнение, что некоторые высокопоставленные политики нашего времени были связаны с виновными, то есть ситуация переходит уже в область политики. Сейчас преждевременно делать выводы о том, что

было в действительности. Нужны конкретные факты, доказательства, а они могут быть получены лишь в ходе расследования с изучением архивных данных.

Следует учитывать, что историческая (историко-архивная) экспертиза решает не глобальные вопросы истории, а оказывает содействие при расследовании конкретного дела и является лишь одним из видов доказывания. Она проводится по небольшой категории дел, но, учитывая тенденцию пересмотра исторических событий и участвовавших в ней лиц, она может стать более востребованной. Трудности ее назначения и производства очевидны, поэтому криминалисты должны обратить на нее более пристальное внимание.

Религиоведческая экспертиза

Религиоведческие экспертизы проводились, хотя и редко, еще в дореволюционной России, в частности по широко известному делу М. Бейлиса и так называемому Мултанскому делу, в отношении большой группы крестьян-удмуртов, по которому в качестве экспертов привлекли священнослужителей, историков и этнографов.

В 1922 г. в Москве, как и в других городах, проходил процесс о сопротивлении изъятию церковных ценностей. Перед богословской экспертизой поставили довольно странный вопрос: задевает ли изъятие ценностей религиозное чувство верующих? Кто-то остался к изъятию равнодушным, другие отдавали свои жизни, препятствуя действиям властей. В настоящее время установлены памятники погибшим при защите ценностей. Жертв было немало, хотя точное число неизвестно, и цифры различаются в тысячи раз. (Называют от 20 до 100 тысяч погибших) [239, с. 40–51]. Существуют церковные каноны, определяющие статус церковного имущества, его использования, изъятия, в том числе и для небогослужебных целей, но власти руководствовались не ими, а другими соображениями. В качестве эксперта привлекли обновленческого епископа Антонина (Грановского) — крайне

противоречивую личность, который в силу отношений с официальной церковью не мог быть объективен. Антонин дал уклончивый ответ: изъятие не должно задевать религиозные чувства, но его заключение явилось одним из доказательств по делу. В итоге 11 смертных приговоров, которые безуспешно обжаловал и сам «эксперт». Впрочем, говорить о правосудии, законности, объективности таких процессов не приходится, поскольку их исход был заранее predetermined, что нашло отражение в секретных документах.

В послевоенный период (1953–1956 гг.) по делам в отношении верующих назначались идеологические экспертизы, которые проводили «видные ученые», доказывавшие реакционную роль и антиобщественную сущность христианского вероучения, которое исповедуют сотни миллионов людей во всех странах мира. Наказание, как правило, было одно — 25 лет лишения свободы. Сейчас отдельные участники этих позорных процессов признают, что меры были слишком суровы, но находят для себя оправдание и даже что-то и кого-то обличают [213]. Затем появилась сектантоведческая экспертиза, которая проводилась часто в отношении протестантских деятелей, которых осуждали за антисоветскую пропаганду, шпионаж и другие надуманные преступления. Особенностью этих дел было то, что исход был очевиден еще на стадии их возбуждения. М. П. Кулаков, В. А. Шелков, Г. П. Винс, Ф. В. Маховицкий, многие другие являлись законопослушными гражданами, а не преступниками. Они считали, что реализуют свое право на свободу совести, но государство расценивало ее как противозаконную, препятствующую атеистической политике, направленной на полное уничтожение религии, что открыто провозглашалось. Многие из ранее осужденных признаны жертвами политических репрессий. Подобная практика ушла в прошлое, но дела, имеющие религиозную подоплеку, есть, и число их растет.

В стране функционирует Совет по государственной религиозной экспертизе, действующий на основании приказа министерства

юстиции от 18 февраля 2009 г. Его задача – решение вопроса о государственной регистрации религиозных объединений, их уставов, изменений в них. Это непростая деятельность, особенно учитывая появление в стране ранее неизвестных организаций, таких как «Армия Спасения», «Аум Сенрикё» Асахары, казненного по приговору суда в Японии, церковь Муна, церковь саентологов, и многих других. В некоторых субъектах РФ, примерно 20% религиозных организаций действуют без юридической регистрации. В отношении их и должен высказать свое мнение указанный Совет, решения которого носят рекомендательный характер. Проводимые им экспертизы являются внесудебными. К уголовному процессу, криминалистике они отношения не имеют. В то же время в стране много убийств священников. В их числе А. Мень, П. Адельгейм, Д. Сысоев, иеромонах Григорий (Яковлев) и другие. В целом священнослужители – уважаемая социальная группа. В чем же причина убийств? Часто она проста, прямого отношения к религии не имеет и никак с ней не связана. Ряд священнослужителей давали приют ранее судимым, бродягам, алкоголикам, которые начинали требовать, вымогать деньги на спиртное, наркотики, а в итоге совершали преступление. Часть из них пыталась совершить хищения личного имущества потерпевших, церковной утвари, икон. Некоторые священники стали жертвами психически больных. Так, Н. Аверин при помощи ножа с религиозной символикой на Пасху совершил убийство трех монахов Оптиной пустыни. Впоследствии он был признан невменяемым [105, с. 165–169]. Часть преступлений в отношении священников раскрыть не удалось, поэтому говорить об их мотивах сложно. Одна из версий убийства Д. Сысоева – его активная миссионерская деятельность среди мусульманского населения, но это лишь предположение, хотя и обоснованное. Ничего определенного нельзя сказать и по факту убийства такой неординарной личности, как А. Мень; здесь не исключается и тривиальный хулиганский мотив. Таким образом, при расследовании указанных дел, в том числе и нераскрытых, знания религии не требуется,

кроме общедоступных. Вполне возможно получение консультаций, но экспертные исследования в области религии не нужны. Необходимости в них нет, когда не вполне ясна сама суть происшествия, как, например, гибель при дорожно-транспортном происшествии иеромонаха Рафаила (Огородникова), старообрядческого священника Е. Бобкова и других. Но версия о преступлении должна присутствовать в обязательном порядке. Все остальное — сфера криминалистики, методики расследования.

Известны дела об убийствах, совершенных сатанистами. Сатанизм в нашей стране был неизвестен, но в последнее время получил некоторое распространение. Практика показывает, что так называемые сатанисты — это молодые люди с низким культурным уровнем развития, примитивным кругозором; многие из них употребляют спиртное и наркотики. Среди них есть лица с расстройством психики и просто невменяемые. Для них главное — атрибутика, символика, стиль одежды, эпатажное поведение. Какая-либо идеология, философия у них полностью отсутствует. Судебно-психиатрическая экспертиза по таким делам нужна, но в религиозоведческой необходимости нет. По известным нам делам она не проводилась, и вопрос о ней не возникал ни на следствии, ни в суде.

Есть дела и иного рода. В Пензенской области некий Н. Кузнецов в ожидании «конца света» увел в пещеру группу единоверцев, среди которых были и несовершеннолетние. Тем самым он создал реальную угрозу их жизни и здоровью. Однако уход был добровольным, многие члены группы длительное время отказывались покинуть пещеру. И в настоящее время есть люди, уходящие в затвор, в глухую тайгу, в том числе и с детьми. Более того, известны единичные случаи самоубийств при попытке пресечь их отшельнический образ жизни. Оценить подобное сложно. Скажем лишь, что каждый имеет право на образ жизни, свободу совести и ее реализацию, а вопрос об уголовной ответственности может возникнуть лишь при преступном посягательстве на жизнь и здоровье других людей. В действиях Кузнецова

имелись лишь признаки преступления, но априори утверждать, что он его совершил, нельзя. Вряд ли при расследовании таких преступлений необходима религиозоведческая экспертиза, и даже непонятно, на какие вопросы она могла бы дать ответы.

Действия М. Цвигун, объявившей себя мессией, а своего мужа Ю. Кривоногова — пророком, Г. Грабового, обещавшего воскресить погибших детей за деньги, — элементарное мошенничество, и никакие специальные знания при расследовании таких дел не нужны.

Многочисленные дела подобного рода к религии имеют минимальное отношение, а может быть, и вообще не имеют. В 2015 г. митрополит Тихон (Новосибирск) обратился с заявлением в прокуратуру по поводу постановки оперы Р. Вагнера «Тангейзер». Инцидент получил всероссийскую известность, хотя по сути дела возник на пустом месте. По нашему мнению, имело место бесцеремонное искажение либретто оперы, привнесение в него элементов эротики, а вернее, не эротики, а пошлости, способной оскорбить не только верующих любой конфессии, но и людей, индифферентных к религии. Но это распространенное явление на современной сцене, прикрываемое лозунгом творчества, индивидуальностью, хотя в основе такого новаторства — бескультурие, отсутствие вкуса, самомнение и невежество. Какую-то часть общественности это, естественно, возмущает. Однако к уголовному праву, процессу театральные постановки отношения не имеют, хотя в случае с «Тангейзером» проводилась искусствоведческая и религиозоведческая экспертиза, которую выполнил доктор богословия Б. Пивоваров.

Еще больший резонанс имела акция группы «Пусси Райот» в Москве в 2012 г. Подобные выступления группа проводила на Красной площади, на Лобном месте, но они быстро забылись. Но об акции в храме Христа Спасителя, по сути дела, узнал весь мир. О ней говорили известные люди, ведущие политики, высказывался папа римский.

Действия Самуцевич и ее партнеров квалифицировали по ст. 213 ч. 2 УК РФ, по которой они и были осуждены. В них усмотрели признаки религиозной ненависти, что защита совершенно правильно расценила как полный абсурд. Что было в действительности? В действительности полминуты кривлянья на солее — и все. В композиции имел место политический подтекст, изложенный на вульгарном языке маргиналов. Потерпевшими признаны охранники храма и продавщица свечей. Проведены социологический опрос 48 тысяч граждан и три экспертизы с противоположными выводами. Зачем все это? То, что акция группы заставляет задуматься о роли церкви в обществе, не более чем домысел журналистов и ничего более, и незачем было придавать акту мелкого хулиганства статус эпохального события. Правильно было сказано, что никакие экспертизы в таких случаях не нужны — достаточно просто здравого смысла и минимального знания права, чтобы дать им соответствующую оценку. Дискуссия на эту тему бессмысленна [157, с. 77–109].

Определенные трудности возможны при рассмотрении деятельности членов нетрадиционных сект и групп, как религиозных, так и нерелигиозных. Ее оценка сложна даже для специалистов в области религии, и единства мнений по этому вопросу нет.

Некоторые религиозные группы, например бахаи, существовали в России еще до революции. Они были малочисленны, локальны, и о них мало кто знал. Сейчас в стране десятки групп бахаи, они зарегистрированы в Минюсте и действуют вполне легально. Но помимо них появились и иные: «Рериховское движение», кришнаизм, зороастризм, неоязычество, неошаманизм, «Новый Акрополь» и т. д. В отношении организации «Новый Акрополь» даже трудно сказать, является ли она религиозной или нет. Во всем мире, в том числе и в России, идет рост нового религиозного движения (НРД), и специалисты насчитывают в нем более 500 тысяч человек [77; 232]. Многие общины, группы сознательно уклоняются от регистрации, апеллируя к свободе совести, гарантированной Конституцией РФ. Их состав неоднороден,

в них немало маргиналов, злоупотребляющих спиртным, наркоманов и психически неустойчивых лиц. Эти группы находятся под оперативным наблюдением правоохранительных органов, но насколько оно эффективно — сказать сложно.

Среди НРД появляются так называемые тоталитарные, деструктивные секты, но в этом вопросе религиоведы придерживаются различных точек зрения. Однако автоматически зачислять все нетрадиционные группы в разряд деструктивных абсолютно неверно. Выяснение их сущности, регистрация — задача органов Минюста. В поле зрения органов следствия члены этих групп должны оказываться, только если совершили преступление или имеются его признаки. Вот в этом случае могут потребоваться специальные знания в области религии. Главная форма их использования — консультирование, но не исключается и проведение религиоведческой экспертизы, но это уже исходя из конкретных обстоятельств дела. Необходимо помнить, что восприятие какой-либо философской системы, религии, ее исповедание, исполнение обрядов — само по себе не преступление, а неотъемлемое право любого человека. Наказуемо лишь то, что преступно: насилие над личностью, лишение свободы, похищение человека, доведение его до самоубийства и т. д.

Сложнее дело обстоит с преступлениями экстремистского характера, имеющими религиозные мотивы. Здесь не обходится без крайностей. Экстремистской организацией признаны «Свидетели Иеговы» — христианская деноминация, члены которой никогда не практиковали насилия и к нему не призывали. Мотивы запрета — разрушение семейных ценностей, ущерб семейному бюджету, унижение человеческого достоинства, отказ от медицинской помощи и им подобные — звучат смехотворно, и они способны лишь дискредитировать государство в глазах мировой общественности, что подтверждено решениями ЕСПЧ.

Экстремистской литературой признавали Коран, Ветхий Завет, «Бхагават-Гиту», хотя «Бхагават-Гита» является составной частью «Махабхараты» — величайшего философского произведения

мировой литературы, что борцам с экстремизмом, судя по всему, неизвестно. В 2016 г. объявили экстремистским материалом серию карикатур «Великая прекрасная Россия», а в 2018 г. после длительных никчемных разбирательств пришли к выводу, что они таковыми не являются.

Экстремистский материал (статьи, листовки, аудиозаписи) адресован неопределенному кругу лиц с различным культурным и образовательным уровнем. Если он экстремистский, то он так и воспринимается, и никто не прибегает к помощи комментаторов и специалистов. Поэтому следователь в состоянии сам определить его направленность. Личное мнение, суждение, оценка автора – не экстремизм. Достоевский от лица князя Мышкина утверждал, что католицизм хуже атеизма. Суждение ошибочное, но Достоевский не экстремист, а «Идиот» не экстремистское произведение, хотя бы потому, что идея романа отнюдь не в разжигании вражды или ненависти по религиозному признаку. Русский аристократ П. А. Кропоткин, создавая свое учение, руководствовался высшими идеями о социальной справедливости и, уж конечно, не призывал к поджогам, убийствам и грабежам. Поэтому его теория анархизма и бандитизм не имеют между собой ничего общего. Не случайно Кропоткин, узнав о разгуле анархистов, обратился к Ленину с призывом обеспечить в стране законность.

Экстремизм – многозначное понятие, и сам по себе он имеет различные формы. До настоящего времени отсутствует его единообразное понимание, и во многих странах он трактуется по-разному. В нашей стране исходить следует из положений ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», хотя он и подвергается обоснованной критике за расплывчатые и широкие формулировки. Определение экстремизма должно быть по возможности конкретным, а в его основе лежать серьезные случаи и действия, сопряженные с насилием. Опасны многие формы экстремизма, а не только религиозные, но не всеми из них надо бороться уголовно-правовыми методами. Его причинами являются бедность, нищета, социальная несправедливость, ущемление

национального самосознания, наличие маргинальной среды. Эти явления надо искоренять, главным образом, экономическими, политическими, социальными мерами, просвещением.

Кроме названного закона существует Федеральный список экстремистских материалов от 21 августа 2015 г. Это правовая база, на которую должен ориентироваться следователь при расследовании дел указанной категории. В отношении использования специальных знаний по таким делам мы уже высказывали свое мнение и вновь на нем настаиваем. Оно заключается в следующем: следователь не может ставить себя в зависимость от позиции эксперта, которой всегда можно противопоставить обратное суждение и не менее авторитетное. Отмечено, что к проведению экспертиз по делам об экстремизме привлекаются историки, философы, антропологи, политологи, лингвисты, которые свое субъективное мнение выдают за научную истину. Иногда это просто случайные люди: государственные служащие, математики [68, с. 45–50].

Особая категория экспертов — бывшие специалисты по научному атеизму, благоразумно именующие себя в настоящее время историками культуры, философами, фольклористами и т. д. Мы не называем конкретных имен (они известны), но многие из них себя полностью дискредитировали, о чем свидетельствуют даже названия их работ и тем более их погромное содержание. Ничего научного, объективного там нет. Есть ложь, клевета, оскорбления, глумление над убеждениями других и призывы к решительной борьбе с религией. Сам научный атеизм активно разрушал культуру страны, литературу, философию, быт, традиции и обычаи народа, внедряя изобретенные в райкомах и обкомах языческие ритуалы и идолопоклонство. Не был ли он сам формой экстремизма?

Вообще, постижение истины в вопросах религии вряд ли возможно даже для ее глубоких знатоков, и неоднократно выдающиеся богословы прошлого признавались еретиками. Что же говорить о современных экспертах-религиоведах? Известный

специалист по вопросам религии А. Л. Дворкин имеет светское и духовное образование. Он профессор, председатель Совета по религиоведческой экспертизе при МЮ РФ и одновременно иподиакон, алтарник и чтец в православной церкви, имеет массу церковных наград от патриархов. И он же подвергается самой резкой критике за свои воззрения со стороны православного духовенства. Значит, религиозная истина не так проста, как это может показаться на первый взгляд, особенно для тех, кто далек от религии.

Необходимо иметь в виду, что задача следователя не исследование богословских проблем, а иная. Ему необходимо определить, является ли деяние противозаконным или нет, а если оно преступное, то доказать это. Поскольку это связано с религией, идеологией, даже философией, то он должен обладать определенным культурным уровнем, независимо от личного отношения к религии. К сожалению, в современном обществе уровень знания религии невысок, и следователи в этом отношении не исключение. Причина очевидна. Десятилетиями утверждалось, что религия — это пережиток прошлого, что ее служители — темные люди, фанатики, сознательные обманщики и прочий вздор. Отвергались любые идеологические воззрения, взгляды, учения, философские системы, кроме единственной — марксистской, а она если и подвергалась трансформации, то лишь с санкции высшей власти страны.

В настоящее время много изменилось, произошла переоценка исторических событий, личностей, идеологии, отказ от устоявшихся штампов. Следователь должен быть готов к этому и, соблюдая объективность, законность, более широко смотреть на вещи.

В свое время Ф. Ницше объявляли предшественником фашистской идеологии, а его имя и сам фашизм были едва ли не синонимами [234, с. 310]. Сейчас о нем пишут в ином свете, как о создателе самобытного бесценного философского учения, отвращающего людей от стадности и идолопоклонства [197, с. 4–46].

Есть и иные точки зрения. Великий русский мыслитель Н. Ф. Федоров оценивал его как блудного сына философии, философа-недоросля, пустейшего человека, а его написанные вычурным стилем афоризмы как безумный и бессмысленный бред [233, с. 120–168]. (Известно, что Ницше действительно страдал психическим заболеванием.) Так был ли он идеологом фашизма или нет? Его книга «Так говорил Заратустра» — это сплошные аллегории, понимать которые можно как угодно. Идея сверхчеловека присутствует и у Достоевского в «Преступлении и наказании». На этом основании пытаются проводить параллель между Ницше и Достоевским, но никто не рассматривает нашего классика как идеолога политики экстремизма [237, с. 251–290].

Считаем, что, прежде всего, в многообразном мире идей должен определиться сам следователь, человек с высшим гуманитарным образованием, и что он в состоянии сделать это самостоятельно. Если он это сделает, то в большинстве случаев никакие экспертизы не потребуются. Вполне возможны консультации специалистов, но решающее значение имеет позиция следователя, а не этнографа, социолога, лингвиста, тем более представителя властных структур.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Расследование дел экстремистской направленности, в том числе и на религиозной основе, предполагает наличие у следователя определенного уровня общей культуры. Это, казалось бы, аксиома, но в действительности он не всегда находится на должном уровне. Желательна специализация следователей. В противном случае негативные последствия неизбежны. Так, процесс в отношении 16 членов «Свидетелей Иеговы» в Таганроге шел с 2011 до 2016 г. и в итоге завершился отменой приговора, как в обвинительной, так и оправдательной части. Это говорит о полной несостоятельности следствия.

2. Следователь должен знать, кого можно привлечь к делу в качестве специалиста или эксперта. Ими не должны становиться некомпетентные лица, конъюнктурщики, беспринципные люди,

готовые дать любое заключение. Компетентность часто декларируется, но в действительности отсутствует. По указанной причине экспертизы делятся по 1,5–2 года и более. Такие случаи известны, и не где-нибудь, а в Москве. Иногда выводы повторной экспертизы полностью противоречат заключению первоначальной.

3. Ни при каких обстоятельствах следователь не может быть связан позицией эксперта и зависеть от нее. Именно он, а не эксперт, принимает решение по делу.

4. Использование специальных знаний по рассматриваемой категории дел иногда необходимо, но, считаем, что их основной формой должно быть консультирование. Производство религиозно-этических экспертиз не исключается, но нельзя ответить на вопрос, в каких случаях она необходима, поскольку все зависит от конкретных обстоятельств дела и специфики следственной ситуации.

Судебно-психологическая экспертиза

В отношении судебно-психологической экспертизы можно высказать следующее. Психология как учение о психической деятельности человека существует много лет, но понимание ее сущности, предмета и объекта различно. Считалось, что это не наука, а если и наука, то лишь частично. Ее не признавал академик И. П. Павлов. Аргументы — нет понятий, категорий, методов исследований. Тем не менее в настоящее время можно считать, что психология — это наука с множеством отраслей, в том числе и в области права. Судебная психология в России сложилась примерно в 70-е гг. прошлого века. Во многом это связано с работой А. Р. Ратинова «Судебная психология для следователей» (М., 1967). Однако, как отмечает один из ведущих специалистов Ф. С. Сафуанов, в ней много неясного, противоречивого, и она не в состоянии дать однозначные ответы на поставленные перед ней вопросы, а гипотетические рассуждения психолога не могут быть доказательством и носят лишь вероятный характер. Кроме того, в стране отсутствуют специализированные экспертные

учреждения, а экспертами в основном являются преподаватели психологии [196]. По ряду причин следователи не слишком часто назначают судебно-психологическую экспертизу. Даже есть мнение, что она не должна широко популяризироваться [79, с. 60–63].

В то же время нет недостатка в специалистах негосударственных структур, предлагающих проведение экспертиз по психологии рекламы, безопасности, избирательных кампаний, определению степени морального вреда, в том числе в денежном выражении и т. д. Гарантируются ответы, например, на такие вопросы:

1. Каковы глубинные причины взаимных обид, их обоснованность?
2. Имел ли Н. цель унижить Д.?
3. Какова степень психологической травмы, нравственных страданий?
4. Каковы могут быть последствия оскорбления?

Это как раз то, что вызывает недоверие к экспертам и самой экспертизе. Еще хуже, если следователь считает, что на такие вопросы могут быть получены ответы. Поэтому следователь должен знать реальные возможности судебно-психологической экспертизы и то, что она не в состоянии дать категорические выводы. Иногда наблюдается тенденция переложить на указанную экспертизу решение вопросов, относящихся исключительно к компетенции следователя. Например, лицо заявляет, что имела место взятка, взяткополучатель это отрицает. Очная ставка безрезультатна, объективных доказательств нет. С целью их получения назначается судебно-психологическая экспертиза, которая дает тот или иной ответ, воспринимаемый как доказательство, хотя в действительности им не является.

Почему Н. изменил показания; можно ли доверять его первоначальным сведениям; ложны они или нет; мог ли Н. порвать одежду на Д.; мог ли он предвидеть удар по голове? Такие вопросы и им подобные некорректны и даже бессмысленны, и тем не менее их перед экспертом-психологом ставят.

В состоянии ли психологическая экспертиза установить мотив преступления, если сам преступник, признавая фактически содеянное и ничего не скрывая, не может этого сделать? Таких ситуаций немало. Ф. С. Сафуанов считает, что мотив должен установить следователь, но психолог может выявить мотивацию (побуждение к действию) поведения виновного. Однако теорий мотивации много, и они различны [73].

По одному делу двое несовершеннолетних убили четверых взрослых мужчин и забрали у них пачку папирос и несколько монет. Как установить мотив, и вообще, каков он? Нередко, когда он неочевиден, то его произвольно определяют как хулиганский, а это неправильно [101, с. 60–64].

Гордеев, 15-летний ученик, претендент на золотую медаль, взял в заложники школьников, открыл стрельбу, в результате которой погибли люди. Свои действия не отрицал, но об их мотиве ничего вразумительного сообщить не смог. По некоторым делам в приговоре сказано, что ряд убийств совершен безмотивно (дело Ряховского). С такой позицией вряд ли можно согласиться.

Иногда сексуальные убийства не имеют или почти не имеют никаких традиционных признаков такого преступления. И наоборот, эти признаки могут казаться очевидными, хотя в действительности имели место инсценировка или стечение обстоятельств [95, с. 30–31]. Иногда виновный не желает называть подлинные мотивы своих действий, вводит следователя в заблуждение, ссылается на провал в памяти или отказывается от дачи показаний. Однако в соответствии со ст. 73 УПК РФ мотив преступления должен быть установлен и доказан. В решении этой непростой задачи может оказать содействие судебно-психологическая экспертиза [140, с. 18–19].

Что же она устанавливает? В каких случаях ее необходимо проводить? Сообщается, что она определяет индивидуальные психические особенности лица; способность правильно воспринимать обстоятельства происшествия, преступления и давать о них показания; наличие повышенной внушаемости; склонность

к фантазированию (в том числе патологическому); состояние аффекта; предрасположенность к самоубийству. Считается, что судебно-психологическая экспертиза должна проводиться в отношении психически здоровых людей, как правило несовершеннолетних. Это не всегда так. В настоящее время много вменяемых, у которых наблюдаются отклонения в сфере психики, и поведение которых, показания на следствии вызывают сомнения, иногда весьма серьезные. Однако все это относительно, как и рекомендации.

Так, известный преступник советского периода В. Вайсман многократно вводил в заблуждение должностных лиц самого высокого уровня, получал от них крупные суммы денег. Удавались попытки, причем бесцельные, обмануть сотрудников спецслужб, воспринимавших полученную информацию как подлинную, хотя в таких структурах работают отнюдь не наивные, доверчивые люди. Неоднократно принимали на веру показания несовершеннолетних, а это приводило к выдвиганию ошибочных версий, по которым длительное время шла работа. Впоследствии оказывалось, что имело место детское фантазирование. Примером может служить дело опаснейшего преступника Головкина. Пример не единичный. В таких случаях в отношении кого проводить экспертизу и надо ли это делать вообще? Сотрудникам органа дознания, следователям соответствующие выводы принять надо, но экспертизы исключаются.

Что касается фантазирования, то всем известно, что оно существует. Естественно, психологи о нем знают больше. Им проще его предположить, выявить. В противном случае возможны серьезные ошибки, в том числе предъявление обвинения, заключение под стражу и иные. Ст. 73 УПК РФ указывает, что подлежат доказыванию обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Квалифицированно это можно сделать при помощи судебно-психологической экспертизы. Например, 19-летняя девушка накануне свадьбы подверглась групповому преступному нападению. Ее изнасиловали, избили, похитили все деньги. Она

не смогла пережить содеянное и через месяц покончила жизнь самоубийством, изложив его мотивы в предсмертном письме. Эксперт-психолог между преступлением и самоубийством установил прямую причинно-следственную связь. Полагаем, что такая возможность имелаась и у следователя, но не было и препятствий для проведения экспертизы [86].

Нередко такая возможность у следователя отсутствует. Этому может способствовать нелогичное поведение, необъяснимые действия лица до совершения преступления или после него. Например, после убийства потерпевшей преступник красит ей губы, надевает на нее очки, разрезает ее одежду на мелкие фрагменты и т. д. Иногда цель подобных действий — создание инсценировки, попытка направить следствие на ложный путь, но могут действовать и иные побуждения, например бытующие в уголовной среде мифы и суеверия. Чаще всего это психическая патология.

По одному известному делу потерпевшая опознала преступника Гридина по многим признакам. Будучи допрошенной, она показала, что у нападавшего на руке была татуировка. Однако у Гридина татуировки отсутствовали. Такая ситуация, а на практике их немало, способна поставить под сомнение результаты и опознания, и расследования в целом. В то же время известны случаи, когда удавалось с помощью психологов установить, чем были обусловлены показания потерпевших, свидетелей, особенно несовершеннолетних.

Особенно сложны ситуации при гибели при падении с высоты из квартир жилых домов. Часто женщина оказывается в квартире мужчины или компании молодых людей. Затем ее труп обнаруживают на земле, иногда рядом находятся ее вещи. Владелец квартиры заявляет, что его знакомая сама выпрыгнула из окна, а он ничего противоправного не совершал и объяснить ситуацию не может. Причины таких трагедий различны; одна из них — состояние наркотического опьянения, и такие случаи известны. Следственные ситуации бесчисленны, но вполне вероятна версия о том, что имели место преступное посягательство, попытка от

него спастись и, как итог, гибель потерпевшей. Иногда выпрыгивают из окна добровольно пришедшие к незнакомым те, кто ясно представлял дальнейшее развитие событий и варианты поведения сторон. Такие дела нередко прекращают по различным основаниям, или приостанавливают следствие. Иногда этому предшествуют задержание, обвинение, заключение под стражу, признание вины и последующий отказ от нее. Следствие оказывается не в состоянии установить, доказать, что произошло в действительности, хотя родственники, близкие потерпевших настаивают на преступлении. Иногда оно очевидно, но изобличить виновного удастся далеко не в каждом случае. Для этого требуется высокая квалификация следователя, использование специальных знаний, в том числе и в области судебной психологии. Такие дела, хоть и немногочисленные, известны [101, с. 94–97].

Иногда знания психологии нужны для объяснения факта группового самоубийства. Судебно-психологическая экспертиза требуется не по всем делам, но по некоторым она возможна и даже желательна. Надо сознавать, что она, как правило, не доказывает факт совершения преступления, вину конкретного человека. Во многих случаях она не может дать точный ответ, а представляет его лишь в предположительной форме. И тем не менее указанная экспертиза в состоянии оказать содействие в установлении истины.

Итак, какова же оценка судебно-психологической экспертизы в целом? Она существует, проводится, но, как уже говорилось, широкого распространения не получила, за исключением, может быть, резонансных дел. Одно из них – убийство сестрами Хачатурян своего отца М. Хачатуряна в Москве в 2018 г. Это непростое дело, но следствие по нему длится неоправданно большой срок, и неизвестно, будет ли оно закончено в 2020 г., поскольку прокуратура не утвердила обвинительное заключение в 2019 г. По этому делу неоднократно проводились судебно-психологические экспертизы, в том числе посмертная, сексолого-психолого-психиатрическая, психолого-физиологическая и иные.

У потерпевшего выявили эгоцентризм, авторитаризм, бравирование знакомствами и другие качества, которые присущи многим людям. Вряд ли все это имело и будет иметь существенное значение для дела.

Возвращаясь к оценке судебно-психологической экспертизы, добавим следующее. Часто она является комплексной и сочетается с судебно-психиатрической. Инициаторы привлечения психологов – психиатры, а не следователь. Многие следователи относятся к ней если не отрицательно, то нейтрально. Часть из них испытывает к ней недоверие. В итоге широкого применения судебно-психологическая экспертиза в следственной практике до настоящего времени не нашла. В чем причина? Мы уже указывали на отсутствие специализированных экспертных учреждений, судебных психологов, за исключением, может быть, крупных городов. Не все психологи считают, что существует судебная психология, и даже отрицают ее, как отрицают сексопатологию, наркологию и многое другое. Некоторые специалисты заявляют, что их возможности ничем не отличаются от возможностей следователя, который сам в состоянии разобраться в ситуации.

По нашему мнению, главная причина в том, что нет четкого понимания возможностей указанной экспертизы. Они, естественно, не беспредельны, но они есть и со временем расширяются, о чем свидетельствует западный опыт и, в частности, в сфере создания психологического профиля неизвестного преступника, модели его поведения до и после совершения преступления. Суждение психолога о том, что преступник жестокий, хладнокровный и расчетливый человек, что ему присущи эгоцентризм и стремление доминировать над жертвой, мало что дает для раскрытия преступления. Психолог может выявить фантазирование, об этом уже было сказано, а также другие важные детали. По делу М. Петровой, одной из немногих женщин – серийных убийц, именно психолог назвал ориентировочно время и место очередного преступления, что и подтвердилось. По данной теме имеется ряд работ [193]. Самое серьезное отношение к судебной

психологии наблюдается в развитых странах (США, Англия), и от сотрудников правоохранительной системы требуются ее достаточно глубокие познания. Можно отметить, что понимание этой науки в тех же США и в России различно, но это не является препятствием для изучения передового опыта в раскрытии и расследовании преступлений. Криминалистика в разных странах тоже имеет существенные различия. Что-то для России принципиально неприемлемо, хотя бы по причине особенностей уголовно-процессуального законодательства, но положительный опыт должен быть изучен и воспринят.

Судебно-педагогическая экспертиза

Бытует мнение, что педагогика не наука, а искусство. Такую позицию, в частности, разделял известный российский педагог К. Д. Ушинский. Тем не менее существует и научная педагогика, имеется соответствующая правовая база, регламентирующая процесс воспитания, перевоспитания, обучения. Принят и действует ФЗ «Об образовании в РФ». Ст. 94 указанного закона предусматривает проведение педагогической экспертизы, разработаны правила ее проведения. Эта экспертиза является внесудебной.

На воспитание сильнейшее воздействие оказывают история, традиции, обычаи того или иного народа, идеология, политика государства. Процесс воспитания может быть поставлен так, что будет достигнут желаемый результат. Пример тому – создание в дореволюционной России привилегированных учебных заведений, таких как Пажеский корпус, Училище правоведения, из которых выходила элита страны. Есть примеры прямо противоположные – учебные, воспитательные учреждения, формирующие потенциальных или уже законченных преступников. О таких сообщали российский серийный убийца В. Муханкин, отбывающий в настоящее время пожизненное лишение свободы, американский преступник Ч. Мэнсон, воспитанник реформатория [133].

Объектом педагогики являются дети, несовершеннолетние, но могут быть и взрослые, в отношении которых совершаются

противоправные и преступные действия. Например, члены общественной организации задерживают и изолируют наркоманов, лишают их свободы, еды, связывают и т. д. Это не борьба с наркоманией, не лечение, не перевоспитание и к педагогике отношения не имеет. Такая деятельность сама становится противозаконной.

Что касается несовершеннолетних, то в отношении их совершается много правонарушений. Они работают с ядохимикатами, алкогольной продукцией, похоронными принадлежностями, что уродует, калечит их психику. УК РФ содержит много составов преступлений в отношении несовершеннолетних. Это вовлечение в преступную деятельность, занятие проституцией, торговля несовершеннолетними, использование их рабского труда, физическое насилие. Если ребенок подвергается жесткому обращению, насилию, не имеет возможности учиться, нормально питаться, является свидетелем пьяных оргий, то это уже сфера не педагогики, а уголовного права. Такие факты надо устанавливать и доказывать следственным путем. Отметим, что в нашей стране подобные явления в самой грубой форме носят массовый характер, на что соответствующие органы и должностные лица никак не реагируют, потому что это не отдельные факты, а масштабная социальная проблема, решение которой возможно лишь на федеральном уровне. Но требуются и иные, в том числе уголовно-правовые методы. Поэтому при расследовании конкретных уголовных дел вполне возможно проведение судебно-педагогической экспертизы. Ее разновидность — психолого-педагогическая, в том числе и посмертная. Опыт в этом отношении невелик, да и потребность в ней возникает не всегда. Например, Д., 17-летняя мать, сама еще подросток, ушла в гости, где находилась 7 дней. Дома оставила грудного младенца, который погиб. Была осуждена за убийство (квалификация, конечно, спорная). Педагогическая экспертиза по указанному делу не проводилась, да и вряд ли в ней имелась необходимость. Более реально о ней говорить по делам о самоубийстве несовершеннолетних. Это серьезная проблема. До 1917 г. в России фиксировали

примерно 100 самоубийств несовершеннолетних в год, а педагоги расценивали ситуацию как критическую и призывали к принятию срочных мер. Сейчас в стране уровень самоубийств несовершеннолетних в 3–6 раз выше, чем в других странах. Счет идет на тысячи; точной статистики нет, многие покушения на самоубийство маскируются под несчастный случай. В некоторых случаях вина за трагедию лежит на педагогах. Так, в одной школе Санкт-Петербурга учительница в присутствии всего класса «воспитывала» ученика, а если говорить более точно, оскорбляла и унижала его. Непосредственно после окончания уроков он покончил жизнь самоубийством, бросившись под поезд.

В другой ситуации в руки педагога попал дневник школьницы, в котором она излагала свои личные интимные переживания. Педагог сочла возможным перед всем классом зачитать и прокомментировать эти записи. Итог — попытка самоубийства школьницы, постановка ее на психиатрический учет, иные негативные последствия. В приведенных случаях педагоги в своих действиях не видели никакой вины, активно отвергали обвинения и были уверены в своей правоте.

Имеют место более сложные ситуации. Школьница М. с хорошими результатами, отличным поведением и спортивными достижениями покончила жизнь самоубийством. Причина — любовь без взаимности. Об этом знали многие, в том числе и педагоги. Можно ли было предотвратить трагедию? Ведь школа должна не только учить, но и воспитывать, но многие остались безучастными к ситуации, в которой оказалась девушка. Не утверждаем, но считаем, что имелась возможность ей помочь, тем более что большинство взрослых (и мужчин, и женщин) в прошлом сами оказывались в подобном положении. Конечно, такие дела, как и большинство дел о доведении до самоубийства, не имеют судебной перспективы; лишь по отдельным из них наступает дисциплинарная ответственность.

Нам известно лишь одно дело о доведении до самоубийства несовершеннолетней, которое направили в суд, но только

потому, что оно получило широкую огласку, а родители потерпевшей заняли непримиримую позицию.

Иногда по вине администрации учебных заведений бесконтрольный доступ к детям получают сомнительные личности, ранее судимые, преступники, извращенцы. Поучительный пример — дело опаснейшего преступника из Невинномысска А. Сливко, на счету которого множество жертв. Начинал он свою деятельность как пионервожатый, затем возглавил туристический клуб. На работе числился лишь формально, все время проводил с детьми. Не имея педагогического образования и вообще высшего образования, получил звание заслуженного учителя, чему способствовали его покровители, афишировавшие не только Сливко, но и свою педагогическую деятельность и достижения в ней. Никто не обращал внимание на то, что пропадали дети из клуба Сливко. Его успехи видели, но на факты исчезновения подростков не реагировали, хотя их родители обращались в различные инстанции, в том числе и самые высокие. После изобличения Сливко наказали много должностных лиц, педагогов, но более точной информацией по этому вопросу мы не располагаем.

Другая одиозная личность — учитель пения и рисования В. Скопцов, арестованный непосредственно во время урока. Оказалось, что он 7 лет находился в розыске за совершение многих тяжких преступлений, среди которых 9 убийств. Можно назвать сторожа детского сада О. Косарева, осужденного к пожизненному лишению свободы, Д. Карпова, направленного на принудительное лечение, который, получив значительные финансовые средства, основал «альтернативный» детский дом. Там он обучал детей рукопашному бою, избивал их, совершал развратные действия. Таких примеров много.

Судебно-педагогическая экспертиза по уголовным делам, в отличие от гражданских, назначается редко. Могут возникнуть сложности с подбором экспертов. Ими должны быть лица с высшим профильным образованием. Полагаем, что назначению экспертизы должны предшествовать консультации со

специалистами, в частности по вопросам, которые предполагается поставить на ее разрешение, хотя окончательно их формулирует именно следователь. Иногда указанная экспертиза является комплексной и к ней привлекаются психологи и иные специалисты. Возражений по этому поводу быть не должно. Они возможны лишь в случаях создания искусственных доказательств — явление, которое появилось в следственной практике и даже получает развитие.

Примером может служить следующее дело. Малолетняя Щ. пропала из частного дома, и появилась версия об ее убийстве. Возбудили уголовное дело по ст. 105 ч. 2 п. «в» УК РФ. Арестовали отчима девочки П., предъявили ему обвинение, длительное время содержали под стражей, добиваясь признания. Через несколько месяцев нашли труп потерпевшей, установили некриминальную причину смерти. П. из-под стражи освободили, но сразу возник вопрос о законности предъявления обвинения и ареста. Вот тут-то и появилась мысль о педагогической экспертизе. Ее назначили, провели и получили заключение, что ребенка нельзя было оставлять без присмотра более часа. В итоге действия П. переквалифицировали на ст. 125 УК РФ; его осудили, назначив наказание в виде исправительных работ. Комментарии излишни. Дело было сложным, следствие не сумело ничего выяснить, объяснить, доказать, но нашло способ оправдать незаконный арест, и сделало это при помощи экспертизы. Такие «экспертизы», как бы их ни называли, должны быть исключены.

В завершение темы скажем следующее. Экспертизы на основе гуманитарных наук не исключаются, поскольку число следственных ситуаций безгранично и какие-то из них требуют исследования с привлечением специальных знаний. В то же время нельзя перекладывать на экспертов решение вопросов, которые обязан разрешить сам следователь. Тем более, он не может быть связан позицией эксперта, его субъективным мнением или позицией какой-либо властной структуры и тем самым стать инструментом в чьей-либо конкурентной борьбе. Для решения вопросов,

связанных с психологией, педагогикой, религией, философией, он должен обладать определенным культурным, общеобразовательным уровнем. Сказанное — неременное условие работы следователя, его профессионального уровня.

Экспертиза права

Являются ли правовые знания специальными, возможна ли правовая экспертиза? На протяжении многих лет ответ был однозначным и заключался в том, что все вопросы права должны решать исключительно юристы. Такова была и позиция большинства процессуалистов и криминалистов. Известные судебные врачи П. С. Семеновский, М. И. Райский, Ю. С. Сапожников, А. М. Гамбург и др. настаивали на том, что это право должно быть предоставлено и судебно-медицинским экспертам, но их позиция поддержки законодателя не получила [194, с. 318–325]. Решающее значение имели постановления Пленума Верховного Суда СССР 1971 г. и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 февраля 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам», п. 4 которого прямо указывал, что постановка правовых вопросов перед экспертом не допускается и что это исключительно компетенция суда, прокурора, следователя. Один из ведущих специалистов в области судебной экспертизы Т. В. Аверьянова пишет, что заключение эксперта по вопросам права — недопустимое доказательство, что такой эксперт выходит за пределы своей компетенции и присваивает себе несвойственные ему функции [2, с. 186].

Однако жизнь вносит в практику определенные коррективы. Так, в соответствии со ст. 9–1 ФЗ «О прокуратуре РФ» на прокурора возложена обязанность проведения антикоррупционной экспертизы, что, на наш взгляд, совершенно не свойственно прокурорскому надзору. В 2009 г. принят ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов и проектов актов». Эта экспертиза, бесспорно, правовая. ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ» также предусматривает экспертизу правовых

актов. По мнению специалистов, указанный закон имеет существенные недоработки, но он принят и действует. Аналогичные законы приняты в ряде субъектов РФ. Их эффективность низка, на уровень коррупции в стране они никак не влияют, но экспертизы проводятся, и в немалом количестве.

Одновременно следует отметить, что утверждение о том, что право не является сферой специальных знаний, — не вполне правильно. Это специальные знания, которые приобретаются в результате обучения и дальнейшего совершенствования. Большинство людей имеют представление о праве, его отраслях, институтах, функциях, но профессионально работать в этой области могут лишь те, кто прошел необходимое обучение, получил теоретические и практические навыки, подтвержденные дипломом. Понятие преступления, состава преступления, его элементов, причинной связи, стадий совершения преступления и многое другое — это все специальные знания. Что такое оружие, наркотики, жилище? На эти, казалось бы, простые вопросы требуются не произвольные ответы, а ответы с точки зрения уголовного права, уголовного процесса, закона. Для решения вопросов судопроизводства часто требуются специальные знания уже в других отраслях: медицины, биологии, психиатрии, криминалистики, которые вынуждены использовать юристы. Но есть ситуации, когда только специалисты могут ответить на вопросы, порождающие правовые последствия. Например, потерпевшему оказывают квалифицированную медицинскую помощь, но его смерть наступает через 1–6 месяцев после травмы. Ее причинами могут быть травма, врачебная ошибка, заболевание, иные обстоятельства. Что повлекло несчастный случай со смертельным исходом на производстве? Отвечая на этот вопрос, исследуют многое, в том числе и правовые акты: приказы, инструкции, распоряжения, СНиПы, разобраться в которых могут лишь специалисты. Оценка их выводов предоставлена юристам, но непосредственно выявить могут лишь те, кто обладает необходимыми специальными познаниями.

Причинная связь дискуSSIONируется столетиями, и определяется она не только временной последовательностью событий. Механический детерминизм часто неприменим. Поэтому наличие или отсутствие причинной связи исследует не только уголовное право, но и другие отрасли знаний, хотя, подчеркнем, четких критериев ее определения нет.

За последние годы появились работы, в которых проводится мысль о возможности правовых экспертиз. Иногда это прямо утверждается. А. Р. Белкин писал, что назрела необходимость узаконить производство правовых экспертиз в тех случаях, когда следователь, суд не обладают специальными юридическими знаниями. В своем мнении автор не одинок [38, с. 332; 58, с. 14–19; 78; 125, с. 49–55]. Проблема носит дискуссионный характер, предлагаются различные варианты решения. В этой дискуссии бесспорно одно: есть много областей права, в которых следователь, прокурор, суд не имеют достаточных знаний; выражаясь более конкретно, можно сказать, что они в них не компетентны. А ведь это целые отрасли права: налоговое, банковское, финансовое, морское и т. д.

А. А. Эксархопуло считает, что объектом криминалистического исследования могут быть качество расследования, экспертные заключения, особенно по прекращенным делам, в целом все материалы уголовного дела. Идею легализовать правовую экспертизу автор высказывал еще в 2001 г. [265; 266, с. 99–109, 152–154]. Всеобщего признания позиция А. А. Эксархопуло не получила, но и игнорировать ее не следует и вот по каким основаниям. Уровень квалификации многих следователей невысок. Имеют место незнание права, нарушения норм УПК РФ, завышение квалификации, фальсификация доказательств. Возможно, просто ошибки, необъективность, нарушение принципа презумпции невиновности — все это встречается и у опытных следователей, а вероятность ошибки у следователя со стажем 1–3 года гораздо выше. Ведомственный контроль не всегда эффективен, а прокурорский надзор существенно ослаблен. При указанных

ситуациях заинтересованные лица должны иметь право и возможность обратиться к специалисту в области уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и получить объективное квалифицированное заключение, форма которого может быть различной. Оно же может стать основой надзорной жалобы.

Так, в 2016 г. был задержан владелец аэропорта «Домодедово» Д. Каменщик. Ему предъявили обвинение по ст. 238 ч. 3 УК РФ, избрали меру пресечения в виде домашнего ареста. Видные ученые представили заключение о том, что в действиях Д. Каменщика отсутствует состав преступления. В итоге меру пресечения отменили, дело прекратили по реабилитирующим основаниям. Возможно, пример не вполне корректен, поскольку Д. Каменщик является владельцем аэропорта, миллиардером, а у таких людей особые возможности, но именно как пример он вполне допустим. Конституция РФ провозглашает равенство всех граждан. Поэтому у всех должны быть равные права и возможности, независимо от должностного и материального положения. Впрочем, известны ситуации, когда специалисты-юристы оказывали помощь менее значимым фигурам, нежели председатель совета директоров.

К сказанному можно добавить следующее. Постановка многих правовых вопросов перед экспертом исключается. Например, что произошло — убийство, самоубийство, несчастный случай; имело ли место изнасилование, хищение; является ли Н. должностным лицом и так далее. Ответы на эти и многие другие подобные ответы — прерогатива следователя. В то же время вполне возможен вопрос: является ли представленный предмет холодным оружием? Иногда ответ сложен даже для эксперта, который имеет специальные познания, опыт, использует криминалистические коллекции для сравнения. И он зависит не только от назначения изделия, но и от материала изготовления, размеров, конструктивной устойчивости и иных признаков. Следователь, принимая процессуальное решение, вправе не согласиться с выводом эксперта.

В каких-то случаях перед экспертом могут быть поставлены и другие правовые вопросы. В частности, это вопрос о причинной связи между действием и наступившим результатом (причинение ранения и последовавшая через какое-то время смерть, когда видимой связи между ними нет). Необходимы вопросы о причинах несчастного случая на производстве, аварии, крушения, транспортного происшествия, о том, какие были нарушены правовые акты и на кого было возложено их соблюдение. Вопросов о вине тех или иных лиц быть не должно, но в действительности они присутствуют, хотя и подвергаются редактированию со стороны следователя. В авторитетном труде ведущих отечественных криминалистов такие вопросы как образец присутствуют. Вот примеры:

1. Соответствовала ли правилам взрывобезопасности организация производственного процесса, и если нет, то какие нарушения допущены?

2. Имели ли место нарушения правил взрывобезопасности, и какие именно?

3. Правильны ли действия должностного лица Н. в техническом отношении?

4. Какое значение для происшествия имели неправильные действия экипажа?

5. Правильны ли действия диспетчера аэропорта Н.? [217, с. 156–161].

Недостаточно получить ответ о том правильно или неправильно действовало то или иное лицо. Необходимы ссылки на инструкции, приказы, распоряжения, а это правовые акты, и все они в полном объеме предоставляются эксперту, который их исследует, как и материалы дела. Разумеется, заключение эксперта должно быть критически осмыслено следователем. Само количество вопросов, связанных с правом, необходимо ограничить и даже свести к минимуму. Иногда эксперты прямо называют, кто виноват в происшествии, аварии, крушении. Подобные формулировки в экспертном заключении недопустимы.

Всякого рода заключения специалистов, в том числе и по вопросам права, направляются следователю или в суд, которые могут их принять, приобщить к материалам дела, учесть при его разрешении и точно так же отказать в этом. Практика различна и противоречива. Преподаватели, ученые, конечно, знают право, но решение принимают только те, кто на это уполномочен. И это правильно.

Проблема правовых экспертиз появилась, но она не может быть разрешена одномоментно. Нужна дискуссия, и только ее результаты позволят сделать обоснованные выводы.

Стоит упомянуть еще об одной разновидности экспертизы, которую можно назвать правовой, поскольку речь идет об исследовании юридического статуса документа, — экспертизе законности отнесения информации к государственной тайне, об изменении степени ее секретности и рассекречивания. Таких относительно немного, как и самих дел, хотя их число растет¹. Однако они почти всегда оказываются в зоне повышенного внимания общественности, средств массовой информации, в том числе и зарубежных. Среди них можно назвать дела в отношении И. В. Сутягина, Г. М. Пасько, А. К. Никитина и др. Одно из самых известных — дело С. Давыдовой, многодетной матери (7 детей), домохозяйки из г. Вязьма, которой в 2015 г. предъявили обвинение в государственной измене и арестовали, хотя она никакого доступа к государственной тайне не имела. После проведения экспертизы ее из-под стражи освободили, признали право на реабилитацию, а дело прекратили. По сообщению адвоката Давыдовой С. Бадамшина, провели не лингвистическую, а «соответствующую» экспертизу, установившую отсутствие состава преступления². Если «соответствующая» экспертиза решает чисто правовые вопросы, в том числе о наличии состава преступления, то здесь комментарии излишни.

¹ По данным Верховного суда РФ, в 2012 г. за государственную измену осуждено 6 человек, а в 2014 г. уже 15.

² Интервью с адвокатом С. Бадамшиным // Коммерсант. 2015. 13 мая.

Судьба других аналогичных дел различна. А. К. Никитин, арестованный в 1996 г., в 2000 г. Верховным судом РФ был оправдан. Действия Г. М. Пасько, спустя два года после ареста, переквалифицировали на ст. 285 УК РФ, назначили минимальное наказание и амнистировали. И.В. Сулягина, не имевшего должным образом оформленного допуска к государственной тайне, осудили на длительный срок лишения свободы, из которого он отбыл 11 лет.

Итак, не самые сложные ситуации порождают проблемы, существующие не только в России, но и в других странах. Как указала резолюция ПАСЕ № 1551 2007 г., законы об охране государственной тайны сформулированы неопределенно или слишком широко, что порождает их произвольное толкование. В итоге под их действие подпадает вполне легальная деятельность ученых, адвокатов, журналистов, а в России даже домохозяйек. Полагаем, что проблему надо решать, главным образом, путем совершенствования законодательной базы, а не при помощи экспертных исследований.

Одна из немногих работ на указанную тему — это статья О. Г. Войтовой. Автор видит проблему в том, что на документах, научных работах, докладах грифа секретности нет, а сама секретность не очевидна. Обращается внимание на то, что экспертизу можно проводить лишь в государственном судебно-экспертном учреждении, имеющем лицензию на ее проведение, или в ФСБ, эксперты которой имеют необходимый допуск. Производство такой экспертизы в негосударственной структуре не допускается [57, с. 32–33]. Как видим, против самой экспертизы по определению наличия секретности автор не возражает. Мы придерживаемся противоположной точки зрения, и считаем, что секретность не должна устанавливаться экспертным путем. Для этого есть ФЗ «О государственной тайне», многочисленные ведомственные акты и есть органы ее обеспечения.

Сведения об оперативно-разыскной деятельности также составляют государственную тайну (ст.5 ФЗ), но, знакомясь с

печатной продукцией, создается впечатление, что уже нет почти ничего, что не было бы известно общественности. Тактика оперативных мероприятий, возможности спецтехники, содержание ряда секретных ведомственных актов и многое другое — все это доступно современному читателю. Никакой ответственности за подобные публикации никто не несет. И. Л. Трунов пишет, что непонятен статус грифа «Для служебного пользования», который расширяет возможности для плагиата и злоупотреблений при защите так называемых «закрытых» диссертаций. Одновременно необоснованная секретность порождает шпиономанию. Автор приводит ее примеры, которые можно назвать анекдотичными (использование трекеров), если бы речь не шла об уголовной ответственности [224].

Уже названная резолюция ПАСЕ указала, что каждое государство имеет право на охрану государственной тайны, но оно не должно порождать ограничения на обмен информацией. Необходим баланс. Нормативные акты по вопросам охраны государственной тайны должны быть конкретны и доступны каждому. Однако законодательная база в этой сфере характеризуется неопределенностью и дает возможность ее произвольной трактовки. (Об этом пишет и И. Л. Трунов.) Также указывается, что для объективности расследования возникающих проблем органы охраны тайны не должны принимать участия в таких делах, а в качестве экспертов привлекать высококвалифицированных специалистов, полностью независимых от спецслужб.

Как уже отмечалось, во многих случаях, может быть даже в большинстве, необходимости в проведении экспертизы нет. Категории секретных сведений устанавливают не эксперты, а межведомственная комиссия на основе ФЗ «О государственной тайне». Это завершается присвоением им соответствующего грифа секретности. Если этого не произошло, то вопросы появляются к тем органам, на которые возложена охрана тайны. Поэтому секретными являются те сведения, которые признаны таковыми в установленном порядке уполномоченным органом.

Закрытая информация может содержаться и в общедоступных источниках. Именно так ее получают специалисты-аналитики.

Полагаем, что вполне достаточно сообщения (справки) о том, что конкретный материал, работа, диссертация засекречены и имеют соответствующий гриф секретности. К делу могут быть приобщены копии документов с необходимыми реквизитами.

Следственные ситуации не всегда укладываются в две формы: «засекречено», «не засекречено». Поэтому действительно может возникнуть необходимость проведения экспертизы по определению секретности информации. Известны случаи потенциально секретных изобретений, на которые получали патент за рубежом, заключения контрактов, обмена научной информацией и просто ее продажи, в основе которой — корыстная цель. Кто-то из военных журналистов, присутствуя на совещании, вел записи доклада, заранее не зная, что будет сообщено. Эти записи впоследствии признавали секретными.

О. Г. Войтова предполагает ситуацию, когда специалист-аналитик из открытой печати получает секретную информацию и предлагает ее заинтересованной стороне. Неизвестно, было ли такое на практике, но в принципе ситуация возможна. Вот примерно в таких случаях не исключается экспертиза по определению секретности.

Ст. 7 ФЗ «О государственной тайне» перечисляет сведения, которые не подлежат засекречиванию. Если же это произошло, то граждане вправе обжаловать такое решение в суд.

2.4 Компетенция и независимость эксперта. Оценка заключения эксперта

При назначении экспертизы может возникнуть вопрос о компетенции эксперта. Ст. 13 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» говорит о профессиональных и квалификационных требованиях, предъявляемых к эксперту. В целом это проблема руководителя ГСЭУ. Если специалист

в соответствии со ст. 12 ФЗ является аттестованным сотрудником ГСЭУ, то он признается государственным судебным экспертом и имеет право на производство экспертизы. Часто следователь направляет постановление в ГСЭУ, а его руководитель сам определяет, кому поручить производство. Но и следователь вправе указать конкретного эксперта. Наиболее оптимально согласовать этот вопрос с руководителем ГСЭУ. Выбор конкретного эксперта может быть обусловлен различными причинами, в частности специализацией, сферой научных интересов, владением определенной методикой. Есть эксперты с большим опытом, стажем, имеющие ученую степень, но, предполагая возможную ошибку, уклоняющиеся от конкретных ответов; другие, наоборот, переоценивают свои возможности и возможности науки, которую они представляют. Не исключены конфликтные отношения следователя и эксперта, взаимные претензии, требования, не основанные на законе, но, как правило, все это непосредственно не связано с компетенцией эксперта. Их взаимоотношения должны строиться на основании закона, который (ст. 70 УПК РФ) предусматривает и отвод эксперта по причине его некомпетентности. Например, баллист проводит дактилоскопическую экспертизу. Хотя баллистика и дактилоскопия — сфера криминалистики, но сомнения в компетентности конкретного эксперта вполне возможны. Следователь без труда в состоянии эти сомнения разрешить. Встречаются иные ситуации. Например, в состав комиссионной судебно-медицинской экспертизы включаются санитар морга и секретарь судебного заседания. В подобном случае речь идет не о компетенции членов комиссии, а о грубом нарушении норм УПК РФ.

Более сложно установить компетентность эксперта, когда экспертиза проводится не в ГСЭУ, так как ст. 195 УПК РФ предусматривает ее проведение из числа иных лиц, обладающих специальными познаниями. Во многих случаях следователи вынуждены искать экспертов из числа «иных лиц» или обращаться в многочисленные негосударственные экспертные структуры.

Это нежелательно, но иного выхода нет. Не случайно, что органы следствия, суд относятся к ним с недоверием или просто негативно. Одна из главных причин — эти структуры работают на коммерческой основе [71, с. 61–63]. Настораживает и многое другое: безудержная реклама, наличие множества сертификатов, лицензий, грамот от неизвестных «академий», университетов, гарантия проведения любых экспертиз, в том числе дистанционно, в кратчайшие сроки, с положительным результатом в суде. Все под вывеской независимости, высокой эффективности, всеобщего признания. Если предлагается экспертиза массажного салона, анатомическое обследование, ведение дел об изнасиловании, установление цели потерпевшей, то это способно обмануть человека, далекого от права, но следователь должен сразу видеть, от кого исходит предложение. Однако однозначной отрицательной оценки негосударственных СЭУ быть не должно, хотя бы потому, что там нередко работают бывшие государственные эксперты, опытные, знающие специалисты, чья компетенция вне всякого сомнения. Но нередко они его вызывают. Например, строительную экспертизу проводит бывший офицер, закончивший зенитное училище и служивший в артиллерии, хотя подобное должно быть исключено.

Как же установить компетенцию эксперта? Т. В. Аверьянова считает, что для этого установления характера образования, стажа работы недостаточно [2, с. 461]. Однако это то, с чего следует начинать. Определенные требования к эксперту содержит ст. 204 ч. 1 п. 4 УПК РФ. Все остальное — по усмотрению следователя.

Существует понятие «личность эксперта». Есть немало профессий, к которым предъявляются особые, повышенные требования; в их числе врач, педагог, многие юридические специальности: судья, прокурор, следователь, адвокат, нотариус и т. д. Прокурор, например, приносит присягу, в которой принимает на себя обязательства морального порядка; на него накладываются некоторые ограничения, связанные с прохождением службы. В соответствии с законом к эксперту также предъявляются

профессиональные и квалификационные требования, а иные отражены лишь косвенно. Они, бесспорно, должны быть высоки, и следователь при выборе эксперта должен их учитывать. Имеет значение если не все, то многое: уровень образования, культуры, квалификация, отношение к социальным группам, общественным институтам, отношение к своей профессии, работе. Надо учитывать моральную профессиональную деформацию личности. О ней известно, она существует, но не изучена, как и сама личность эксперта и специфика его деятельности [2, с. 344–345; 187, с. 274–284]. Следователю необходимо принимать во внимание личность эксперта, особенно из негосударственных экспертных учреждений. Известны случаи, когда в их числе оказывались ранее судимые, родственники обвиняемого, зависимые от него в служебном отношении, лица с весьма сомнительной репутацией.

По одному широко известному делу экспертом-психологом явилась специалист бюро независимой экспертизы Г., по совместительству исполнительница стриптиза, и еще неизвестно, что было основным видом ее деятельности. Характерно, что студенты-юристы, а это будущие судьи, прокуроры, следователи, обсуждая этот пример, заявили, что танцевальная деятельность Г. к делу отношения не имеет и не препятствует участию в нем. Такая же позиция была высказана и в отношении педагогов, так как есть преподаватели, совмещающие воспитание несовершеннолетних с работой в ночных клубах. Полагаем, что это не так. Закон (ст. 70 УПК РФ) не может регламентировать все подобные ситуации. Поэтому при некоторых из них решение остается за следователем или судом.

Компетенция эксперта тесно связана с темой его независимости. Независимость — один из принципов деятельности эксперта, закрепленный в ст. 4 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». Его нарушение способно повлечь за собой тяжкие последствия. Содержание этого принципа раскрывается в ст. 7 указанного закона, где говорится о том, что эксперт независим в своей профессиональной деятельности. Какое-либо

воздействие на него со стороны суда, прокуроров, следователей, государственных органов, организаций, объединений, отдельных лиц не допускается. Независимость – понятие психологии и даже философии. Если говорить о ней с точки зрения правосознания, морали, то следует иметь в виду способность не зависеть от внешних обстоятельств, оценок, авторитетов, способность отстаивать собственную точку зрения, позицию.

В советский период независимость экспертов нередко грубо попиралась, что наиболее отчетливо проявлялось в судебной психиатрии. Если после 1917 г. имели место отдельные случаи, то в дальнейшем они трансформировались в систему, превращая здоровых людей в невменяемых в угоду властям. Часто это были диссиденты, люди, не согласные с официальной идеологией, политикой, действительностью. Среди них были люди творческих профессий, ученые; многие из которых впоследствии стали известны всему миру. Злоупотребления в психиатрии привели к тому, что СССР пришлось покинуть Всемирную психиатрическую ассоциацию. Видный российский ученый, психиатр и психотерапевт М. И. Буянов писал: «В середине 80-х годов один мой пациент (крупный кагебист) сообщил, что почти все члены президиума Всесоюзного общества невропатологов и психиатров награждены значком “Почетный чекист” – высшим знаком отличия в КГБ СССР» [48, с. 22]. Даже после официальной ликвидации карательной психиатрии ее рецидивы остались. Так, были признаны невменяемыми психически здоровые В. Ильин и А. Шмонов, совершившие покушение на руководителей страны. Подобное практиковалось и тогда, когда рассмотрение дела в суде признавалось нежелательным. В качестве примера можно назвать дело в отношении А. Сакалаускаса, связанное с позорнейшим явлением дедовщины в армии. Характерно и то, что до настоящего времени нет никаких официальных сведений ни о Сакалаускасе, ни о судьбе дела.

Известны факты воздействия на экспертов и суд для решения личных противоправных, а может быть, и преступных интересов.

Так, в 2014 г. эколог В. А. Бриних в Адыгее выявил факт загрязнения окружающей среды животноводческим комплексом, принадлежащим весьма влиятельному чиновнику, о чем написал статью в местной газете. В итоге в отношении эколога возбудили уголовное дело по ст. 282 УК РФ. Несколько экспертиз признали статью экстремистской, с чем согласились судебные инстанции и Верховный суд Адыгеи. Дело получило огласку, о нем узнали в Президентском Совете по правам человека. Только после этого, спустя три года после бесконечных разбирательств, очередная экспертиза установила, что никакого экстремизма в статье эколога нет, и дело очень быстро прекратили.

Еще одна опаснейшая тенденция — оказание давления на экспертов для регулирования статистики, снижения числа тяжких преступлений, их раскрытия. В этих случаях воздействуют на судебно-медицинских экспертов, судебных психиатров, криминалистов.

Для этого действует осознанная, продуманная, по словам известного криминолога, циничная система. Иногда идет не раскрытие тяжкого преступления, а поиск того, кому можно приписать его совершение. Таких находят среди психически больных, злоупотребляющих спиртным, деклассированных элементов, но не только. В качестве основного доказательства выступает признание вины. Если за ним следует отказ, то это уже мало кого смущает, в том числе прокуратуру и суд. Так как объективных доказательств все же нет, самым оптимальным вариантом стало направление лица на принудительное лечение, которому предшествует решение комиссионной экспертизы. На всю страну стало известно дело Д. Медкова, который три года провел в психиатрической больнице за убийство сестры, оказавшейся впоследствии живой. Были многочисленные публикации, обличения экспертов и всех причастных к делу, призывы покончить с порочной практикой, но вряд ли это достигнуто.

В 2017 г. арестовали жителя Екатеринбурга А. Фалькина, и в настоящее время осужденного к пожизненному лишению свободы

за серию убийств. Оказалось, что еще в 2005 г. после убийства Гимаевой на принудительное лечение направили 20-летнего Е. Кряжева. Последний страдал психическим заболеванием, проживал недалеко от места обнаружения трупа потерпевшей, разумеется, дал признательные показания. Он от них отказался, но тем не менее был направлен на принудительное лечение и 9 лет провел в психиатрической больнице. После задержания Фалькина, подробно рассказавшего про убийство им Гимаевой, сразу оказалось, что Кряжев в принудительном лечении не нуждается.

Где же выводы после дела Медкова, хотя и оно далеко не единственное из числа известных? Их нет, и система продолжает действовать. Мы имели возможность побеседовать с бывшим экспертом-криминалистом Х., осужденным на длительный срок лишения свободы за фальсификацию экспертного заключения, в результате которого был арестован невиновный. Рассказ Х. был прост. Он не имел отношения к статистике раскрываемости, никак не был заинтересован в результатах дела, по которому проводил экспертизу. Но он зависел от руководства РУВД во многих вопросах: служебных, материальных, жилищных и иных. Эта зависимость была такова, что Х. ни на следствии, ни в суде не сообщил, кто был инициатором фальсификации.

Проблема не нова; о ней известно криминалистам, криминологам, в еще большей степени практическим работникам следствия, дознания, экспертных служб. Часто ясен и механизм явления, хотя о нем известно в основном из неофициальных источников. Дело уже не в примерах. Более важно назвать причины явления, предложить меры по исправлению положения, реализации принципа независимости эксперта [253, с. 152–154].

О причинах. Какие-то формы зависимости существовали всегда, это, например, кумовство (фаворитизм, протекционизм, клановость). Они существовали в дореволюционной России, существуют и сейчас и во многих странах. Это неизбежное явление, но важны его размеры, степень. В современной России его

уровень высок и позволяет решить многие проблемы с законом. Это также служебная, а соответственно, и материальная зависимость. Есть и иные факторы, и одних лишь законодательных, запретительных мер недостаточно. Что же может быть сделано для обеспечения эксперту подлинной независимости?

Самое радикальное предложение заключается в создании единой экспертной службы, не связанной со следственным аппаратом и правоохранительными органами в целом. О нем известно давно. Вопрос «прорабатывается в перспективе» с 1996 г., но каких-либо результатов нет [164, с. 295]. Если смотреть на вещи реально, то надо признать, что в ближайшее время это неосуществимо по различным причинам.

Создание военной юстиции — объективный процесс, она существует во многих странах, но ее наличие само по себе не порождает зависимости от военного командования. Значит, возможна и такая модель, предполагающая их существование в рамках одного ведомства, в частности Министерства обороны. В РФ экспертные службы в его составе, и зависимость имеется, и это общеизвестно. Один из примеров — происшествие с рядовым А. Сысоевым, ставшим очередной жертвой дедовщины. Ему провели 6 операций, ампутировали ноги, половые органы, он стал инвалидом до конца жизни. Суть преступления известна, но военные специалисты утверждали, что травма Сысоева обусловлена наследственным заболеванием. Свидетели изменили показания. В итоге двое обвиняемых получили условные сроки наказания, а организатора приговорили к незначительному сроку лишения свободы, который вскоре сократили. Никто из офицеров к уголовной ответственности привлечен не был. Нередко такие происшествия просто скрываются, а при смертельном исходе им придается видимость несчастного случая, скоропостижной смерти или самоубийства.

Итак, формирование единой независимой экспертной службы — возможный вариант решения проблемы, но это вопрос будущего. Возможны и иные способы ликвидации зависимости

экспертов, но достичь этого за короткий срок нельзя. В большинстве стран Европы эксперты-криминалисты — это офицеры полиции, но воздействие на них полицейского руководства, как правило, исключается. Подобное наблюдается лишь в правовых государствах, но его создание — длительный и не одномоментный процесс.

Высказано мнение, что наличие и функционирование негосударственных экспертных учреждений создадут здоровую конкуренцию и будут способствовать независимости экспертов. Таковые в РФ созданы и действуют. Они постоянно декларируют свою самостоятельность и то, что они не связаны с правоохранительной системой и властными структурами. Однако негосударственные СЭУ во многом уязвимы для критики. Они не образуют единой системы, у них нет координационных, научно-методических центров. Нет правового регулирования их деятельности за исключением ст. 41 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». Оплата труда сотрудников основана на договорной системе, и они зависят от гонорарной практики, что имеет существенное значение.

Еще один возможный вариант. Российская независимая психиатрическая ассоциация, член Всемирной психиатрической ассоциации, объединяющей специалистов 118 стран, открыто противостоит официальной российской психиатрии. Ее задачи — разгосударствление, демонополизация, децентрализация психиатрической помощи в стране. Однако дать однозначную оценку этому предложению сложно, но как вариант оно вполне возможно. Мало выдвинуть идею, необходимо продумать механизм ее реализации, оценить возможные возражения и их аргументы.

Наконец, глобальная проблема — борьба с коррупцией, которая в настоящее время без труда обходит многочисленные запреты, нормативные акты, статьи УК РФ и УПК РФ. Независимость экспертов — в их числе. Реальная борьба с коррупцией возможна лишь на федеральном уровне.

В 2016 г. произошла трагедия в оздоровительном лагере «Сямозеро» в Карелии, в результате которой погибли 14 детей. Пока разыгрывали тендеры, кстати между родственниками, явившиеся декорацией противозаконной сделки, документы о лагере подписывали многочисленные чиновники, в том числе и в Москве. Проверяли, согласовывали, инспектировали, утверждали, но все, кто был наделен реальной властью, после происшествия оказались в стороне. Следствие шло два года, провели 90 экспертиз. Кто же виновен? Экс-директор лагеря, фельдшер, два студента (один оправдан), массовик-затейник, на которого произвольно возложили административные функции. Родители погибших детей провели собственное расследование и заявили, что причина трагедии не в халатности, а в коррупционном сговоре. Видные общественные деятели сообщили, что истинные причины случившегося: жадность, цинизм, коррупция. И они правы. Со всей очевидностью это доказывают и другие подобные происшествия, сопровождающиеся массовой гибелью людей, такие как пожары в ТЦ «Зимняя вишня», ночном клубе «Хромая лошадь». Однако все это уже выходит за рамки нашей темы, связанной с независимостью эксперта. Завершая ее, скажем, что реализация указанного принципа должна носить комплексный характер. Мы склоняемся к идее создания единой централизованной экспертной службы вне правоохранительной системы, подчиненной одной из высших властных структур страны, например правительству. Аналоги имеются. Это, в частности, Государственный комитет по судебной экспертизе Беларуси, подчиняющийся ее президенту. Вместе с этим мы исключаем слепое копирование белорусской или какой-либо иной модели. В самой Беларуси созданию комитета предшествовала масштабная подготовительная работа, длившаяся более 10 лет. Этот же путь предстоит и России. Надо сознавать, что централизация сама по себе не гарантирует успеха в решении проблемы. Требуется ее глубокое изучение, анализ деятельности, результатов, как положительных, так и отрицательных. Нет уверенности, что идея

единой экспертной службы вообще будет признана целесообразной, не исключено, что будет предложен иной вариант решения проблемы.

Вполне возможно, что существующее положение с экспертной деятельностью сохранится еще неопределенное время, хотя бы потому, что реформы всегда требуют значительных материальных затрат. В этом, наиболее вероятном, варианте независимость эксперта обязаны обеспечивать министерство юстиции, ведомства, в распоряжении которых имеются экспертные службы, прокуратура, суд. Определенные ресурсы у них имеются. Возможно содействие средств массовой информации.

Оценка заключения эксперта

Экспертиза назначается в тех случаях, когда для решения возникающих вопросов необходимы специальные знания, которыми следователь, как правило, не обладает, и он же дает оценку полученному заключению. В этом нет никакого противоречия. Он в состоянии его оценить, и, более того, он обязан это сделать. Заключение эксперта – это один из видов доказательств и, как указывает ст. 17 УПК РФ, не имеет никакой заранее установленной силы, хотя на практике часто наблюдается его переоценка. Некоторые следователи знакомятся лишь с выводами эксперта и не считают нужным изучить сам текст заключения. Это прямой путь к ошибке. Необходимо не только тщательное изучение экспертного заключения, но и его критическая оценка. Надо помнить, что эксперт может допустить ошибку, халатность, сознательно уйти от вопросов или дать на них расплывчатый многовариантный ответ. Возможны замена, подмена объектов исследования, фальсификация полученных результатов. Встречается неполнота исследования, некомпетентность эксперта, его выход за пределы компетенции, иные факторы, превращающие заключение в недопустимое доказательство. Поэтому оценка необходима. Каковы же ее правила, способы? В самом общем виде правила оценки всех доказательств, в том числе и заключения

эксперта, изложены в ст. 88 УПК РФ. Мы не можем согласиться с А. Р. Белкиным, который излагает собственную позицию по указанному вопросу. Автор пишет, что следователь, не обладая специальными познаниями в проблемной области, не всегда в состоянии квалифицированно судить о правильности экспертного заключения. Выход из создавшегося положения — идея метаэкспертизы, которая не является дополнительной или повторной экспертизой, и, по мнению А. Р. Белкина, наиболее логично для ее проведения представляется привлечение независимого специалиста [222, с.364–366].

Позиция А. Р. Белкина, несомненно, ошибочна. Оценка заключения эксперта предоставлена следователю. Возможны консультации, допрос эксперта, назначение дополнительной, повторной, повторной комиссионной экспертиз, иные действия, но в итоге заключение оценивает следователь, и это прямо отражено в ст. 17 УПК РФ. Именно следователь, а не какой-то не предусмотренный законом независимый специалист. Оценка заключения эксперта не означает, что следователь непременно примет его в качестве доказательства. Он может его таковым и не признать. Иногда в распоряжении следователя оказывается два и даже больше экспертных заключения с противоположными выводами. Какому отдать предпочтение? Скорее всего, ни одному из них, или следователь должен обосновать, почему конкретное заключение он считает обоснованным, а другое отвергает.

Ориентироваться в таком вопросе на «независимого специалиста» нельзя. Он и сам один из многих экспертов и точно так же подвержен ошибкам, заблуждениям и шаблонам мышления; еще хуже, если он уверен в собственной непогрешимости. Если и следователь будет разделять такую уверенность, то ошибка вполне возможна. Примеров много. О том, что метаэкспертиза якобы «широко вошла в практику», нам известно лишь из цитируемой работы А. Р. Белкина.

Помимо абстрактной метаэкспертизы существуют вполне реальные негосударственные организации типа «Саморегулируемая

организация судебных экспертов России», предлагающая рецензирование, оспаривание любой экспертизы, в том числе дистанционно и независимо от региона в кратчайшие сроки. Успех гарантируется в 89% случаев. Не надо быть специалистом в области судебной экспертизы, чтобы понять сущность такого рецензирования. Это бизнес-услуга, результат которой определяется ее заказчиком и организатором. Излишне говорить, что правосудие — государственная деятельность, ни при каких обстоятельствах не может ставить себя в зависимость от позиции саморегулируемых экспертов, хотя среди них есть специалисты высокой квалификации.

Таким образом, заключение экспертизы оценивает следователь. Прежде всего, проверяется структура заключения, в которой должны быть вводная, исследовательская части и выводы. Мы говорим об этих, казалось бы, очевидных фактах, поскольку на практике можно увидеть произвольное оформление заключения, лишаящее его какой-либо юридической силы. Иногда отсутствует исследовательская часть — то, без чего нет самой экспертизы. Необходимо проверить фототаблицы, весь иллюстративный материал, наличие штампов, печатей, дат, подписей. Сопоставляется изъятое при осмотре места происшествия, обыске и затем представленное эксперту. Нередкая ситуация: с места происшествия изъято одно, а эксперту направляют иное. (Например, изымают гильзу, а направляют пулю.) Можно не сомневаться, что на это обстоятельство обратит внимание сторона защиты. Иногда фототаблицы не имеют никакого пояснительного текста, и это не просто отсутствие культуры в экспертной деятельности. Подобное может сделать доказательство недопустимым. Идентификационные экспертизы (дактилоскопические, трасологические, медико-криминалистические) без фототаблиц с указанием совпадающих признаков вообще не являются доказательством. Нам неоднократно встречались следователи, которые не в состоянии оценить заключение дактилоскопической экспертизы только потому, что они не знают, какие вообще существуют виды папиллярных узоров.

Необходимо знать возможности экспертизы, а они не беспредельны. Например, эксперт называет конкретный час наступления смерти. К такому выводу надо отнестись крайне осторожно. Следственным путем можно установить время совершения преступления, но судебная медицина такого уровня не достигла и, как пишут авторитетные ученые, вряд ли когда достигнет. Однако такие относительно редкие заключения встречались; действовали имя и служебное положение эксперта, его ученые степени, награды, почетные звания, ссылки на уникальную методику. Следователь должен объективно оценивать выводы эксперта и не подпадать под его авторитет. Есть очень опытные эксперты с большим опытом и стажем, которые не всегда дают конкретные ответы на поставленные вопросы. Казалось бы, почему? Потому что они сами и их коллеги допускали ошибки там, где все казалось просто, ясно и очевидно. Сам следователь, зная историю криминалистики, должен помнить, что ошибки совершали самые крупные ученые, чей авторитет в научном мире был непререкаем [74; 236; 238].

Завышенные возможности и гарантии могут исходить от так называемых независимых экспертных учреждений. Например, установление давности составления документа — это очень сложный вид исследования; существующие методики подвергаются критике. Условия хранения документа могут быть различными — в земле, воде, на него возможно температурное воздействие. Некоторые преступники умеют искусственно старить документ. Тем не менее отдельные независимые СЭУ гарантируют установление давности составления документа с точностью до недели-месяца. Такой вывод должен быть обоснован, доказан, а его оценка — задача следователя.

Немаловажное значение имеет сопоставление выводов экспертизы и материалов дела. Полное совпадение всех фактов, обстоятельств преступления (происшествия) — редкое явление. Незначительные расхождения вполне возможны. Существенные расхождения означают изъяны следствия или экспертную

ошибку, и они должны быть устранены. В противном случае предъявлять обвинение, направлять дело в суд нельзя.

Оценке подлежат и другие обстоятельства. Например, на теле человека, его одежде обнаружены микроколичества крови или наркотического вещества. Свидетельствует ли это о его причастности к преступлению? Однозначного ответа нет, поскольку их происхождение может быть различно и никак не связано с преступлением. Нередко и сам носитель следов не в состоянии объяснить их наличие.

У гр. Д. в его личной автомашине изъяли нож, признанный криминалистической экспертизой холодным оружием. Однако один из признаков холодного оружия — это его назначение. Д., по специальности корабельный плотник, показал, что нож использовал как рабочий инструмент и взял с собой для работы на даче. Если у следователя имелась иная версия, то ее следовало проверить и доказать, кто, где, когда и с какой целью этот нож изготовил. Без этого нельзя ставить вопрос об ответственности Д.

Дать рекомендации, высказать мнение по проблеме оценки заключения эксперта в полном объеме нельзя, хотя бы по причине их многообразия. Но есть возможность изложить свою позицию по некоторым из них, встречающимся на практике наиболее часто.

Криминалистическая экспертиза

Для оценки криминалистической экспертизы должны быть достаточные познания в судебной фотографии, судебной баллистике, трасологии и других разделов криминалистической техники. Эти знания юрист получает в процессе обучения, а затем расширяет в процессе работы и постоянного самообразования. Необходимо следить за процессом развития криминалистики, знать возможности судебных экспертиз, видеть их дискуссионные проблемы. Сложности могут возникнуть при оценке многих криминалистических экспертиз. Одна из наиболее сложных — фотопортретная экспертиза. Трудность ее проведения

и последующей оценки носит объективный характер, поскольку требуются фотографии, сделанные в одном ракурсе, а получить их можно не всегда. Качество предоставленных фотографий иногда бывает очень низкое, что существенно затрудняет работу эксперта. Проблема усложняется, когда необходимо идентифицировать фотографии живого человека и трупа. Назначать фото-портретную экспертизу надо всегда, когда в этом возникает необходимость. Следует продумать выбор экспертного учреждения, эксперта, провести с ним консультации, но в любом варианте оценка экспертного заключения сложна и очень ответственна. Это же относится и к исследованию по фотосовмещению прижизненного изображения человека и черепа. Такая экспертиза существует, но есть опытные специалисты, которые оценивают ее негативно. Их доводы полезно знать, чтобы они в дальнейшем не стали неожиданностью.

Что касается скульптурной реконструкции личности по черепу, то это вообще не экспертиза. В свое время Верховный Суд СССР рассматривал ее лишь в качестве искусства и не признавал процессуальным доказательством. В настоящее время отношение к ней различное. В каких-то случаях реконструкция оформляется в виде экспертизы, выводы которой кладутся в основу обвинения, а затем и обвинительного приговора. Это крайне рискованно, а сам по себе риск, тем более риск принятия процессуального решения, на судебной стадии должен быть полностью исключен.

Мы считаем, что скульптурная реконструкция при наличии соответствующих специалистов возможна, но она имеет лишь ориентирующее значение и должна использоваться в оперативно-разыскной деятельности, при следственных действиях в частности, при опознании ее использование недопустимо.

Взвешенной оценке подлежат и выводы одорологической (ольфакторной) экспертизы. Одорология — наука, в области которой работают серьезные специалисты; некоторые из них (Л. Бак, США) удостоены Нобелевской премии за результаты исследований в этой области. Существует и судебная одорология; посвященные

ей разделы содержатся почти во всех учебниках по криминалистике, имеется литература по указанной теме. В стране проводятся и одорологические экспертизы, хотя обобщенные данные, их анализ отсутствуют. В чем же тогда сложность оценки? Дело в том, что судебная одорология — область дискуссии, имеющей длительную историю, которая не завершена и по сей день. Есть сторонники судебной одорологической (ольфакторной) экспертизы, а среди них много высококвалифицированных специалистов, и есть противники, считающие, что ее выводы не являются процессуальным доказательством. Их доводы, аргументы, позиция в целом не могут быть просто отброшены, как бы сам следователь ни относился к этому разделу криминалистической техники. Ссылки на западный опыт не всегда корректны, так как организация, состояние одорологической службы в России и, например, Нидерландов, Германии существенно различаются. Но следователь обязан знать о существовании экспертных ошибок при проведении экспертизы запаховых следов, чтобы самому не содействовать появлению таких ошибок [214, с. 135–138].

Весьма перспективна фоноскопическая экспертиза, а ее диагностическая информация может иметь при расследовании важное значение. Во много раз сложнее оценка идентификации голоса, речи. Индивидуальная идентификация голоса в принципе возможна, но зависит она от многих факторов. От них же зависит и оценка заключения эксперта.

Под различными наименованиями входят в практику экспертизы, в основе которых полиграфное исследование. Мы уже высказали мнение о возможностях полиграфа и вновь повторяем, что основная сфера его применения — это оперативно-разыскная деятельность, а не процессуальное доказывание. По своей сущности полиграф является медицинским прибором, фиксирующим физиологические процессы человека. Со времени появления его возможности многократно возросли, но ложь он по-прежнему не выявляет. Если косвенно и выявляет, то никак не доказывает. Здесь речь уже идет не об интерпретации данных

обследования, не об оценке полученной информации, а об отношении к возможностям полиграфологии и правомочности на ее основе экспертизы, как бы ее ни называли. Такие экспертизы надо не оценивать, а просто отвергать [96, с. 37–40; 97, с. 32–34; 99, с. 5–7].

В 2011 г. во Владивостоке исчезла Г. Колядзинская, в связи с чем возникли подозрения в отношении ее сожителя В. Коэна. В 2014 г. возбудили дело по ст. 105 ч.1 УК РФ, а Коэна задержали. Труп не нашли, поэтому проблематично было вообще говорить об убийстве. Тем не менее Коэна осудили на длительный срок лишения свободы. Основные доказательства представил И. Анищенко — эксперт по лжи и языку жестов, инженер по образованию, телеведущий, он же «один из самых известных профайлеров России», хотя в действительности никаких данных об его успехах в этой сфере нет. Нам неизвестно, что телеведущий Анищенко сообщил следователю и суду, но приговор по делу — это явное беззаконие, поскольку доказательства вины Коэна отсутствуют. Такова оценка сведений эксперта Анищенко и приговора в целом.

Уже говорилось о том, что возможности криминалистической экспертизы постоянно расширяются. Это коснулось и такой традиционной экспертизы, как дактилоскопическая.

В настоящее время следы рук обнаруживают и изымают через много лет после происшествия. Их изымают с самых необычных поверхностей: с кожи трупа, камней, кирпичей, покрытых ржавчиной, искривленных поверхностей. Задача следователя — проверить квалификацию эксперта, способ обнаружения, фиксации следов; затем изучаются совпадающие признаки. Сложность оценки не в особенностях поверхности носителя следов, а в том, что с места происшествия их часто изымают далеко не в идеальном состоянии. Это и порождает ошибку эксперта, а затем и следователя. Однако при сомнении имеется возможность провести повторную комиссионную экспертизу. Если сомнение не устранено, то, очевидно, следует исключить заключение эксперта из числа доказательств. Считается, что заключение

дактилоскопической экспертизы бесспорно. Это не так, и неоднократные ошибки имели место. Нам известны случаи, когда основанием для неоднократных повторных экспертиз являлась твердая позиция подозреваемого, отрицавшего свою причастность к преступлению. В итоге удавалось установить ошибочность вывода первоначальной экспертизы.

Иногда из правильного ответа эксперта следователь делает ошибочные выводы и расценивает их как доказательство. Это связано с неправильной формулировкой вопросов в постановлении о назначении экспертизы. Например, следователь спрашивает: имеется ли сходство объектов с места происшествия и представленными образцами почвы, стекла, бумаги, ткани и т. д. Эксперт отвечает, что сходство имеется, и он прав. Однако почва, стекло имеют в своем составе одни и те же химические элементы, и это ничего не доказывает, как не является доказательством совпадение типа папиллярного узора. Поэтому следует ставить вопрос не о сходстве, а об идентичности объектов.

Судебно-медицинская экспертиза

Как бы хорошо ни знал следователь судебную медицину, он не может владеть знаниями о ней в том же объеме, что и врач, имеющий высшее образование, специализацию и опыт работы. Оценка заключения эксперта все же возможна. Об общих критериях оценки, требованиях к ней с точки зрения УПК РФ уже было сказано.

Если речь идет о судебно-медицинской экспертизе трупа, то проверяются результаты дополнительных исследований: химических, биологических, гистологических, цитологических, медико-криминалистических. По каждому из них возможно проведение отдельных экспертиз. Следует убедиться в том, что эксперт осмотрел и описал одежду, обувь трупа, зафиксировал имеющиеся на них следы и повреждения, изъясил необходимые образцы крови, волос, а также инородные объекты в ранах на трупе и предметы в его полостях. В частности, на странгуляционной борозде трупа

могут быть обнаружены текстильные волокна, пригодные для последующей идентификации. При падении с высоты в полости желудка потерпевшего находили записки, объяснявшие суть происшествия. Экспертная практика обширна и разнообразна. Известны многочисленные случаи, когда в процессе исследования трупа получали информацию, позволявшую в кратчайшие сроки установить личность потерпевшего, а затем и преступника.

При подозрении на насильственную смерть необходимо сделать срезы ногтевых пластинок кистей рук. Поэтому желательно присутствие следователя при экспертизе — эта рекомендация известна уже давно, хотя часто игнорируется.

Не менее тщательно следователь обязан изучить и дать оценку судебно-медицинской экспертизы живого человека. Она может быть достаточно сложной, но иногда к ней наблюдается поверхностное отношение, хотя речь нередко идет о тяжких и особо тяжких преступлениях (изнасилование, покушение на убийство, разбой), предусматривающих максимальное наказание.

Встречаются такие ситуации: потерпевшего доставляют в медицинское учреждение, из которого он сбегает. По какой-то причине запись в медицинской документации состоит из одной фразы. Тем не менее эксперт проводит экспертизу и отвечает на целый комплекс вопросов, а в итоге определяет степень тяжести телесных повреждений, от которой во многом зависит квалификация преступления. Что исследовал эксперт? Ничего не исследовал. Следователь не должен принимать такое заключение, а эксперт имеет право поступить в соответствии со ст. 199 ч. 5 УПК РФ. Такая ситуация может быть восполнена следственным путем, но это уже задача следователя, а не эксперта, хотя какие-то его рекомендации возможны.

По делам об убийстве имеет место назначение экспертизы без трупа. Многие эксперты отказываются от проведения такой экспертизы, другие ее не исключают и считают, что проблема нуждается в изучении. В отдельных случаях экспертиза проводится, но все зависит от конкретной следственной ситуации

[28, с. 203–206]. Например, трупа нет, но на месте происшествия зафиксированы обширные следы крови. Эксперт определяет ее объем и сообщает, что такая кровопотеря не совместима с жизнью. Подобные и иные ситуации возможны и даже известны. Разумеется, требуется определенная осторожность при назначении такой экспертизы и особенно при оценке ее выводов.

Могут быть исследованы костные останки сожженных, эксгумированных трупов; при сильных взрывах от тела остаются лишь его фрагменты. Трупов как таковых нет, но объекты экспертизы имеются. С учетом возможностей молекулярно-генетической экспертизы они могут быть информативны и даже идентифицированы. Однако следует помнить, что ошибки встречались и при проведении этой высокоточной экспертизы.

Сложно оценить выводы судебно-медицинской экспертизы по исследованию биологических объектов человека. Характерный пример — дело серийного убийцы Чикатило. Его неоднократно задерживали, но сразу исключали из числа подозреваемых только потому, что в свое время неправильно установили его группу крови. Однако именно следственные данные заставили пересмотреть выводы экспертизы, в итоге оказавшиеся ошибочными. Выход, по нашему мнению, один. Следователь, расследующий дела против личности, должен иметь хотя бы минимальный объем знаний по судебной биологии. Это очень непросто, но такие следователи есть, хотя гораздо больше тех, кто об этом ничего не знает, не пытается узнать, а принимает на веру то, что ему сообщает эксперт.

Интересно, что в 1984 г., когда Чикатило А. был задержан за «приставание к женщинам», и у него в портфеле нашли реквизит серийного убийцы: острый нож, вазелин и веревку (связывание жертв), он был арестован на 15 суток за «мелкое хулиганство» и помещен в ИВС для оперативной разработки. При этом агент сообщал оперативным сотрудникам, что в камере Чикатило очень интересуется возможностями экспертиз крови и спермы. Но эта важнейшая информация, позволявшая на тот момент реально

раскрыть серию убийств и не допустить новых преступлений, была оставлена без внимания. Чикатило был выпущен из ИВС и продолжал убивать еще 6 лет [54, с. 106–115].

Бывает сложно дать оценку судебно-медицинской экспертизе по так называемым врачебным делам. Возможности следователя при ее проведении ограничены. Однако он имеет право присутствовать при работе комиссии, высказать свое мнение ее членам. По результатам комиссионной экспертизы он может допросить потенциального обвиняемого, затем председателя комиссии, назначить повторную комиссионную экспертизу. Следует иметь в виду, что, исходя из корпоративных интересов, члены комиссии иногда склонны не замечать вину своего коллеги, а смертельный исход или иные тяжкие последствия объясняют различными причинами. Поэтому врачебные дела редко доходят до суда.

И еще об одной категории дел, сложной как для экспертов, так и для следователей, оценивающих экспертные заключения. Речь идет о происшествиях, сопряженных с гибелью людей, имеющих признаки преступления и, наоборот, преступлений, замаскированных под несчастный случай или самоубийство. Иногда происшествия осложняются элементами непроступной халатности, стечением обстоятельств, неадекватностью поведения его участников. Например, мог ли малолетний, прыгая в кровати, наткнуться на ножницы, которые там каким-то образом оказались? Мог ли ребенок упасть с дивана в ведро с водой и погибнуть? Возможно ли самоповешение на ветке куста? Есть происшествия, способные поставить в тупик самого опытного эксперта, и их число бесконечно. Иногда перед экспертом ставят вопросы, почти не имеющие отношения к медицине: можно ли совершить определенные действия с трупом, мог ли Н. в конкретной ситуации переодеть труп, перенести его на большое расстояние. Иногда крайне сомнительна способность смертельно раненого к поездке в общественном транспорте, совершению сложных действий и т. д.

Нередко для решения этих и им подобных вопросов назначается комплексная экспертиза, и это правильно. Участие судебного врача в ней обязательно. Что касается результатов, то они различны. Практике известны и необычные случаи самоубийств, уникальные стечения обстоятельств при несчастном случае и разоблаченные инсценировки. О некоторых инсценировках становилось известно лишь со слов преступника. Все зависит от следователя, специалиста, эксперта, их опыта, квалификации, отношения к делу [163]. Завершает ситуацию оценка следователя, который на ее основании принимает процессуальное решение.

Судебно-психиатрическая экспертиза

Оценка следователем заключения судебно-психиатрической экспертизы весьма непростая по многим причинам. Прежде всего, необходимо отметить, что не все случаи отклоняющегося поведения являются болезнью, но современная медицина идет по иному пути. Если когда-то говорили о двух условиях невменяемости — малолетстве и безумии, то в настоящее время называются десятки психических болезней, и этот перечень постоянно растет [227, с. 299]. Например, в 1999 г. был сформулирован эффект Даннинга — Крюгера, который в первую очередь ассоциируется с Ф. Дженкинс (США). Женщина без каких-либо вокальных данных, совершенно лишенная музыкального слуха, считала, что является великой певицей. Будучи состоятельным человеком, она давала концерты в Карнеги-Холл, делала студийные записи. Отношение к ней со стороны окружающих, публики было соответствующим, но можно ли говорить, что ее психика была нарушена?

По данным ВОЗ, каждый четвертый-пятый житель Земли имеет психические отклонения, но не все психические болезни требуют лечения. Люди с нестандартным поведением, иногда даже с элементами противоправного, были всегда и во всех странах мира. Среди них представители всех социальных групп, в том числе ученые, писатели, художники, композиторы, спортсмены, но повышенный интерес для правоохранительных органов они имеют только в тоталитарных режимах.

Среди преступников есть лица с нарушениями психики, пограничными состояниями, алкоголики, наркоманы, страдающие какими-либо заболеваниями, но вменяемые. Таких в нашей стране примерно 40%. Например, И. Иртышов совершил ряд тяжких преступлений со смертельным исходом в отношении несовершеннолетних. Он вырос в семье алкоголиков, имел порочные наклонности, перенес тяжелую черепно-мозговую травму, но экспертиза, выявив у него ряд психических нарушений, признала его вменяемым. Материалы дела свидетельствовали о том, что Иртышов в жизни был полностью ориентирован, отдавал отчет своим действиям. Они не противоречили экспертному заключению. Разумеется, по таким делам производство судебно-психиатрической экспертизы необходимо.

Иногда позиции членов экспертной комиссии при решении вопроса о вменяемости расходятся и действуют уже не медицинские критерии, а иные. Так, М., молодая замужняя женщина с высшим образованием и положительными характеристиками, имевшая грудного ребенка, совершила убийство из корыстных побуждений. Она познакомилась с состоятельной женщиной, увидела в ее квартире дорогостоящие вещи. М. тщательно продумала план преступления, которое совершила при помощи топора. Однако она ничего не похитила, хотя имела такую возможность. В прошлом у нее выявили попытку самоубийства, причину которой не установили. Последнее и явилось причиной расхождений экспертов при оценке ее психического состояния. Решали этот вопрос без участия следователя и учета его мнения.

По некоторым делам виновного признают психически здоровым и приговаривают к максимальной мере наказания. Чикатило полностью отдавал отчет своим действиям, руководил ими, в повседневной жизни вел себя нормально, никаких подозрений не вызывал. Однако характер совершенных им преступлений свидетельствует о том, что имела место глубочайшая патология. Известно, что способствовало формированию преступного стереотипа будущего серийного убийцы А. Сливко — внезапная гибель

подростка на его глазах в результате дорожно-транспортного происшествия, но психического заболевания у него не было. Признали вменяемыми серийных убийц Геранкова, Сибирякова, но никакого объяснения их действиям, поведению на месте происшествия не нашлось. Они и сами не могли ничего объяснить. Что касается Чикатило, то в экспертном заключении отражено, что он психически здоров, никаких отклонений от нормы у него не выявлено. Из неофициальных, но вполне достоверных источников известно, что вывод судебно-психиатрической экспертизы по его делу был predetermined.

Вызывают удивление и другие ситуации. Некоторые лица, совершившие ряд крайне жестоких преступлений, были признаны невменяемыми и направлены на принудительное лечение в спецбольницы. Однако при беседах с ними совершенно очевидно, что они все понимают, полностью ориентированы, способны здраво рассуждать на любые темы и уходят от ответов на нежелательные для них вопросы. Ранее за медицинской помощью они никогда не обращались, их родные, близкие также не думали о врачебной помощи.

Невольно возникает вопрос: больны ли они вообще? В случаях признания судебной ошибки, а таких становится все больше, их освобождают из спецбольниц, и оказывается, что они в лечении не нуждаются, хотя его срок судом неоднократно продлевался и, что характерно, в рамках санкции статьи УК РФ. Мало кто помнит сейчас, что «вор в законе» Иванов В. К. (Япончик) еще в начале своей криминальной карьеры был арестован за совершенное корыстно-насильственное преступление, но судебно-психиатрической экспертизой признан невменяемым [33; 41]. После освобождения из больницы он принял активное участие в организованной преступной группе разбойников, осужден к 14 годам лишения свободы — без каких-либо подозрений на «невменяемость»¹.

¹ Уголовное дело № 1-216-82 // Архив Люблинского районного суда г. Москвы, 1982 г.

Встречаются прямо противоположные случаи, когда инвалиды с детства, которые не в состоянии учиться и работать, периодически помещаемые в психиатрические стационары, признаются как не страдающие какими-либо заболеваниями вменяемыми, а повторной экспертизой, наоборот, невменяемыми. Известно много просто непонятных ситуаций.

М. Глущенко совершил тяжкое преступление, признан невменяемым. Оказавшись на свободе, стал занимать руководящие посты в бизнесе, стал депутатом Государственной думы РФ, принимал участие в работе комитета по обороне, вновь совершил преступления.

Иногда совершение преступления приписывают тем, кто погиб или покончил жизнь самоубийством. Делается это при помощи судебно-психиатрической экспертизы, и активную роль в ее проведении играет орган дознания. Такая «активность» становится известной общественности и получает негативную оценку. Есть мнение о том, что судебная психиатрия является промежуточным звеном между правоохранительными органами, следствием и судебной властью. Известный эксперт-психиатр Э. Л. Гушанский сообщает, что случаи злоупотребления в судебной психиатрии имеются и даже увеличиваются¹. Является очевидным фактом то, что судебно-психиатрическая экспертиза имеет много серьезных проблем. Об этом свидетельствует даже экспертная статистика по субъектам РФ, случаи привлечения экспертов-психиатров к уголовной ответственности. Все это не может не вызывать сомнения в ее деятельности, порождает недоверие к ней. Тем не менее определение вменяемости/невменяемости является сферой специальных знаний, и на многие возникающие вопросы юристы не могут дать ответ и даже отстранены от их решения.

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы. Вопрос, назначать или нет судебно-психиатрическую экспертизу,

¹ Интервью эксперта-психиатра Э. Л. Гушанского // Полит.РУ: [сайт]. 2008. 15 янв.

следователь решает самостоятельно, за исключением случаев, предусмотренных ст. 196 УПК РФ. Советы, рекомендации органа дознания, иных структур излишни, и необходимости в них нет. Следует глубоко изучить личность обвиняемого, состояние его здоровья за длительный срок его жизни. В определенной мере это позволит следователю получить представление об его психическом здоровье.

Процитированный выше эксперт-психиатр Э. Л. Гушанский предлагает установление общественного контроля за психиатрической деятельностью и права лечащего врача присутствовать при производстве экспертизы. Это все полумеры. Контроль, в том числе и общественный, предусмотрен ст. 45-46 ФЗ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», но возможен ли он при производстве экспертизы? Если да, то необходимо определить его механизм.

Следователь вправе получить необходимые консультации у специалистов, а также включить кого-либо из них в состав экспертной комиссии. Он может присутствовать при проведении экспертизы и довести до членов комиссии свое мнение, разумеется, без вмешательства в их профессиональную деятельность и без воздействия для принятия конкретного решения.

Последняя возможность следователя при сомнении, несогласии с решением комиссии — это назначение повторной экспертизы. Такая возможность существует и у суда. Известна уникальная ситуация, когда суд не согласился с заключением ГНЦССП им. Сербского — высшей инстанции в области судебной психиатрии — и назначил очередную, шестую по счету, экспертизу, которую проводили специалисты, представлявшие различные школы и направления судебной психиатрии. В итоге подсудимый полковник Юрий Буданов был признан вменяемым и осужден, хотя до этого в течение трех лет разные экспертные комиссии ему ставили различные противоречивые диагнозы.

Проблемы судебной психиатрии тесно связаны с общей психиатрией, и они существуют во многих странах. О них,

в частности, пишет американский психиатр Б. Вайсман в книге с характерным названием «Психиатрия — предательство, не знающее границ» (М., 2002). В некоторых бывших республиках СССР судебную психиатрию объявляют наследием советского тоталитарного режима, хотя вся история психиатрии свидетельствует о том, что почти везде к психически больным применялись насильственные и крайне жестокие меры вплоть до конца XVIII в. В настоящее время многие страны реформируют психиатрическую службу; есть даже предложения о полной ликвидации психиатрических больниц.

В последние годы существования СССР известный советский врач-психиатр М. И. Буянов, долгое время работавший ученым секретарем Всесоюзного и Всероссийского обществ невропатологов и психиатров (1970–1980), написал книгу, вышедшую в свет после распада страны. Он отметил: «Полузнания, невежество, агрессивная нетерпимость ко всякой свободной мысли, слепая дисциплинированность — вот что характеризует основную массу советских психиатров... Как только ослабнет идеологический контроль, все эти люди ударятся в мистику, суеверия, национализм... Это люди плохообразованные, некультурные, оторванные от мировой науки. Как и все лентяи на земле, они очень любят говорить о величии своей трудовой деятельности» [48, с. 77].

Упомянутый нами выше «психиатр-криминалист» М. Виноградов, являющийся доктором медицинских наук, сейчас зарабатывает деньги, объединив разных «экстрасенсов» и «колдунов» в свой Центр, якобы для помощи правоохранительным органам. А ведь в своих диссертациях (кандидатской и докторской) Виноградов наверняка ссыался на диалектический метод познания, а не на мистику и веру в «чудеса». Но стоило исчезнуть идеологическому контролю, о чем верно заметил М. И. Буянов, как появились остепененные глашатаи сверхъестественного.

В целом необходимо добиться полной независимости экспертов в их деятельности, ликвидации коррупции, проникшей и в сферу судебной психиатрии. Проблемы экспертной деятельности

находят отражение в отдельных конкретных делах, а возможности следователя при их оценке ограничены. Даже ведущие судебные психиатры страны, рассуждая на эту тему, дают рекомендации самого общего характера [216, с. 127–131].

Нет сомнения в том, что вопрос оценки заключения эксперта важен и одновременно сложен. Поэтому считаем, что оценка каждого вида экспертизы должна стать темой отдельного исследования.

2.5 Роль следователя при назначении и производстве экспертизы

Судебная экспертиза назначается в тех случаях, когда при производстве расследования требуются специальные знания в науке, технике, искусстве или ремесле. В некоторых случаях, прямо указанных в ст. 196 УПК РФ, ее проведение является обязательным; при иных ситуациях вопрос решает следователь самостоятельно, исходя из конкретной следственной ситуации. Назначение экспертизы — не механическое действие, оно предполагает творческий подход, и, прежде всего, требуется ответить на вопрос: есть ли в ней необходимость, какую полезную информацию она в состоянии дать следователю и можно ли вообще ее получить. В свое время Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» указывало, что наблюдается неправильное отношение к экспертизам, они назначаются и тогда, когда для решения вопросов не требуются специальные познания, разрешаются вопросы права, выходящие за пределы компетенции экспертов. Не должно быть экспертиз, когда имеются нормативные акты, регулирующие те или иные вопросы. Добавим, что не должно быть разъяснений, так как сущность экспертизы всегда заключается в исследовании. Что касается разъяснений, то их получают путем допроса эксперта или консультаций с ним. В приведенной части постановления пленума актуально и в наши дни. Назначение

экспертиз не самоцель, и их количество не свидетельствует о высокой квалификации следователя; оно может говорить прямо об обратном. И наоборот. Известны случаи, когда по делу об убийстве в условиях неочевидности, сопряженному с инсценировкой, проводилась единственная судебно-медицинская экспертиза, и этого оказывалось вполне достаточно для расследования и рассмотрения дела в суде.

Итак, следователь решает вопрос о том, какие экспертизы необходимы и какова очередность их проведения. Они могут быть комплексными и комиссионными. По инициативе следователя возможно включение в их состав конкретных специалистов; часто это делается по рекомендации председателя комиссии. Определяется экспертное учреждение. Если предложение об экспертном учреждении, о конкретном эксперте исходит от органа дознания, то игнорировать его не следует, но отношение к нему должно быть крайне осторожным. О причине было сказано в предыдущем разделе, в котором рассматривалась проблема независимости эксперта. Основная функция органа дознания заключается в проведении оперативно-разыскной деятельности, а не в назначении экспертиз. В этой сфере решающая роль принадлежит следователю.

Следователь обязан тщательно продумать вопросы, на которые предполагается получить ответы. Можно воспользоваться справочной литературой, но переписывание вопросов исключается, хотя на практике среди начинающих следователей это не редкость. Ст. 58 УПК РФ указывает, что для постановки вопросов эксперту привлекается специалист. Считаем, что опытный следователь за каким-то исключением должен уметь это сделать самостоятельно. Исключается принятие вопросов в готовом виде от специалиста, эксперта, тем более сотрудников органа дознания, а подобное тоже имеет место. Более того, сотрудники органа дознания заранее знают, какие будут получены ответы; они позволяют говорить о прекращении уголовного дела, особенно в тех случаях, когда раскрытие преступления проблематично.

Иногда в постановлении о назначении экспертизы присутствуют задания эксперту — многочисленные, явно надуманные, бесцельные, свидетельствующие о низкой квалификации следователя, непонимании сущности экспертизы, ее возможностей. На такие «задания» эксперты никак не реагируют и оставляют их без внимания. Они дают оценку квалификации следователя, а некоторые по отношению к нему пытаются занять командную роль, выдвигают необоснованные требования, например представить им материалы уголовного дела, отказываются исследовать какие-либо объекты и т. д.

Следователь должен иметь авторитет перед экспертами, и начинается он с составления в соответствии с УПК РФ грамотного, продуманного постановления о назначении экспертизы, составленного в литературной форме с использованием научной и юридической терминологии, без излишних подробностей, грубых, вульгарных выражений, чему в немалой степени способствует его культурный уровень.

Имеет место дискуссия — каков должен быть объем информации в описательной части постановления, можно или нет предоставлять эксперту по его инициативе все материалы уголовного дела. Высказывается мысль о том, что подробные сведения о преступнике, о признании им вины, изложение всех обстоятельств совершения преступления могут повлиять на объективность эксперта. Считается, что наличие виновного, признание им вины облегчает работу эксперта. Это заблуждение. Проблема, полагаем, надумана, и следователь в состоянии самостоятельно решить указанный вопрос, исходя из конкретной следственной ситуации. Что касается экспертного заключения, то оно должно быть полностью объективным и не зависеть от признания или отрицания вины, поскольку возможны оговор, самооговор, фальсификация доказательств, стечение обстоятельств, в том числе и уникальное, что в следственной практике не редкость. Поэтому следователь не должен предлагать эксперту дать конкретный ответ, а тот не имеет права идти на поводу его или оперативного

сотрудника. Иногда подобное встречается, но и то, и другое – путь к ошибке, иногда непоправимой.

Вместе с постановлением о назначении экспертизы следователь направляет в СЭУ объекты, подлежащие исследованию, что должно быть сделано в соответствии с требованиями ст. 177 УПК РФ, т. е. изъятое должно быть упаковано, опечатано, заверено подписью следователя, что впоследствии отражается в акте экспертизы. Это не формальность. Нарушение требования закона в этой части могут повлечь за собой самые негативные последствия. На практике они встречаются нередко. По одному делу на экспертное исследование представили предположительно наркотическое вещество. Эксперт в заключении указал, что его доставил сотрудник органа дознания (без указания конкретных данных) в газетном листе без каких-либо надписей, сведений, подписей, даты. Это находилось в явном противоречии с материалами дела, в которых было указано, что вещество изъято, упаковано, скреплено печатью и т. д. Иными словами, имела место фальсификация или, как минимум, нарушение требований УПК РФ. В итоге основное доказательство по делу суд признал недопустимым.

Иногда в протоколе осмотра места происшествия указано, что изъято, например, 3 дактопленки со следами рук, а на исследование в опечатанном конверте представлено 4 пленки. Возможно, имела место ошибка, невнимательность, халатность, но для процесса это не должно иметь никакого значения. Последующая идентификация следов рук – недопустимое доказательство. Если суд оставляет это обстоятельство без внимания, то он сам нарушает закон, но основная вина в подобной ситуации лежит на следователе.

При производстве идентификационных экспертиз необходимы сравнительные образцы. Получение образцов – процессуальное действие, которое осуществляет следователь за исключением тех случаев, когда их получают непосредственно при производстве экспертизы. Получать иные образцы целесообразно с участием специалиста или эксперта, которому поручено

проведение экспертизы. Некоторые следователи считают, что получение образцов почвы, растений, воды, тканей, стекла никакой сложности не представляет, но такое мнение ошибочно. Ст. 202 УПК РФ указывает, что для получения сравнительных образцов от человека необходимо вынесение постановления с последующим составлением протокола, но при осмотре места происшествия и в рамках этого следственного действия оно не требуется. (Имеются в виду образцы неорганического происхождения: почва, растения, краска, цемент и т. д. — то, что впоследствии может быть обнаружено на преступнике.) Сравнительные образцы при освидетельствовании изымаются без вынесения отдельного постановления, так как оно уже должно быть составлено в соответствии со ст. 179 УПК РФ. Для получения биологических объектов человека, а также его следов-отображений постановление обязательно. Подобная процедура нередко сопровождается конфликтными ситуациями. Задача следователя — разъяснить подозреваемому, обвиняемому необходимость этого действия, обязательность постановления, а также гарантировать его конфиденциальность, быстроту проведения, минимум неприятных, болезненных ощущений. Одновременно надо дать понять, что получение образцов будет проведено, хотя закон не указывает, как это должно быть сделано при категорическом отказе. Иногда конфликтную ситуацию преодолеть не удастся. В таких случаях можно рекомендовать обратиться к следственной практике.

Ст. 197 УПК РФ предоставляет следователю право присутствовать при производстве экспертизы, и он должен им пользоваться. Часто это повышает авторитет следователя перед экспертами, особенно если он обладает определенным объемом знаний в той или иной науке. На практике при судебно-медицинской экспертизе трупа гораздо чаще присутствуют сотрудники уголовного розыска, нежели следователь. Это говорит об его самоустранении от раскрытия преступления; действуют и иные причины. Давно не является секретом практика сокрытия тяжких и особо тяжких преступлений. Способов много. Задача следователя — противостоять этому незаконно.

Так, по одному делу в Санкт-Петербурге ушла в школу и пропала без вести несовершеннолетняя С. По данному факту обоснованно возбудили дело об убийстве. Труп потерпевшей обнаружили через год на очень большом расстоянии от места ее проживания (на территории области). Портфель отсутствовал, имелись негативные обстоятельства. Осмотр места происшествия и трупа провел территориальный следователь, а не тот, у которого находилось в производстве дело об убийстве. Сотрудники уголовного розыска организовали проведение судебно-медицинского исследования (не экспертизы) трупа, вывод которого был таков: телесных повреждений на трупе нет, причина смерти не установлена, хотя отсутствие повреждений на теле не всегда означает, что смерть носила некриминальный характер. После этого уголовное дело прекратили за отсутствием состава преступления. При таком объеме информации утверждать что-то определенное нельзя, но есть основания считать, что произошло сокрытие тяжкого преступления. Несмотря на самоуправные действия сотрудников органа дознания, следователь должен был лично с участием специалистов осмотреть место происшествия, труп и одежду потерпевшей. Независимо от проведенного исследования трупа, необходимо было назначить и провести экспертизу, очевидно, комиссионную или комиссионную комплексную, предварительно продумав ее персональный состав и перечень вопросов и проведя необходимые консультации со специалистами. Именно для таких случаев в БСМЭ созданы отделы по производству особо сложных экспертиз. Только после этого можно было оценить следственную ситуацию, выдвинуть следственные версии, определить дальнейший план расследования. Разумеется, надо было отреагировать на самоуправство органа дознания; в противном случае оно входит в систему. Ведь имели место случаи, когда еще до прибытия следователя труп увозили с места происшествия, и даже неизвестно, куда и кто сделал такое распоряжение. Вряд ли это случайность. Ради справедливости можно заметить, что самоуправство органа дознания иногда обусловлено полнейшей бездеятельностью следователя.

Присутствие следователя при производстве экспертизы не обязательно, но, конечно, желательно. Например, на трупе имеется множество телесных повреждений, а причина смерти установлена как отравление алкоголем. Возможно, диагноз правильный, но требуется объяснить наличие повреждений, а для этого необходима дополнительная экспертиза. Какие-то факты, обстоятельства может пропустить, проигнорировать даже опытный эксперт, полагаясь на свой опыт, однотипность ситуации, ее встречаемость. Если обнаружена странгуляционная борозда, то часто диагноз предопределен – асфиксия, но такой вывод не всегда однозначен. Если зафиксировано падение с высоты, а в ранах на теле обнаружены инородные включения, то вполне вероятно, что помимо падения произошло что-то еще. Немало заключений с диагнозом: падение с высоты собственного роста. Без всякой статистики, а она отсутствует, можно утверждать, что во многих случаях произошло преступление, а не несчастный случай. Разумеется, следователь не эксперт, но определенные возможности у него имеются. Даже такие пассивные участники осмотра, как понятые, иногда обращают внимание на негативные и иные обстоятельства. Тем более их обязан видеть следователь.

Имеет значение знание следователем методик экспертных исследований. Возможно ли оно вообще, поскольку речь идет о специальных знаниях? Мы отвечаем на этот вопрос положительно. Существуют пособия для следователей, в которых в простой, ясной, доступной форме излагаются общие теоретические и практические вопросы, касающиеся назначения и производства экспертиз, их возможностей, перспективы их совершенствования. Они сопровождаются полезными рекомендациями, в частности по сбору и получению сравнительных образцов, что не всегда на должном уровне способен выполнить сам следователь. С течением времени экспертная деятельность усложняется; появляются новые приборы, аппаратура, меняются и совершенствуются методики. Не каждый судебно-медицинский эксперт может проводить гистологические, цитологические, тем

более молекулярно-генетические, исследования. Соответственно нельзя требовать и от следователя глубоких специальных познаний, но какой-то минимум все же возможен и даже необходим. Он достигается путем изучения специальной литературы, общения с экспертами и специалистами, ознакомления с научной аппаратурой, процессом экспертного исследования. В итоге следователь начинает более полно видеть проблему той или иной экспертизы, узнает о ее потенциальных возможностях, специалистах, разрабатывающих новые направления. Экспертов в стране очень много, но есть направления в экспертной деятельности, на знание которых претендуют многие, но реально разбираются в них лишь отдельные из них. Некоторые направления априори отвергаются только потому, что противоречат авторитету известных ученых; им могут даже противодействовать. Все это было в истории, есть и в настоящее время. Разобраться в этом непросто и в то же время возможно, что и доказывает опыт лучших следователей [98; 113; 127, с. 135–145; 150, с. 301–306]. Однако многие следователи не знают методик экспертного исследования, им неизвестно, что методики различных ведомств могут быть различными; соответственно будут и различны выводы. Есть методики, просто недоступные следователю, и этому трудно найти объяснение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая настоящее исследование, можно сделать некоторые выводы и предложения.

Одно из основных условий эффективной экспертной деятельности – это наличие современной научной, технической и правовой базы в сочетании с опытными, высококвалифицированными кадрами, которым обеспечена и гарантирована полная независимость.

В настоящее время в силу объективных причин предпочтение следует отдавать государственным судебно-экспертным структурам.

Следует внедрять в практику новые методы экспертных исследований, основанных на достижениях науки и техники. Это же относится и к применению современной аппаратуры и научно-технических средств. Указанная проблема не может быть решена одномоментно, поскольку требует значительных финансовых затрат, но она должна постоянно находиться в поле зрения тех, кто в состоянии ее разрешить.

Является достаточно очевидным фактом то, что отечественная криминалистика существенно отстает от западной, особенно в области криминалистической техники и экспертной деятельности, и это в то время, как профессиональная и организованная преступность обладает высоким техническим потенциалом. ОПГ вооружены, у них высокий уровень технической оснащенности, в наличии системы внутренней и внешней безопасности, спецтехника, в том числе шифраторы речевых сообщений, устройства по противодействию прослушивания и снятия информации. Активно используется консультационная помощь специалистов по оперативно-разыскной деятельности и криминалистике [258, с. 459–469]. Одновременно можно заметить, что большинство следователей о спецтехнике имеют самое смутное представление,

а какая-то их часть о ней вообще ничего не знает. Такое положение вряд ли можно признать нормальным.

Мы упомянули, что достижения западной криминалистики в ряде случаев выше отечественной. Раньше они отрицались, не признавались, подвергались критике, но это уже в прошлом. Положительный зарубежный опыт при расследовании преступлений надо изучать и по возможности использовать. Он должен быть доступен всем следователям, а не только отдельным ученым-криминалистам. Говоря о зарубежном опыте, мы имеем в виду не его слепое копирование и сознаем, что в западной криминалистике может быть и есть то, что противоречит российскому законодательству. Ведь и само понятие криминалистики в различных странах неодинаковое, но то, что неприемлемо в нашей стране, можно определить без особого труда.

Прежде чем говорить о заимствовании передового опыта западных стран, требуется создание хотя бы минимального стандарта экспертной деятельности. Есть немало населенных пунктов, в которых нет судебно-медицинских экспертов, тем более судебных психиатров, психологов. Даже во многих больших городах нет штатных экспертов многих специальностей и производство экспертиз приходится поручать внештатным экспертам; не все из них обладают необходимой компетенцией.

Не всегда и не везде техническое оснащение экспертных учреждений находится на должном уровне. Есть БСМЭ, в которых отсутствуют рентгеновские установки, не проводится спектральный анализ, наблюдается недостаток в расходных материалах.

Серьезная проблема: обеспечение независимости эксперта. Нарушения имели место и в прошлом, но серьезной озабоченности они не порождали. Предусматривалась ответственность за воздействие на эксперта, за его собственные противоправные действия. В настоящее время отдельные нарушения превратились именно в проблему, истинные размеры которой в силу латентности неизвестны. Особенно они заметны в области судебной психиатрии. Диагнозы покупаются и заказываются по

телефону, фальсифицируются медицинские документы, здоровых людей признают больными и опасными для общества, и наоборот — преступники оказываются на свободе. Действуют не медицинские критерии, а личные, корпоративные интересы.

Кардинальное решение проблемы, возможно, заключается в создании единой федеральной экспертной службы, но в настоящее время реализация этой идеи по целому ряду причин невозможна. Даже при признании целесообразности создания такой системы следует взвесить все доводы за и против, проанализировать различные точки зрения по этому вопросу, изучить опыт государств, в которых такая служба действует.

В настоящее время для обеспечения независимости эксперта должна быть повышена роль руководителя экспертного учреждения и прокурорского надзора, хотя его роль во многом принижена. Хотелось бы надеяться, что это временное явление.

Считаем, что роль следователя при назначении, производстве экспертиз и в целом при использовании специальных знаний в процессе расследования должна быть более активной. Для этого менять, дополнять действующее процессуальное законодательство не требуется, надо лишь чаще практиковать специализацию следователей. Под активизацией его роли мы понимаем право привлекать нужных специалистов уже на первоначальном этапе расследования, начиная с осмотра места происшествия. Номинально такое право у него есть, но реализовать его он не всегда в состоянии, поскольку руководящая роль им во многом утрачена.

Более активной может быть роль следователя при комплектовании комплексных, комиссионных экспертиз. Должна быть тщательная критическая оценка экспертного заключения, сопоставление его с материалами дела, но это уже зависит от квалификации самого следователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев А. И. Механизм и характер повреждений при падении тела человека на лестничном марше / А. И. Авдеев // Судебно-медицинская экспертиза. 1990. № 4. С. 3–6.
2. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т. В. Аверьянова. Москва, 2009. 480 с.
3. Агибалов В. Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / В. Ю. Агибалов. Воронеж, 2010. 24 с.
4. Александров Е. Б. Проблемы экспансии лженауки / Е. Б. Александров // В защиту науки : бюллетень. 2006. № 1. С. 14–29.
5. Александров Е. Б. Феномен лженауки в современном обществе и меры по противодействию лженаучным проявлениям / Е. Б. Александров // В защиту науки : бюллетень. 2014. № 13. С. 9–18.
6. Ардашев Р. Г. Астрология в криминологии и криминалистике. Критический анализ литературных источников / Р. Г. Ардашев // Государственная служба и кадры. 2018. № 4. С. 108–110.
7. Ардашев Р. Г. Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя : монография / Р. Г. Ардашев. [2-е изд., перераб. и доп.]. Иркутск : Изд-во ИрНИТУ, 2015. 220 с.
8. Ардашев Р. Г. Имитационное моделирование при исследовании качества органов зрения участников уголовного судопроизводства / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Закон и право. 2016. № 11. С. 110–111.
9. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : сборник материалов I Международной научной конференции / Р. Г. Ардашев. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 25–27.
10. Ардашев Р. Г. Иррациональная криминалистика. О попытках симбиоза лженауки и юриспруденции / Р. Г. Ардашев // Закон и право. 2019. № 12. С. 141–143.
11. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания / Р. Г. Ардашев // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.

12. Ардашев Р. Г. Необходимость проверки ситуации посткриминального суицида при раскрытии серийных и массовых убийств / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев, В. Н. Китаева // Закон и право. 2018. № 5. С. 125–127.
13. Ардашев Р. Г. Несостоятельность использования экстрасенсов для раскрытия и расследования преступлений / Р. Г. Ардашев // Закон и право. 2013. № 11. С. 131–132.
14. Ардашев Р. Г. О вреде использования экстрасенсов в оперативно-розыскной деятельности и криминалистике (обзор источников) / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Российский следователь. 2015. № 8. С. 3–5.
15. Ардашев Р. Г. Об одной псевдонаучной инновации / Р. Г. Ардашев // В защиту науки. Бюллетень. 2012. № 10. С. 94–97.
16. Ардашев Р. Г. Об опасности проникновения лженауки в криминалистику и оперативно-розыскную деятельность / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев, В. Н. Китаева // Закон и право. 2016. № 7. С. 168–171.
17. Ардашев Р. Г. Об ошибочных и надуманных версиях при расследовании массовой гибели людей (по материалам о гибели туристической группы Дятлова) / Р. Г. Ардашев, В. Н. Туркова // Закон и право. 2018. № 9. С. 155–157.
18. Ардашев Р. Г. Поисковый психолого-криминалистический портрет ангарского серийного убийцы: история создания / Р. Г. Ардашев // Криминалистика вчера, сегодня, завтра. Иркутск, 2017. Вып. 1. С. 8–11.
19. Ардашев Р. Г. Проблемные вопросы доказывания статуса «вора в законе» у обвиняемого при расследовании преступлений / Р. Г. Ардашев, В. Н. Туркова // Закон и право. 2019. № 6. С. 140–142.
20. Ардашев Р. Г. Проблемы выявления и предварительного исследования следов крови при осмотре места происшествия / Р. Г. Ардашев, А. Н. Архипова // Закон и право. 2019. № 4. С. 146–148.
21. Ардашев Р. Г. Психолого-криминалистический портрет серийного убийцы: проблемные вопросы : материалы международной научно-практической конференции / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Криминалистические чтения на Байкале — 2015. Иркутск, 2015. С. 189.
22. Ардашев Р. Г. Расследование убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом лица, совершившего преступление :

- диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Р. Г. Ардашев ; БФУ им. И. Канта. Калининград, 2017. 232 с.
23. Ардашев Р. Г. Самоубийство правонарушителей как способ противодействия расследованию преступлений (по материалам уголовных дел об убийствах) / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Вестник криминалистики. 2013. № 3(47). С. 84–89.
 24. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания / Р. Г. Ардашев // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 40–48.
 25. Ардашев Р. Г. Юриспруденция и мистика / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев, В. Н. Китаева // Закон и право. 2019. № 1. С. 147–149.
 26. Артющенко Д. В. Теоретические и прикладные аспекты классификации судебных экспертиз : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Д. В. Артющенко. Москва, 2013. 27 с.
 27. Архипова А. Н. Актуальные вопросы судебно-гидрологической экспертизы / А. Н. Архипова, Н. Н. Китаев, В. Н. Китаева // Академический юридический журнал. 2010. № 3. С. 44–48.
 28. Архипова А. Н. Международная практика расследования убийства при отсутствии трупа потерпевшего / А. Н. Архипова // Криминалистика в системе правоприменения : материалы конференции МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 27–28 октября 2008 г.). Москва, 2008. С. 203–206.
 29. Архипова А. Н. О попытках внедрения приемов магии в современную криминалистику / А. Н. Архипова, Н. Н. Китаев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Юридические науки. 2010. Т. 23 (62), № 2. С. 227–234.
 30. Ахмедшин Р. Л. К вопросу о доказательственном статусе заключения об установлении психологического портрета неизвестного преступника / Р. Л. Ахмедшин // Проблема познания в уголовном судопроизводстве. Иркутск, 2000. С. 91–97.
 31. Баев О. Я. О нескольких проблемах современной отечественной криминалистики и возможных направлениях их разрешения / О. Я. Баев // Воронежские криминалистические чтения. 2018. № 3 (20). С. 96–104.

32. Баев О. Я. Следователь (основы теории и практики деятельности) / О. Я. Баев. Москва, 2017. 620 с.
33. Барановский И. Ассирийский Зять по кличке Японец / И. Барановский // Московские новости. 1995. 26 нояб. 3 дек.
34. Баршев В. МВД проведет повторную экспертизу по ДТП, в котором погиб 6-летний мальчик / В. Баршев, И. Петров. Текст : электронный // Российская газета : [сайт]. 2017. 16 июня. URL: <https://rg.ru/2017/06/16/reg-cfo/mvd-provedet-povtornuiu-ekspertizu-po-dtp-v-kotorom-pogib-6-letnij-malchik.html> (дата обращения: 31.01.2020).
35. Басков В. И. Курс прокурорского надзора : учебник для вузов / В. И. Басков. Москва, 1998. 480 с.
36. Бастрыкин А. Идеальное преступление века, или Крах уголовного дела / А. Бастрыкин, О. Громцева. Москва, 2017. 544 с.
37. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России / Б. Т. Безлепкин. Москва, 2010. 484 с.
38. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. Москва, 2005. 528 с.
39. Белкин Р. С. Криминалистика. Краткая энциклопедия / Р. С. Белкин. Москва, 1993. 111 с.
40. Белкин Р. С. Курс криминалистики : [в 3 томах] / Р. С. Белкин. Москва, 1997. 3 т.
41. Белых В. Империя Япончика / В. Белых // Известия. 1995. 29 сент.
42. Бессарабов В. Г. Прокурорский надзор / В. Г. Бессарабов. Москва, 2006. 535 с.
43. Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни... / Н. П. Бехтерева. Москва ; Санкт-Петербург, 2007. 383 с.
44. Биркин М. М. К вопросу о концепции «параллельного расследования» в российском судопроизводстве / М. М. Биркин // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2010. С. 21–30.
45. Богданов В. Следствию помог экстрасенс / В. Богданов, П. Клемешев // Социалистическая законность. 1991. № 8. С. 29–30.
46. Божьев В. П. Сущность изменений в УПК РФ от 2 декабря 2008 г. / В. П. Божьев // Законность. 2009. № 5. С. 3–6.
47. Бойков А. Д. Выявление и устранение следственных ошибок при судебном рассмотрении уголовных дел / А. Д. Бойков. Москва, 1990. С. 5–24.

48. Буянов М. И. Президиум, или Кто управляет советской психиатрией / Михаил Буянов. Москва : Прометей, 1992. 152 с.
49. Быков В. Новый УПК требует создания независимого комитета судебной экспертизы / В. Быков // Российская юстиция. 2003. № 1. С. 29–31.
50. Бычков А. Н. Участие педагога в российском уголовном судопроизводстве / А. Н. Бычков. Москва, 2011. 176 с.
51. Венков А. В. «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства / А. В. Венков. Ростов-на-Дону, 2000. 582 с.
52. Винберг А. И. Судебная экспертология / А. И. Винберг, Н. Т. Малаховская. Волгоград, 1979. 181 с.
53. Винников А. Я. Социогуманитарная экспертиза преступлений на почве ненависти / А. Я. Винников, Н. М. Гиренко. Санкт-Петербург, 2005. 117 с.
54. Водько Н. П. Охота на маньяков / Н. П. Водько, Н. Н. Андреев. Одесса, 2014. С. 3–5.
55. Возгрин И. А. Введение в криминалистику / И. А. Возгрин. Санкт-Петербург, 2003. 475 с.
56. Возгрин И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений / И. А. Возгрин. Минск, 1983. 214 с.
57. Войтова О. Г. Правовые аспекты производства судебной экспертизы по материалам, содержащим сведения ограниченного доступа / О. Г. Войтова // Вестник Московского университета МВД России. Москва, 2017. № 2. С. 32–33.
58. Волеводз А. Г. Взаимодействие следователя со сведущими в области права лицами при международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства / А. Г. Волеводз // Российский следователь. 2016. № 11. С. 14–19.
59. Волькенштейн М. В. Трактат о лженауке / М. В. Волькенштейн // Химия и жизнь. 1975. № 10. С. 72–79.
60. Гоббс Т. Избранные сочинения / Т. Гоббс. Москва, 1926. 276 с.
61. Голубятников С. П. Экономическая криминалистика: этапы становления, перспективы развития / С. П. Голубятников // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2001. № 1. С. 56–59.
62. Горский Г. Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькинд. Воронеж, 1978. 303 с.

63. Горшенин Л. Г. Основы теории криминалистического прогнозирования / Л. Г. Горшенин. Москва, 1993. 123 с.
64. Грановский Г. Л. О криминалистическом прогнозировании / Г. Л. Грановский. Москва, 1976. 135 с.
65. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. Москва, 2002. С. 184–187.
66. Гурин А. Процессуальный статус прокурора-криминалиста / А. Гурин // Законность. 2008. № 11. С. 44–47.
67. Гусаков Э. Г. Предварительное расследование и принцип состязательности в уголовном процессе РФ : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Э. Г. Гусаков. Санкт-Петербург, 2002. 24 с.
68. Давлетов А. Специальные познания религиозного и политического характера, используемые при расследовании экстремистских преступлений / А. Давлетов // Вестник криминалистики. 2016. № 2. С. 45–50.
69. Денисов А. Э. Специалист как участник уголовного судопроизводства : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. Э. Денисов. Москва, 2010. 27 с.
70. Дзансолова З. С. Проявление принципов состязательности и диспозитивности при назначении судебных экспертиз / З. С. Дзансолова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2011. С. 91–95.
71. Дронова О. Б. Ошибки, допускаемые «независимыми экспертами» в ходе производства экспертиз «контрафактной продукции» / О. Б. Дронова // Ошибки судебной экспертизы: причины, выявление, предупреждение : материалы круглого стола (МГЮА, г. Москва, 26 января 2012 г.). Москва, 2012. С. 61–63.
72. Егоров И. Почти свободен / И. Егоров. Текст : электронный // Российская газета : [сайт]. 2012. 15 нояб. URL: <https://rg.ru/2012/11/15/mirzaev-site.html> (дата обращения: 31.01.2020).
73. Ермолин А. В. Представленность в сознании структуры мотива как предмет судебно-психологической экспертизы / А. В. Ермолин, А. Е. Ситникова. Санкт-Петербург, 2002. 118 с.
74. Загрядская А. П. Современные возможности судебно-медицинской экспертизы некоторых вещественных доказательств / А. П. Загрядская. Горький, 1977. 25 с.

75. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательности уголовного судопроизводства : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Е. А. Зайцева. Москва, 2008. 52 с.
76. Зинин А. М. Судебная экспертиза / А. М. Зинин, Н. П. Майлис. Москва, 2002. 320 с.
77. Зорина Е. В. Социально-философская инфраструктура эзотерической традиции в России XX в. : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Е. В. Зорина. Москва, 2002. 31 с.
78. Зотов Д. В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации до процессуальной регламентации / Д. В. Зотов. Воронеж, 2015. 86 с.
79. Ильина В. Судебно-психологическая экспертиза по показаниям участников уголовного судопроизводства / В. Ильина // Законность. 2018. № 8. С. 60-63.
80. Исаева Л. М. Теоретические основы использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве России / Л. М. Исаева. Москва, 2009. 243 с.
81. Использование специальных медицинских знаний при расследовании преступлений : справочно-информационные материалы. Часть 3. Назначение медико-криминалистических ситуационных экспертиз. Курск : ОБУЗ «Бюро СМЭ», 2013. 19 с.
82. Исютин-Федотков Д. В. Основы криминалистического изучения личности / Д. В. Исютин-Федотков. Москва, 2018. 285 с.
83. Ищенко Е. П. Алгоритмизация следственной деятельности / Е. П. Ищенко, Н. Б. Водянова. Москва, 2010. 304 с.
84. Кабанов П. О псевдонаучных методах раскрытия преступлений / П. Кабанов // Законность. 1997. № 1. С. 31-34.
85. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V / ответственный редактор С. З. Зиманов ; перевод, предисловие, примечания С. Я. Булатова. Алма-Ата, 1967. 152 с.
86. Квитко Н. И. Правовые основы судебно-психологической экспертизы по факту самоубийства / Н. И. Квитко, Н. К. Потоцкий, Е. Н. Холопова. Москва, 2001. 171 с.
87. Керенский А. Ф. Русская революция 1917 г. / А. Ф. Керенский. Москва, 2005. 383 с.
88. Китаев Н. Н. Гипноз и преступления / Н. Н. Китаев. Иркутск, 2006. 60 с.

89. Китаев Н. Н. Живучесть ложных представлений / Н. Н. Китаев // Законность. 2005. № 1. С. 43-45.
90. Китаев Н. Н. «Криминалистический экстрасенс» Вольф Мес-синг: правда и вымысел / Н. Н. Китаев. Иркутск, 2006. 122 с.
91. Китаев Н. Н. Несостоятельность помощи экстрасенсов в оперативно-розыскной деятельности (правда и вымысел о «вещунье» Кларе из Карелии) / Н. Н. Китаев // Оперативник (Сыщик). 2006. № 3. С. 29-31.
92. Китаев Н. Н. О роли осязания в предъявлении предметов для опознания / Н. Н. Китаев, В. Н. Китаева // Российский следователь. 2009. № 21. С. 6-8.
93. Китаев Н. Н. Очная ставка – эффективное следственное действие в арсенале настоящих профессионалов / Н. Н. Китаев // Российская юстиция. 2008. № 4. С. 24-26.
94. Китаев Н. Н. Особенности расследования случаев гибели людей на железнодорожном транспорте / Н. Н. Китаев // Южноуральские криминалистические чтения. 1999. Вып. 7. С. 72-74.
95. Китаев Н. Н. Психологическая экспертиза по делам об убийствах по сексуальным мотивам / Н. Н. Китаев // Социалистическая законность. 1991. № 4. С. 30-31.
96. Китаев Н. Н. Психофизиологическая экспертиза – «незаконнорожденное дитя» ОРД / Н. Н. Китаев // Законность. 2007. № 3. С. 37-40.
97. Китаев Н. Н. Психофизиологическая экспертиза – грубое нарушение Инструкции о порядке применения полиграфа при опросе граждан / Н. Н. Китаев // Российский следователь. 2007. № 3. С. 32-34.
98. Китаев Н. Н. Раскрытие и расследование преступлений / Н. Н. Китаев. Москва, 2020. 344 с.
99. Китаев Н. Н. Результаты опроса на полиграфе не могут иметь статус уголовно-процессуальных доказательств / Н. Н. Китаев, А. Н. Архипова // Российский следователь. 2010. № 3. С. 5-7.
100. Китаев Н. Н. Экспертиза сновидений серийного убийцы как средство доказывания вины / Н. Н. Китаев // Дальневосточные криминалистические чтения. 1999. Вып. 4. С. 105-107.
101. Китаев Н. Н. Экспертные психологические исследования в уголовном процессе: проблемы, практика, перспективы / Н. Н. Китаев, В. Н. Китаева. Иркутск, 2002. 432 с.

102. Китаева В. Н. Животные и преступления: уголовно-правовое и криминалистическое исследование / В. Н. Китаева. Иркутск, 2010. 282 с.
103. Китсинг И. В. Естественнонаучная критика спиритизма и мистики в России во второй половине XIX века : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / И. В. Китсинг. Санкт-Петербург, 2017. 160 с.
104. Клейн Л. С. Рациональный взгляд на успехи мистики / Л. С. Клейн // В защиту науки : бюллетень. 2012. № 10. С. 57-68.
105. Клименко Т. Слуга Сатаны в Оптиной пустыни / Т. Клименко // Записки криминалистов. 1994. Вып. 3. С. 165-169.
106. Ковтун Н. Н. О понятии и содержании понятия «судебный следователь» (следственный судья) / Н. Н. Ковтун // Российский судья. 2010. № 5. С. 15-19.
107. Когосов А. П. Формы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. П. Когосов. Челябинск, 2011. 30 с.
108. Кокорев Л. Д. Участники уголовного процесса / Л. Д. Кокорев, В. Н. Шпилев. Минск, 1970. 176 с.
109. Колодный Л. Страсти в одном доме / Л. Колодный // Московский комсомолец. 2007. 2 мая.
110. Комиссарова Я. В. Ошибки при производстве судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа / Я. В. Комиссарова // Судебная экспертиза: типичные ошибки. Москва, 2012. С. 226-241.
111. Коршунова О. Н. Преступления экстремистского характера / О. Н. Коршунова. Санкт-Петербург, 2006. 325 с.
112. Косарев В. Н. Использование микрообъектов в расследовании преступлений / В. Н. Косарев, И. В. Макогон. Волгоград, 2005. 232 с.
113. Костоев И. Россия: преступный мир / И. Костоев, В. Викторов. Москва, 1998. 508 с.
114. Костомаров Б. Трупы на рельсах / Б. Костомаров // Интерполия. 1994. № 4. С. 10-21.
115. Крашенинников Н. И. Получение оперативно-розыскной информации о преступлениях и использование ее в оперативной

- и судебно-следственной практике / Н. И. Крашенинников. Санкт-Петербург, 2001. 115 с.
116. Криминалистика : учебное пособие / под редакцией А. В. Дулова. Минск, 1996. 415 с.
117. Криминалистика : учебник / под редакцией А. Н. Васильева. Москва, 1980. 496 с.
118. Криминалистика / под редакцией В. А. Образцова. Москва, 1997. 756 с.
119. Криминалистика / под редакцией И. Ф. Герасимова и Л. Я. Драпкина. Москва, 1994. 527 с.
120. Криминалистика / под редакцией Н. П. Яблокова. Москва, 2005. 781 с.
121. Криминалистика / под редакцией Р. С. Белкина. Москва, 2005. 992 с.
122. Кругляков Э. П. «Ученые» с большой дороги – 2 / Э. П. Кругляков. Москва, 2006. 334 с.
123. Кудрявцева Ю. А. Получение образцов для сравнительного исследования в уголовном процессе России : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ю. А. Кудрявцева. Челябинск, 2013. 30 с.
124. Кузнецов А. Куропаты / А. Кузнецов // Дилетант. 2019. № 5. С. 6–9.
125. Лазарева Л. В. Правовая экспертиза: проблемы становления и перспективы развития / Л. В. Лазарева // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 49–55.
126. Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика / А. М. Ларин. Москва, 1996. 179 с.
127. Леканов Ю. Сибиряк Николай Китаев – следователь от Бога / Ю. Леканов // Записки криминалистов. Москва, 1993. Вып. 1. С. 135–145.
128. Лубшев Ю. Ф. Курс адвокатского права / Ю. Ф. Лубшев. Москва, 2004. 392 с.
129. Лунева З. М. Установление вида травмы путем математического моделирования в судебной медицине : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук / З. М. Лунева. Москва ; Курск, 1983. 26 с.
130. Лунеев В. В. Криминологические проблемы глобализации / В. В. Лунеев // Государство и право. 2010. № 1. С. 45–61.
131. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: их виды, содержание и формы / П. А. Лупинская. Москва, 1976. 167 с.

132. Львов В. Е. Фабриканты чудес / В. Е. Львов. Ленинград, 1974. 302 с.
133. Люксембург А. М. Серийный убийца: портрет в интерьере / А. М. Люксембург, А. Х. Яндиев. Ростов-на-Дону, 2001. 384 с.
134. Мавлюдов А. К. Осмотр места происшествия по делам об авариях на водном транспорте : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 1979. 212 с.
135. Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах / П. В. Макалинский. 6-е изд. (посмертное). Санкт-Петербург : Изд. юр. кн. маг. Н. К. Мартынова, 1907. Часть I. V, [3], 380 с. Часть II. [2], IV, 762, LIX с., [1] с.
136. Макаркин А. И. Состязательность на предварительном следствии / А. И. Макаркин. Санкт-Петербург, 2004. 263 с.
137. Малышкин П. В. Судебная экспертология / П. В. Малышкин, Н. А. Подольный. Саранск, 2009. 123 с.
138. Мартынчик Е. Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования / Е. Г. Мартынчик. Москва, 2009. 258 с.
139. Мацун Е. А. Процессуальное положение специалиста в уголовном процессе России : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Е. А. Мацун. Челябинск, 2013. 23 с.
140. Мельман Р. Значение судебно-психологической экспертизы для доказывания мотива преступления / Р. Мельман, Н. Подольная // Советская юстиция. 1989. № 18. С. 18-19.
141. Методы прикладной психологии в раскрытии и расследовании преступлений / Л. П. Гримак [и др.]. Москва, 1999. 171 с.
142. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования / В. А. Мещеряков. Воронеж, 2002. 407 с.
143. Моисеева Т. Ф. Методология комплексного криминалистического исследования потожировых следов человека : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Т. Ф. Моисеева. Москва, 2002. 55 с.
144. Мурсалиева Г. Экспертизы специального назначения. Выполнят любой заказ, найдут все, что нужно / Г. Мурсалиева // Новая газета. 2017. 15 сент.
145. Назаров В. А. Судебная экспертология / В. А. Назаров. Оренбург, 2007. 291 с.

146. Назначение и производство криминалистических экспертиз : пособие для следователей и судей / Л. Д. Беляева [и др.]. Москва, 1976. 296 с.
147. Нетрадиционное мышление в теории и практике раскрытия преступления / Е. Г. Самовичев // Нетрадиционные методы в раскрытии преступления : тезисы научно-практического семинара / под редакцией Е. Г. Самовичева. Москва : ВНИИ МВД РФ, 1994. 158 с.
148. Николайченко В. В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления: криминалистическая теория и практика: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / В. В. Николайченко. Саратов, 2006. 50 с.
149. Новоселов В. П. Методы геномной «дактилоскопии» в экспертизе идентификации личности и кровного родства / В. П. Новоселов, Д. А. Шаронова. Новосибирск, 1999. 137 с.
150. Образцов В. А. Криминалистическая психология / В. А. Образцов, С. Н. Богомолова. Москва, 2002. 448 с.
151. Образцов В. А. Основы криминалистики / В. А. Образцов. Москва, 1996. 160 с.
152. Общая теория права / под редакцией А. С. Пиголкина. Москва, 1998. 384 с.
153. Обыскалов Е. П. О некоторых аспектах борьбы органов внутренних дел с профессиональной преступностью / Е. П. Обыскалов, А. Н. Поздняков // Закон и право. 2020. № 2. С. 163–167.
154. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под редакцией К. К. Горяинова [и др.]. Москва, 2004. 848 с.
155. Осьмаков М. А. Адвокатское расследование в современном уголовном процессе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / М. А. Осьмаков. Владимир, 2007. 25 с.
156. Палиашвили А. Я. Экспертиза в суде по уголовным делам / А. Я. Палиашвили. Москва, 1973. 142 с.
157. Панин С. А. Религиоведческая экспертиза в России: проблемы и перспективы / С. А. Панин, М. В. Козлов // Религиоведение. 2016. № 1. С. 77–109.
158. Петрова Т. В. Использование специальных знаний адвокатом в уголовном судопроизводстве : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Т. В. Петрова. Москва, 2007. 32 с.

159. Питулько К. Постатейный комментарий к ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» / К. Питулько, В. Коряковцев. Санкт-Петербург, 2002. 304 с.
160. Плоткин Д. М. Новейшие методы исследования вещественных доказательств в криминалистике / Д. М. Плоткин, Е. П. Ищенко. Рязань, 2005. 256 с.
161. Полевой Н. С. Криминалистическая кибернетика / Н. С. Полевой. Москва, 1982. 206 с.
162. Пономаренко Е. В. Основания для принудительного получения образцов для сравнительного исследования / Е. В. Пономаренко // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 2. С. 99–106.
163. Попов В. Л. Судебно-медицинская казуистика / В. Л. Попов. Ленинград : Медицина, 1991. 304 с.
164. Правоохранительные органы Российской Федерации : учебник для бакалавров / В. А. Байдуков [и др.] ; под редакцией В. М. Бозрова. Москва : Юрайт, 2014. 414 с.
165. Прокоп О. Медицинская астрология / О. Прокоп // Медицинский оккультизм : парамедицина : [сборник статей] / под редакцией О. Прокопа ; перевод с немецкого Н. Ф. Кастрикина ; с предисловием и под редакцией А. В. Снежневского. Москва : Медицина, 1971. 230, [2] с.
166. Прокурорский надзор / под редакцией Ю. Е. Винокурова. Москва, 2001. 348 с.
167. Протасевич А. А. Кровь как структурный элемент следовой обстановки на месте происшествия: очерки теории и практики следственной работы / А. А. Протасевич, Д. А. Степаненко, В. И. Шиканов. Иркутск, 1998. 186 с.
168. Протопопов А. Л. Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений / А. Л. Протопопов // Вестник криминалистики. 2008. № 4 (28). С. 4–11.
169. Протопопов А. Л. Проблемы освидетельствования / А. Л. Протопопов // Вестник криминалистики. 2016. № 1 (57). С. 23–33.
170. Протопопов А. Л. Прокурорский надзор за расследованием убийств / А. Л. Протопопов. Санкт-Петербург, 2006. 370 с.
171. Протопопов А. Л. Расследование сексуальных убийств / А. Л. Протопопов. Санкт-Петербург, 2001. 226 с.
172. Протопопов А. Л. Расследование серийных убийств / А. Л. Протопопов. Санкт-Петербург, 2006. 280 с.

173. Протопопов А. Л. Расследование убийств в ситуации сокрытия трупа / А. Л. Протопопов, А. Н. Архипова, Н. Н. Китаев. Иркутск : Изд-во ИрННТУ, 2016. 130 с.
174. Протопопов А. Л. Следователь и ОРД / А. Л. Протопопов // Оперативник (Сыщик). 2016. № 2(47). С. 46–50.
175. Протопопов А. Л. Следственные версии по делам об убийстве / А. Л. Протопопов, В. Н. Туркова. Иркутск, 2019. 160 с.
176. Протопопов А. Л. Установление личности потерпевшего по делам об убийстве / А. Л. Протопопов, А. Н. Архипова. Иркутск, 2018. 111 с.
177. Психологическая энциклопедия / под редакцией Р. Корсини и А. Ауэрбаха. 2-е изд. Санкт-Петербург, 2006. 1096 с.
178. Путинцев А. В. Экспертная оценка входных огнестрельных отверстий на своде черепа / А. В. Путинцев, А. Д. Дилис, Н. Н. Китаев // Судебно-медицинская экспертиза. 1990. № 4. С. 6–8.
179. Раздьяконов В. С. «Наука» и «религия» в эпистемологии отечественных спиритуалистов: трансформация классической науки в конце XIX столетия / В. С. Раздьяконов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 4 (33). С. 18–23.
180. Расследование многоэпизодных убийств, совершенных на сексуальной почве / А. И. Дворкин [и др.] ; под ред. А. И. Дворкина. Москва, 2004. 414 с.
181. Рахматуллин Р. Р. Раскрытие преступлений и некоторые критерии оценки работы следователей / Р. Р. Рахматуллин // Библиотека криминалиста. 2016. № 2. С. 227–231.
182. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому уголовно-процессуальному праву / Р. Д. Рахунов. Москва, 1961. 277 с.
183. Розенблит С. Я. Криминалистика криминалистических стран / С. Я. Розенблит // Советская криминалистика на службе следствия. 1956. Вып. 8. С. 208–210.
184. Розенталь М. Я. Теория и практика использования микрочастиц в расследовании тяжких преступлений против личности / М. Я. Розенталь. Красноярск, 1993. 146 с.
185. Романовы: следствие длиною в век / составитель Е. Тамплон. Екатеринбург, 2018. 127 с.
186. Российский прокурорский надзор / под редакцией А. Я. Сухарева. Москва, 2001. 384 с.

187. Россинская Е. Р. Теория судебной экспертизы / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин. Москва, 2013. 382 с.
188. Савицкая И. Г. Формы участия специалиста в уголовном судопроизводстве : автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук / И. Г. Савицкая. Владимир, 2012. С. 8–12.
189. Сайков В. И. Преступления без наказания / В. И. Сайков. Иркутск, 2009. 352 с.
190. Салтевский М. В. Криминалистика. В современном изложении юристов / М. В. Салтевский. Киев : Рубикон, 1996. 432 с.
191. Самовичев Е. Г. Временные характеристики криминального события как источник информации о личности виновного / Е. Г. Самовичев // Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений : тезисы научно-практического семинара. Москва, 1994. С. 79–81.
192. Самовичев Е. Г. О некоторых астрологических показателях сексуального садизма / Е. Г. Самовичев // Российская астрология. 1993. № 2. С. 23–31.
193. Самовичев Е. Г. Психологическое обеспечение раскрытия серийных убийств / Е. Г. Самовичев, Д. В. Миронов. Москва, 2002. 176 с.
194. Сапожников Ю. С. Воспоминания судебного медика / Ю. С. Сапожников. Киев, 1966. 352 с.
195. Сапожников Ю. С. Криминалистика в судебной медицине / Ю. С. Сапожников. Киев, 1970. 268 с.
196. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе / Ф. С. Сафуанов. Москва, 1998. 190 с.
197. Свасьян А. К. Фридрих Ницше: история одного поражения: вступительная статья / А. К. Свасьян // Ницше Ф. Избранные произведения» / Ф. Ницше. Москва, 1993. С. 4–46.
198. Светличный А. А. К вопросу о дискуссионности понятия «специальные знания» / А. А. Светличный // Известия Тульского государственного университета. Сер. Государство и право. 2012. С. 279–286.
199. Сегай М. Я. Судебная экспертология: объект, предмет, природа и система науки / М. Я. Сегай // Теория и практика судебной экспертизы и криминалистики. Харьков : Право, 2003. Вып. 3. С. 25.
200. Селиванов Н. А. Математические методы в собирании и исследовании доказательств / Н. А. Селиванов. Москва, 1974. 120 с.

201. Селиванов Н. А. Получение информации с помощью гипноза : пособие для следователя / Н. А. Селиванов. Москва, 1999. 444 с.
202. Селиванов Н. А. Экспертиза на предварительном следствии / Н. А. Селиванов, Г. И. Кочаров, И. В. Виноградов. Москва, 1967. 248 с.
203. Семенов Е. А. Специалист в уголовном судопроизводстве : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Е. А. Семенов. Орел, 2010. 31 с.
204. Скрипка А. Ударная терапия / А. Скрипка. Текст : электронный // Российская газета : сайт. 2016. 24 марта. URL: <https://rg.ru/2016/03/24/reg-cfo/v-belgorode-oglasili-prigovor-vrachu-izbivshemu-pacienta-do-smerti.html> (дата обращения: 31.01.2020).
205. Смирнов А. В. Состязательный процесс / А. В. Смирнов. Санкт-Петербург, 2001. 320 с.
206. Смоляницкий А. Г. Оценка судом результатов судебно-медицинской молекулярно-генетической экспертизы / А. Г. Смоляницкий // Актуальные вопросы идентификации личности : материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 1999. С. 77-78.
207. Советский уголовный процесс / под редакцией Н. С. Алексеева и В. З. Лукашевича. Ленинград, 1989. 472 с.
208. Сокол В. Ю. Затянувшийся триумф теории отражения в отечественной криминалистике / В. Ю. Сокол. Краснодар, 2019. 324 с.
209. Сокол В. Ю. Кризис отечественной криминалистики / В. Ю. Сокол. Краснодар, 2017. 332 с.
210. Сокол В. Ю. Людвиг фон Ягеманн — основатель научной системы расследования преступлений и криминалистики / В. Ю. Сокол // Вестник Краснодарского университета МВД. 2012. № 2 (16). С. 62-68.
211. Соколова О. А. Криминалистическая диагностика человека по его следам и отображениям : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / О. А. Соколова. Москва, 2018. 54 с.
212. Сорокотягин И. Н. Судебная экспертиза / И. Н. Сорокотягин, Д. А. Сорокотягина. Москва, 2016. 288 с.
213. Спраговский А. И. Записки следователя КГБ. Машинопись / А. И. Спраговский. Томск, 2012. 20 с.
214. Старовойтов В. И. Об ошибках в судебной ольфакторной экспертизе / В. И. Старовойтов // Ошибки судебной экспертизы:

- причины, выявление, предупреждение : материалы круглого стола (МГЮА, г. Москва, 26 января 2012 г.). Москва, 2012. С. 135–138.
215. Суворова Л. А. Идеальные следы в криминалистике : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Л. А. Суворова. Воронеж, 2005. 24 с.
216. Судебная психиатрия / под редакцией А. С. Дмитриева и Т. В. Клименко. Москва, 1998. 408 с.
217. Судебные экспертизы / под редакцией Н. А. Селиванова. Москва, 1980. 192 с.
218. Татаренко В. А. Статистико-вероятный метод определения степени достоверности экспертных выводов / В. А. Татаренко // Судебно-медицинская экспертиза. 1990. № 2. С. 47–48.
219. Твердая И. Н. Закон больших чисел как выражение диалектической связи между случайностью и необходимостью / И. Н. Твердая // Дальневосточные криминалистические чтения. 1999. Вып. 4. С. 116–121.
220. Тейяр де Шарден П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. Москва, 1987. 239 с.
221. Телегина Т. Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Т. Д. Телегина. Москва, 2008. 24 с.
222. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р. С. Белкин [и др.] ; отв. ред. Н. В. Жогин. Москва, 1973. 736 с.
223. Торбин Ю. Г. Освидетельствование как способ собирания доказательств на стадии предварительного расследования / Ю. Г. Торбин. Москва, 2005. 232 с.
224. Трунов И. Л. Государственная тайна / И. Л. Трунов // Право и безопасность. 2008. № 3(28). С. 74–78.
225. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под редакцией А. И. Рарога. Москва, 2012. 722 с.
226. Уголовное право. Общая часть / под редакцией Б. В. Здравомыслова. Москва, 1996. 509 с.
227. Уголовное право. Общая часть / под редакцией Г. Л. Касторского и А. И. Чучаева. Санкт-Петербург, 2009. 754 с.
228. Уголовно-процессуальное право / под редакцией В. И. Рохлина. Санкт-Петербург, 2004. 651 с.

229. Уголовный процесс / под редакцией В. П. Божьева. Москва, 2002. 704 с.
230. Уголовный процесс / под редакцией К. Ф. Гуценко. Москва, 1998. 575 с.
231. Уголовный процесс. Общая часть / под редакцией В. З. Лукашевича. Санкт-Петербург, 2004. 448 с.
232. Устинов С. Г. Тайноведение как культурно-исторический феномен современной России : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / С. Г. Устинов. Тюмень, 2006. 23 с.
233. Федоров Н. Ф. Сочинения. Статьи философского и эстетического содержания / Н. Ф. Федоров. Москва, 1995. Т. 2. 544 с.
234. Философский словарь / под редакцией М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина. Москва, 1963. 544 с.
235. Финкельштейн А. М. Наука: вызовы природы и общества / А. М. Финкельштейн // В защиту науки : бюллетень. 2007. № 2. С. 40–51.
236. Финн Э. А. Немые свидетели изобличают / Э. А. Финн. Москва, 1965. 80 с.
237. Фридлиндер Г. М. Достоевский и Ницше (глава) // Фридлиндер Г. М. Достоевский и мировая литература / Г. М. Фридлиндер. Ленинград, 1985. С. 251–290.
238. Хефлинг Х. Шерлок Холмс в наши дни / Х. Хефлинг. Москва, 1991. 62 с.
239. Хмуркин Г. Реальное число жертв изъятия церковных ценностей в 1922–1923 гг. / Г. Хмуркин // Вопросы истории. 2018. № 10. С. 40–51.
240. Холодный Ю. И. Проведение криминалистических исследований с применением полиграфа при помощи переводчика / Ю. И. Холодный, В. В. Горленко // Юридическая психология. 2013. № 4. С. 7–11.
241. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов. Санкт-Петербург, 1995. 846 с.
242. Черепанов Г. Г. Гипноз как нетрадиционный способ проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос» / Г. Г. Черепанов, А. А. Шмидт // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3(25). С. 83–87.

243. Чурилов С. Н. Криминалистическая методика: история и современность / С. Н. Чурилов. Москва, 2002. 370 с.
244. Шамурзаев Т. Т. Использование знаний в области гидрологии при розыске трупов / Т. Т. Шамурзаев, А. Н. Архипова, В. Н. Туркова // Закон и право. 2019. № 1. С 144-146.
245. Шамурзаев Т. Т. Криминалистика и спиритизм. О проникновении лженауки в юриспруденцию / Т. Т. Шамурзаев, Н. Н. Китаев, В. Н. Китаева // Закон и право. 2019. № 3. С. 115-117.
246. Шапошников А. Ю. Психолого-вокалографическая экспертиза как посягательство на принцип свободной оценки доказательств / А. Ю. Шапошников, И. А. Шапошникова // Уголовный процесс. 2013. № 1(97). С. 50-57.
247. Шаталов А. С. Проблема алгоритмизации расследования преступлений : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / А. С. Шаталов. Москва, 2000. 36 с.
248. Шахматов А. П. Кодекс бесчестья / А. П. Шахматов. Иркутск, 2011. 288 с.
249. Шахматов А. П. Последний полет Чайки / А. П. Шахматов. Иркутск, 2009. 223 с.
250. Шахнович М. И. Современная мистика в свете науки / М. И. Шахнович. Москва ; Ленинград, 1965. 207 с.
251. Шевченко Б. И. Научные основы современной трасологии / Б. И. Шевченко. Москва, 1947. 54 с.
252. Шендеров В. А. Биомеханическая экспертиза: выявление индивидуальных особенностей походки и осанки при идентификации личности / В. А. Шендеров, М. В. Негреева, Н. Н. Китаев // Российский журнал биомеханики. 2007. Т. 11, № 2. С. 75-78.
253. Шепитько М. В. Проблемы соотношения экспертных ошибок и ложного заключения эксперта / М. В. Шепитько // Ошибки судебной экспертизы: причины, выявление, предупреждение : материалы круглого стола (МГЮА, г. Москва, 26 января 2012 г.). Москва, 2012. С. 152-154.
254. Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса / С. Д. Шестакова. Санкт-Петербург, 2001. 220 с.
255. Шляхов А. Р. Процессуальные и организационные основы криминалистической экспертизы / А. Р. Шляхов. Москва, 1972. 119 с.

256. Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение / А. Р. Шляхов. Москва, 1979. 168 с.
257. Шмони́н А. В. Методика расследования преступлений / А. В. Шмони́н. Москва, 2006. 464 с.
258. Шурухнов Н. Г. Криминалистика / Н. Г. Шурухнов. Москва, 2008. 718 с.
259. Щипов С. В. Использование адвокатом в уголовном процессе специальных познаний : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / С. В. Щипов. Москва, 2006. 22 с.
260. Эйсман А. А. Заключение экспертизы / А. А. Эйсман. Москва, 1971. 164 с.
261. Эксархопуло А. А. Криминалистика / А. А. Эксархопуло. Санкт-Петербург, 2009. 902 с.
262. Эксархопуло А. А. Криминалистика в схемах и иллюстрациях / А. А. Эксархопуло. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. 261 с.
263. Эксархопуло А. А. Основы криминалистической теории / А. А. Эксархопуло. Санкт-Петербург, 1992. 116 с.
264. Эксархопуло А. А. Предмет и система криминалистики / А. А. Эксархопуло. Санкт-Петербург, 2004. 112 с.
265. Эксархопуло А. А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы // Вестник криминалистики. 2001. Вып. 2. С. 22–28.
266. Эксархопуло А. А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела / А. А. Эксархопуло. Санкт-Петербург, 2005. 227 с.
267. Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика / А. М. Яковлев. Москва, 1985. 247 с.
268. Янг С. Х. Обреченные на убийство / С. Х. Янг, Э. Роулэнд. Москва, 1998. 186 с.
269. Яровенко В. В. Криминалистическая дерматоглифика / В. В. Яровенко // Юридические исследования. 2013. № 4. С. 351–372.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Протопопов Александр Львович

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Института экономики и права Университета при МПА ЕврАзЭС
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: reign@bk.ru

Ардасhev Роман Георгиевич

кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела —
начальник отделения психологического обеспечения
отдела морально-психологического обеспечения
Управления по работе с личным составом
Министерства внутренних дел по Республике Бурятия
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: ardashev.roman@gmail.ru

DATA ABOUT AUTHORS

Aleksandr L. Protopopov

Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Professor of Criminal Procedure and Criminalistics Department
in Economics and Law Institute of University under the IPA EurAsEC
St. Petersburg, Russia
E-mail: reign@bk.ru

Roman G. Ardashev

Cand. Sci. (Law), Deputy Head of Department —
Head of Psychological Support Division of Moral and Psychological
Support Department in Personnel Administration
of the Ministry for Internal Affairs of Buryatia
Ulan-Ude, Russia
E-mail: ardashev.roman@gmail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Применение специальных знаний в расследовании преступлений	
1.1 Специальные знания в криминалистике. Понятие, сущность.....	8
1.2 Формы и субъекты использования специальных знаний.....	33
1.3 Участие специалиста при производстве следственных и процессуальных действий.....	69
1.4 Специальные знания и попытки использования иррационального мышления в раскрытии и расследовании преступлений.....	110
ГЛАВА 2. Судебная экспертиза как основная форма использования специальных знаний	
2.1 Значение судебных экспертиз, их теоретические проблемы.....	122
2.2 Объект, предмет и классификация судебной экспертизы.....	128
2.3 Проблема судебных экспертиз на основе общественных наук.....	149
2.4 Компетенция и независимость эксперта. Оценка заключения эксперта.....	191
2.5 Роль следователя при назначении и производстве экспертизы.....	219
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	227
ЛИТЕРАТУРА.....	230
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	250

Научное издание

Александр Львович Протопопов
Роман Георгиевич Ардашев

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Монография

Дизайн обложки А. Г. Мельникова

Редактор Е. П. Евдокимова

Компьютерная верстка С. В. Сазоновой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 15.06.20. Формат 60x84 1/16.
Уч.-изд. л. 11,78. Усл. печ. л. 8,84. Тираж 500. Заказ 80.
Цена свободная.

Монография издана за счет средств авторов

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии
Издательства Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а